Паль Лин фон

Тайны тамплиеров

Мужество — это добродетель, не позволяющая проникать в благородное сердце рыцаря семи смертным грехам, которые прямой дорогой ведут к вечным мукам преисподней и которые суть следующие: чревоугодие, сладострастие, скупость, уныние, гордыня, зависть, гнев. Поэтому рыцарю, выбравшему эту дорогу, не попасть в то место, которое душевное благородство выбрало своей вотчиной.

Раймонд Луллий. КНИГА О РЫЦАРСКОМ ОРДЕНЕ

Говорить то, что является несоответствующим — преступление, как перед Богом, так и перед человеком. Многие из нас предали и Бога, и свою страну. Я признаю мою вину, которая состоит в том, что, к моему позору и стыду, я не смог стерпеть боль пыток и страх смерти и сказал неправду, приписывающую грехи и вину прославленного ордена. Я презираю себя за то, что пытался снискать несчастное и позорное существование, прививая ложь на первоначальную ложность.

Жак де Молэ, 18 марта 1314 года

Проклятие Великого магистра

День 18 марта 1314 года был в Париже теплый и солнечный, прекрасно весенний. Именно в этот достопамятный день наконец-то после долгих лет ожидания высший церковный суд вынес приговор рыцарям-храмовникам, томившимся по застенкам всей Франции. Оглашение приговора папа и французский король решили провести прямо у стен собора Парижской богоматери. Для этого к стенам Нотр Дам де Пари пригнали плотников, и они в считанные часы соорудили деревянную платформу, с которой и должны были прозвучать роковые слова. Сюда из застенков еще недавно принадлежавшего рыцарям Тампля доставили четырех стариков — магистра Аквитании Годфруа де Гонвиля, визитатора Франции Гуго де Пейро, магистра Нормандии Жоффруа де Шарнэ и Великого магистра ордена тамплиеров Жака де Молэ. Парижский люд, обожавший кровавые зрелища, столпился у подмостков. Кругом в карауле, дабы не допустить народных волнений, стояли королевские лучники, а на самом помосте выстроились кардиналы и епископы, одетые как подобает по случаю торжества. Ничего сверхобычного от события они не ждали: грешники признали свою вину и покаялись, и теперь их требовалось просто предъявить горожанам, чтобы было ясно, куда идут деньги налогоплательщиков. Подъехала телега, с которой и сгрузили четверых заключенных. Все они были уже немолоды, а самому Великому магистру перевалило за семьдесят лет. Одетые в шутовские наряды, полагающиеся еретикам, они друг за другом взошли на возвышение. Для столь торжественного случая Великого магистра и его друга магистра Нормандии заранее привезли в Париж из далекого замка в Жизоре.

Как бывает в таких случаях, сначала вышел вперед прево Парижа и огласил, с какой целью были приглашены к стенам собора горожане. Затем он передал «говорительную» эстафету церковным иерархам — именно они должны были озвучить решение суда. Но когда один из кардиналов зачитал приговор, неожиданно мягкий — всего лишь пожизненное тюремное заключение для всех четверых и неоправданно жестокий для всего ордена — полное уничтожение, его размеренный и спокойный голос перебил крик Великого магистра.

— Не верьте им, — крикнул Жак де Молэ, — Орден чист перед Богом.

Кардинал попробовал укорить магистра, что он своими собственными устами признался в тяжких прегрешениях братьев, но магистр не дал ему договорить.

— Это признание получено под пытками! Я сделал его, страшась пламени костра! Но сегодня я предпочту костер. Запомните: на Ордене нет греха.

— Орден чист перед богом, — с той же отчаянной прямотой подтвердил и нормандский магистр.

— Они заставили нас оклеветать Орден, — крикнул де Молэ.

И кардинал, вспыхнув от ярости, не нашел лучшего решения, как дать знак сержанту охраны, и тот двинул Великого магистра кулаком по зубам. По длинной седой бороде старика потекла струйка крови. Оглашение приговора, вся его торжественность, государственная значимость — все было сорвано. В результате кардинал, перекрикивая толпу, сообщил, что два непримиримых старика снова впали в ересь и сами подписали себе смертный приговор.

Тем же вечером, после заката, Жака де Молэ и нормандского магистра Жофруа де Шарнэ привезли на маленький наносной островок посреди Сены, носивший прозвание Еврейского. Тут быстро соорудили эшафот, вбили в землю столбы и подготовили дрова и ветки, требующиеся для казни еретиков. Обоих заключенных переодели в длинные простые рубахи и подвели к столбам. Именно так — босыми, простоволосыми и в рубище — должны были они закончить свою земную жизнь. Народ, получивший днем приятную неожиданность у стен Нотр Дам, должен был вечером увидеть полное торжество закона — небесного и человеческого. Кардиналы почти не сомневались, что окаянные магистры будут молить о пощаде, увидев языки пламени, и в конце концов разнесутся над весенней Сеной крики отчаяния и боли. Смертников, подталкивая тычками, подвели к столбам, тут Великий магистр попросил дозволения помолиться. Он сложил руки и недолго так стоял, что-то проговаривая одними губами, но что — толпе не было слышно. Потом он попросил, чтобы его привязали к столбу так, чтобы лицо его было обращено к видневшемуся вдали собору Парижской богоматери. Стражники посмеялись, но желание исполнили. Пока все шло по сценарию. По знаку два факельщика поднесли колеблющийся на ветру огонь к сухим дровам, вот родился первый ручеек пламени, второй… Они знали свою работу и стремились сделать зрелище как можно более красочным. Но когда огонь добрался до ног казнимых, раздались не отчаянные мольбы о помощи и не крики боли. Оба магистра кричали, что Орден оклеветан, что вина за смерть погибших его братьев полностью лежит на церкви и короле. Говорят, что последними словами Великого магистра были такие: не пройдет и года, — кричал Магистр, — и ты, клеветник Ногарэ, ты, Филипп Красивый, и ты, Климент, встретитесь с нами на другом, честном суде! И тот суд никого из вас не пощадит! Он пообещал французскому королю, что проклятие затронет весь королевский род, вплоть до тринадцатого колена…

А потом пламя разгорелось, и силуэты магистров стали неразличимыми среди огня. Ни мольбы о прощении, ни криков, ни стонов, ничего из того, чего так страстно ожидали увидеть палачи, не произошло, Оба старых тамплиера умерли молча и с невероятным достоинством. Если их странное поведение на долгоиграющем процессе и можно было назвать малодушным, то смерть их оказалась красивой и гордой. Недаром она так врезалась в память парижан, что тут же стала обрастать легендами. Ногарэ, готовивший представление, ходил мрачнее тучи. Церковь осталась неудовлетворенной, король — в ярости.

Сам он на островок поближе к жертвам не соизволил перебраться, но весь этот инсценированный кошмар наблюдал из дворцовых окон — не случайно костер запалили на Еврейском острове, расположенном точно против королевского дворца. Отчет о проведении мероприятия его сильно разозлил. А последние слова Жака де Молэ напугали — король, впрочем как и все средневековые люди, верил в силу проклятия. Французы же, убежденные, что преданному смерти человеку открывается будущее и все составляющие его тела становятся либо колдовским материалом, либо священной реликвией (это уж с какой точки зрения смотреть), до самого рассвета, после того как костер потух, ползали на коленках в кромешной тьме и собирали в кульки и мешочки горячий еще пепел — одни засыпали его в

ладанки, чтобы стать поближе к богу, другие использовали для изготовления магических снадобий.

В этом же злополучном 1314 году ушли из жизни один за другим папа римский Климент Пятый, советник короля и главный его фаворит Ногарэ, а затем и сам Филипп Четвертый. И в последующее столетие по королевскому французскому роду прокатилась волна смертей — один за другим восходили и скоро сходили в могилу короли и королевы, а также их ближайшие родственники. А еще на земли Франции пришла долгая, бесплодная и плодящая только мертвецов война, которую мы знаем под названием Столетней — это сцепились между собой две ветви одного и того же рода, английская и французская. Так что слова Магистра — согласно легенде — оказались вещими, убыль в королевском семействе Капетов была поразительной.

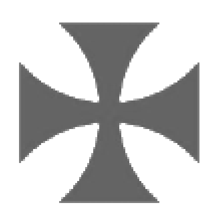
Но Орден? Увы, с последним Великим магистром рыцари-тамплиеры перестали существовать, оставив тем не менее невероятное количество тайн — как из далекого прошлого, так и в суетном настоящем. Светлой памяти этих запрещенных еретических рыцарей и посвящена эта книга.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОД СОЛНЦЕМ ПАЛЕСТИНЫ

Кое-что о тайнах

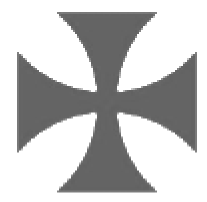
Начитавшись клинических откровений Дэна Брауна, теперь каждый знающий грамоту человек может честно сказать: тамплиеры? Конечно, самые загадочные из рыцарей! Хранители Грааля, который есть кровь и потомство Марии Магдалины!

Нет уж, граждане хорошие, давайте сразу договоримся: бульварное чтиво — это бульварное чтиво, и дэнбрауновские тамплиеры не имеют к некогда жившим и славным рыцарям Храма ровно никакого от-ношения, потому хотя бы, что Браун написал несколько детективов, а не серьезное научное исследование. Конечно, изучать по нему историю и составлять о тамплиерах мнение — глупость. Но можно сказать ему великое мерси — рыцарская тема неожиданно заинтересовала людей, очень далеких и от науки, и от истории. Только если вам все-таки хочется понять, почему пикантные рыцари привлекают вполне серьезных ученых мужей, а не только писателей триллеров и детективов, нужно углубиться в темные воды истории. Ведь — не правда ли, забавно? — никто не говорит о тайнах мальтийцев или тевтонцев, хотя, вне сомнения, у этих орденов были свои тайны, но задолго до Дэна Брауна «тамплиеры» и «тайны» — понятия, плохо отделимые друг от друга. Чем же

все-таки рыцари Храма отличались от всех прочих, если им приписывают самую невероятную секретную информацию? Может, это выдумка и ничем не отличались?

Тут спешу вас обрадовать: отличались, причем с самого начала образования Ордена, настолько отличались, что другие рыцари их не слишком жаловали и распространяли чудовищные легенды, причем задолго до неправедного королевского гонения. Их либо любили, либо ненавидели, не было равнодушных. А это показатель, что тамплиеры выпадали из общего ряда. Вот почему нам нужно хорошенько разобраться, что вызывало преклонение одних и лютую ненависть других. В чем тут причина? Как знаете, сильные чувства без причины не появляются, следовательно, именно несхожесть храмовников с другим рыцарством и вызывала такое отношение. Конечно, можно искать причину в том, что тамплиеры на фоне других рыцарей были своего рода элитой, но это часть ответа, но не сам ответ. Скажем, элитой среди монашеских орденов были доминиканцы, недаром им доверили проводить папскую политику по всей Европе и слова «доминиканцы» и «инквизиция» тоже стали синонимами, однако мы жене говорим о тайнах доминиканцев? Мы вполне честно можем признать, что если у этих «самых правильных христиан» тайны и были, то только чужие, вырванные вместе с мясом в узилищах и пытошных у несчастных их жертв. Все дело в том, что качество тайн у рыцарей Храма и у монахов или рыцарей из прочих орденов несопоставимое. Скажем так: прочим были ведомы какие-то мелкие и частные секреты, а тайны тамплиеров скорее связаны с их мировоззрением. Сами понимаете, это совершенно разные и несходные тайны. К тому же рыцари Храма «хорошо наследили» в истории. Пытаясь что-то скрыть, они стремились запутать следы, пользовались тайнописью, которую — в чем были уверены — никто и никогда не поймет, и всякий раз, сталкиваясь с этими вполне вещественными следами, люди, занимающиеся историей, скрежещут в ярости зубами. Можно историков понять. Следы тамплиеров похожи на испещренную загадочными значками карту, где повсюду четко и ясно написано «копать здесь». Где — здесь? И что — копать? Что обретешь в результате поиска — ладанку с каплей крови сладчайшего Иисуса или схороненное от чужих глаз Евангелие от Понтия Пилата? Или же окажется, что все выкопанное — серия фальшивок, а истина и поныне где-то там? И что в самой среде тамплиеров считалось наиболее важным: их подвиги? Их обряды? Их неслыханное богатство? Их тщательно оберегаемые и не названные настоящими именами находки? Их предания? Их отклонения в вере? Что-то же, не только неутолимая зависть короля, должно было заставить папу прикрыть Орден, и так его прикрыть, чтобы стереть самою память о нем, белое сделать черным и физически уничтожить или заставить замолчать всех, кого удалось поймать? Прямо какая-то антитеррористическая операция в средние века! Почему ничего такого не произошло ни с каким иным Орденом — ни с рыцарским, ни с монашеским?

Считайте эти размышления своего рода вступлением. Сейчас мы попробуем немного разобраться, где, когда и как появляются впервые на исторической сцене рыцари Храма. С этим, то есть с датой возникновения Ордена, местом возникновения и причиной возникновения, у нас проблемы.

Святая земля

И на самом деле, что считать датой возникновения любого объединения людей (в нашем случае — рыцарского ордена)? Год, когда появился замысел такого объединения по интересам? Год, когда собралась команда единомышленников? Год, когда был принят юридический документ организации, то есть ее устав? Год, когда было объявлено о создании объединения? В современном мире все просто и понятно: собираешь базовые документы (список единомышленников, то есть учредителей, бизнес-план, устав и прочее), пишешь заявление и идешь регистрироваться туда, где твоим объединением займутся, то есть примут документы к рассмотрению, а затем вынесут решение. В темном-темном средневековье все было несколько иначе. Сначала право на создание ордена нужно было заслужить, то есть на деле показать, что это не шайка разбойников, а рыцарская команда, засветить перед иерархами (как светскими, так и церковными) высокие цели и очевидную пользу, а уж потом для группы товарищей подбирался подходящий устав. Вот поэтому-то замысел создания, дата «рождения» и дата принятия устава разнесены во времени. Причем так происходило не только у тамплиеров, другие рыцарские ордена тоже имели, так сказать, безуставный период существования. Средневековые люди были в этом плане большими, чем мы, прагматиками: сначала докажи делами, кто ты есть, а потом уж закрепляй свои притязания на бумаге, извините, на пергаменте, бумаги в Европе тогда еще не знали. Время было иное. Сегодня за пару минут можно сочинить любую галиматью и учредить любую глупость, а в те годы каждую букву выписывали на века, подход был куда серьезнее. Сами сравните поговорки разных исторических периодов: «Написано пером, не вырубишь топором» (средневековье), «Бумага все стерпит» (время к нам куда более близкое). Так вот, пергамент, который не все мог стерпеть, зафиксировал существование нового ордена в 1119 году. Иными словами: в этом году орден уже есть (то есть существует группа рыцарей), но устав еще не принят. Рыцари живут, скорее всего, по устным правилам, церковью и светской властью никак не одобренным, то есть живут так, как бог на душу положит. Откуда нам это известно? Из текста первого устава. В нем есть указание, что устав принимается «в году 1128 от воплощения Иисуса Христа, через девять лет после создания этого рыцарства», то есть из даты 1128 нужно вычесть девять лет, озвученные в тексте, и получаем 1119 год. Девять лет без фиксированных правил.

Но по другой версии, с уставом не связанной, идет другая дата — 1099 год. Если ее принять, то без какого-либо устава рыцари-тамплиеры прожили не девять, а двадцать девять лет. Чему верить? И смеем ли мы говорить, что рыцари 1099 года и рыцари 1128 года — это одни и те же рыцари? Двадцать девять лет для средневекового рыцаря — это, если хотите, целая жизнь, это даже больше, чем требующийся сегодня для назначения пенсии трудовой стаж (сравните: 25 лет и 29 лет). Допустим, двадцатилетний рыцарь за. эти годы становился практически стариком (в те времена до 50 лет доживали не так уж и часто). А время начала Первого крестового похода тоже нам превосходно известно: 1095 год. Раньше этого рыцари южных земель — окситанские, аквитанские, лангедокские и т. п. — вряд ли могли появиться в Палестине, хотя там, безусловно, были рыцари, но — свои, палестинские, хотя и христиане.

Еще одна интересная деталь: южные земли Франции не принадлежали французскому королю, то есть это были не французские рыцари, и это тоже очень важно, а почему — об этом позже. Пока же просто запомните: с юга Франции в Палестину устремляются рыцари, которые создают там Орден тамплиеров, но они не французские рыцари. Они себя французами не считают! Как же так, как же так? Ведь вам же известно, что это Орден французских рыцарей… Ох, нет. Все сложнее.

Итак, Первый крестовый поход.

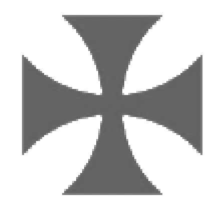
В 1095 году от Рождества Христова император Византии Алексей Комнин имел несчастье попросить у его святейшества римского папы Урбана Второго некоторое количество рыцарей для защиты христиан Малой Азии и Палестины в связи с растущей угрозой нападения турок-сельджуков. Если бы император был дальновиднее, никогда бы к его святейшеству с этой просьбой не обратился. Но таковым он не был. В ответ на прошение он ожидал получить человек так двести отлично подготовленных рыцарей и быстро навести порядок. И ничего более. Но просьба императора оказалась весьма кстати. G язычеством в Европе в основном было покончено, а что делать с неуправляемой и дикой рыцарской толпой, занимающейся все больше и больше грабежом и разбоями, папа не знал. Престиж церкви стремительно падал. Просьба императора оказалась подарком судьбы. Папа лично обратился к жителям Клермонта с призывом идти и отвоевать у мусульман Гроб Господень. За это благое дело он обещал отпущение всех прошлых и будущих грехов, что, учитывая весьма недобродетельную жизнь «воинов Христа», было весьма гуманно и привлекательно. Не забыл папа упомянуть и то, что все погибшие на Святой земле «автоматически» — без пребывания в чистилище — отправятся в рай. Поскольку никаким другим способом в этом блаженном месте дикие рыцари оказаться не могли, они тут же откликнулись на призыв. И император с ужасом получил вместо организованной рыцарской колонны толпы жестоких и беспощадных убийц, мечтая только об одном — поскорее сплавить всю эту свору за пределы Европы: опасные турки по сравнению с подарком папы были даже безвреднее.

Переправившись через Средиземное море, толпа «воинов Христа» начала жечь и убивать все, что попадалось на пути. А на пути, между прочим, лежали христианские малоазийские города, которые и были стерты этой волной до основания. Путь крестоносцев лежал к прекрасному и богатому городу Иерусалиму, где в мире и покое жили иудеи, мусульмане и христиане.

Вот тут-то Годфруа (Готфрид) Булонский и начал некие, весьма тайные, переговоры с рыцарями Южной Франции, и в город Иерусалим срочно отправились девять избранных — во главе с Гуго де Пейном и Годфруа де Сент-Омером. В 1099 году они образовали в Иерусалиме Орден Храма. Как указывалось, целью рыцарей была защита паломников на дорогах Палестины. Если учесть, что рыцарей было девять, то пользы от их защиты ждать не приходилось. Тем не менее, эти девять первых тамплиеров остались в Иерусалиме. Там они никакой защитой паломников не занимались, однако дел у них было немало. И не по этой ли скрытой причине в первом уставе тамплиеров период в двадцать лет выпадает из их истории? И год 1099 становится годом 1119 — заменить ноль и девятку двумя единицами не проблема. Как хотите, но 1099 год — дата более вменяемая хотя бы потому, что она привязана к рыцарскому походу за Гробом! А год 1119 повисает в воздухе. Он таковой связи не имеет. И хотя, конечно, теоретически рыцари могли отправиться в Святую землю ив 1119 году, но гораздо больше шансов, что проделали они этот путь в 1099 году, когда вопрос стал необычайно актуальным. Ибо шла война и кое-что во время военных действий могло погибнуть. Но тут нам придется опираться не только на дату 1099, но и на имя того человека, который организовал поездку девяти рыцарей на Восток.

Годфруа Булонский относился к славным потомкам королевской династии Меровингов, кровь древних королей текла в его жилах. И как потомок королей, о которых остались большею частью легендарные сведения, он мог знать то, что нам выяснить никогда не удастся, то есть какие-то сугубо семейные предания, связанные с Иерусалимом, откуда, по легенде, и вышли короли Меровинги. Кровь этих королей вообще текла в жилах не только у Годфруа Булонского, но и у множества знатных семейств юга Франции. Считается, что кровь эта была иудейская, а происходили Меровинги из рода Давидова, из коего вышел и Иисус из Назарета. Дети рода Давидова имели право на Иерусалимский престол. Вся эта знать, конечно, манией престолонаследия не бредила, но память о высокородных предках любовно хранила. Даты жизни Годфруа Булонского: родился около 1062 (1061) — умер 18 июня в 1100

году. В Иерусалимском походе был всего 1 год: с 1099 по 1100. Иерусалим был взят 15 июля 1099 года. То есть, если он и мог собрать рыцарей вокруг себя и дать им тайные указания, то был это только 1099 или начало 1100 года. Раньше — его не было в Иерусалиме, позже — он был уже погребен в храме Гроба Господня. Выбор невелик. Имена рыцарей, которые должны были основать Орден тамплиеров, нам неизвестны. Но поглядим, могли ли это быть Пейн или Сент-Омер со товарищи. И могли ли они оказаться в нужное время и в нужном месте. Гуго де Пейн родился около 1070 года по одним сведениям и около 1080 года по другим, то есть к моменту Первого крестового похода ему было около 16 или 26 лет, а к моменту взятия Иерусалима — около 20–30 лет. Причем, первая дата достовернее, потому что принимается большим числом исследователей. Известно, что он участвовал в первом походе и лично знал Годфруа Булонского. Но доверил бы Годфруа Булонский некую тайну двадцатилетнему юнцу? И мог ли юнец основать Орден? В наши дни — точно не стал бы связываться. Но в 12 веке двадцатилетний рыцарь считался уже достаточно опытным человеком. Он ведь и главой Ордена стал в 1119 году, то есть в возрасте около 40 лет! Да и самому-то Годфруа Булонскому в год смерти еще не исполнилось тех же сорока лет! Получается, оба рыцаря были молодыми, то есть явно не Жак де Молэ, семидесятилетний дедушка. Между прочим, 20 лет — самый что ни на есть чудесный возраст для рыцаря — масса энергии и искренняя вера, не отягощенные старческими раздумьями. Так что выбирать нам не приходится: нечто Годфруа Булонский ему-таки доверил, иначе все дальнейшее объяснить просто никак не получается. Но почему ж тогда во многих книгах указывается, что на Святую землю Гуго де Пейн по прозвищу Поганый (то есть Гуго Язычник) попадает в… 1104 году вместе со своим синьором графом Шампанским? Иными словами, получается, что Гуго де Пейн участвовал в походе в 1104. году и в то же время тесно общался с Годфруа Булонским, но Годфруа умер в 1100 году и не мог иметь разговоров с Пейном в 1104 году — ни в Европе, ни в Палестине, нигде на земле! Выходит, что оказаться одновременно в Иерусалиме они могли в один-единственный год — 1099, то есть в то г год, когда и было положено начало созданию Ордена Храма, и, следовательно, эта дата нам не врет. А вот почему ее так усиленно стали потом скрывать — вопрос особый. Он, очевидно, как раз и связан с «выключенной» из времени деятельностью тамплиеров. Следовательно, эта деятельность была тайной, ее требовалось спрятать, и спрятали — передвинув реальную дату основания Ордена на два десятилетия вперед… Но зачем? Что потребовалось так неуклюже прятать? Сейчас мы это попробуем выяснить, но прежде я хочу напомнить еще одну интересную деталь. Годфруа Булонский не только взял Иерусалим и прогнал турок. Годфруа Булонский был избран франками королем Иерусалима. Нет, официально он не считается королем Иерусалима, королевский счет ведется с Балдуина Первого, его родного брата. Все дело в том, что Годфруа был избран, но не был коронован. Во-первых, он «королевствовал» всего 1 год, а потом умер. Во-вторых, он не хотел быть королем. Себя называл он предельно просто: Защитник Гроба Господня. Но весь этот год Иерусалимом правил именно он. И как правитель он мог позволить себе создать светский рыцарский орден. И создавал бы он такой орден из людей, которых лично знал и которым абсолютно доверял. А кому может доверять рыцарь-король? Только товарищу по оружию, показавшему смелость и мужество в бою, честному и верному своей клятве. Вероятно, молодой рыцарь Гуго был достоин, чтобы ему доверили любую тайну. Но почему после смерти Годфруа ему не только не стали чинить трудностей, а, напротив, оказывали содействие как Балдуин Первый, так и сменивший его Балдуин Второй? Все просто: брат Годфруа дружил с Гуго де Пейном, а Балдуин Второй приходился Балдуину Первому кузеном, то есть, по сути, это была одна семья, и молодого Пейна в этой семье любили. Между прочим, вскоре соратником Гуго де Пейна стал и его сеньор граф Шампанский, он вступил в Орден и не считал себя оскорбленным, что ему приходится подчиняться собственному вассалу. А это, знаете ли, многое говорит не только о дружеских отношениях, но и о личности самого Гуго де Пейна. Одним *слоном* — весьма достойный человек был этот Гуго, двадцатилетний основатель Ордена бедных рыцарей Христа…

Тайна Иерусалимского короля

Споры о дате рождения Ордена Храма имеют весьма существенную подоплеку, потому что существует еще одна, тайная версия. Прежде Ордена Храма некоронованный король Иерусалима создал другой Орден, и он был первым магистром этого ордена, Этот неучтенный Орден назывался просто — Орден Сиона, то есть сугубо по месту происхождения. Дата рождения Ордена Сиона может быть только одна — 1099 год. Королю требовалось срочно создать рыцарский орден, чтобы не дать заполонившей улицы Иерусалима толпе европейцев разграбить город. Для своего места жительства в Иерусалиме король избрал постройки над разрушенным дворцом Ирода Великого и (что тоже многое проясняет) над развалинами храма Соломона. Остальные районы Иерусалима Годфруа интересовали мало. Впрочем, существует версия, что Орден Сиона существовал и до взятия европейцами Иерусалима и это была тайная организация, которой вменялось в задачу охранять некую тайну. Якобы он столь же древен, сколь и история христианства, если не еще старше. Могло ли такое быть? Да, могло. И тогда Орден Сиона был связан с существованием Иерусалимской церкви, которая и ведала всеми христианскими вопросами на Ближнем Востоке. Орден Сиона мог быть создан для защиты ее тайн. Но и тут не все просто: о какой, собственно, Иерусалимской церкви мы говорим? Если об Иерусалимском храме — он существовал до того момента, когда римские войска полностью «вычистили» город и изгнали всех иудеев, запретив своими постановлениями и приказами саму веру иудейскую: со второго века нашей эры и практически до седьмого не было в Иерусалиме еврейских храмов, они оказались под запретом. Зато была образована Иерусалимская христианская церковь, по римскому образцу (спасибо, римляне). И здесь, конечно, появилась проблема, поскольку то христианство, которое исповедовалось первыми христианами, и то, которое ввел Рим, — это были две разные религии. Так на чьей стороне мог быть Орден Сиона, если он древнее христианской римской церкви? Ясно, что не на стороне победивших. Скорее всего, настоящее христианство в Иерусалиме было тайным и оно очень тесно переплеталось с иудейскими ересями, с учением ессеев, к примеру. Так что, если Орден был создан до иерусалимской «зачистки», это мог быть только иудейский Орден, если после — только Орден христианский. Я больше склоняюсь к Ордену христиан, поскольку в начале Темных веков внутри самого христианства шла жесткая и бескомпромиссная теологическая война. После седьмого века в Иерусалим понемногу стал возвращаться иудаизм, вместе с его носителями. В это же время зародился и ислам.

А после появления ислама существование рыцарского христианского ордена становилось просто необходимым. Слишком большую угрозу увидели в исламе сторонники христианского монотеизма: в Иерусалиме и вообще на Святой земле одновременно оказались три религиозные структуры, выросшие из одного источника — древнего иудаизма: сам иудаизм, ислам и христианство. Сами понимаете, наиболее страшные взаимоотношения между религиями складываются именно там, где они имеют общие корни. Но вот был ли создан Орден Сиона или это измышления позднего времени — достоверно никто не знает. Хотя какой-то орден специального назначения просто обязан был существовать! И что

подобные ордена действительно существовали до появления европейских рыцарей, нам хорошо известно. Например, Орден святого Антония. Это был эфиопский Орден, образованный в IV веке н. э. О нем практически не осталось свидетельств. Известно лишь, что его рыцари носили черные с синим мантии с синими трехконечными крестами на груди, а старшие рыцари имели на одежде двойные кресты. Во многих европейских странах имелись ответвления Ордена святого Антония, и сомневаться в его существовании вряд ли приходится, если бы не одна деталь: средневековые тексты сообщали, что «…в 370 г. от Рождества Господа нашего Иоанн, император Эфиопии, известный как Prestor John, собрал монахов в духовно-рыцарский орден под именем и защитой св. Антония, патрона его империи, и даровал им многие привилегии. И когда они стали рыцарями, они приняли вышеупомянутый устав св. Василия и его установления». Вроде бы документальное свидетельство, если бы не одно «но»: в документе упоминается некий Prestor John. Который в данном контексте может оказаться как искаженным протектором Иоанном, так и мифическим Prestor’om John’ом. А когда в средневековом повествовании появляется этот самый Prestor John (в русском варианте Пресвитер Иоанн), то есть очень большая вероятность, что речь идет о фальшивке, поскольку еще никому не удалось доказать, что этот Prestor John когда-либо существовал на самом деле. Однако если учесть, каким образом номинировал себя уже известный нам Годфруа Булонский — протектором Иерусалимского королевства, тогда и должность эфиопского владыки может стать нам понятнее — протектор Эфиопии Иоанн. То есть не Пресвитер Иоанн с его вымышленным царством, а реальное историческое лицо, управляющее эфиопскими землями, увы, не император, как заявлено в тексте, но правитель африканских земель с эфиопской церковью по главе. Конечно, не с 370 года, а позже Орден святого Антония был хорошо известен в Европе. Обрааован он был для защиты христианской веры и особое значение имел деш севера Африки, где к X веку усилилось влияние ислама. Почему бы не предположить, что и Годфруа Булонский для той же самой цели, в его время гораздо более актуальной, собрал своих рыцарей в столь же необходимый орден? Тогда понятно, почему он хотел именоваться не королем, а протектором. Годфруа прежде всего был рыцарем Христа. Осталось описание этого человека, сделанное современным ему хронистом Григорием Тирским: «Он был верующим человеком, простым в обращении, добродетельным и богобоязненным. Он был справедлив, избегал зла, он был правдив и верен во всех своих начинаниях. Он презирал тщеславие мира, качество редкое в этом возрасте, и особенно среди мужей воинской профессии. Он был усерден в молитвах и благочестивых трудах, известен своим обхождением, любезно приветливый, общительный и милосердный. Вся его жизнь была похвальна и угодна Богу. Он был высок ростом, и хотя нельзя было сказать, что он был очень высок, однако он был выше, чем люди среднего роста. Он был муж несравнимой силы с крепкими членами, мощной грудью и красивым лицом. Его волосы и борода были русыми. По общему мнению, он был самый выдающийся человек во владении оружием и в военных операциях». Благородный, умный, мужественный и образованный. В Иерусалим он пришел не грабить, а сохранять. Для этого и создал Орден.

Но кто же был в составе его Ордена? Этого мы никогда не узнаем. Однако там, скорее всего, оказались Гуго де Пейн и Годфруа де Сент-Омер, а может быть, и остальные семеро, которые и положили потом, после выполнения некоего задания, основание другому ордену — Ордену Храма. Их имена дошли до нас весьма отрывочно и к тому же не все девять: некие Роланд и Годфруа, Жоффруа Биссо, Пайен де Мондидьер, Аркамбо де Сент-Аман. О самом де Пейне нам известно, что после смерти Годфруа он вернулся в Европу, успел там жениться, родить сына и снова оказался в Иерусалиме, но уже в 1104 году, после чего о его перемещениях нет сведений до 1114 года, когда он вновь отправляется в родные пенаты, собирает рыцарей, и эти девять основоположников в 1118 году оказываются все в том же Иерусалиме и все на том же самом месте — точно над подземельями Соломонова храма.

Имели ли набранные в воинство де Пейна рыцари отношение к Ордену Сиона или не имели, мы не знаем. Но они присутствовали на Соборе в Труа, где рыцари-тамплиеры были признаны Орденом. Скорее всего, именно эти рыцари Сиона и создали после выполнения задания свой собственный Орден, усеченное название которого мы знаем как Орден Храма, или тамплиеры, а официальное звучало так: Орден бедных рыцарей Христа из Храма Соломонова или, в другой интерпретации, Бедные рыцари Иисусовы из Храма Иерусалимского. Известно, что среди первых рыцарей Храма оказались также Андре де Монбар и граф Шампанский. Что же искали или что должны были охранять эти молодые бедные рыцари Христовы?

Ведь по большому счету само образование этого рыцарского Ордена в этом месте и в это время наводит на некоторые размышления. Почему Орден образуется во время Первого крестового похода — не раньше и не позже? Почему количество рыцарей не увеличивается в первое десятилетие и почему, в отличие от иоаннитов и тевтонцев, самый богатый орден в численном отношении развивается так плохо, что папе лично приходится напоминать Великому магистру о необходимости роста численности нового рыцарства? Да и вообще, сами только это представьте, рыцари, которые прописали своей целью охрану паломников в Святой земле, собираются это делать… вдевятером? Чем на самом деле занимаются в течение десятилетия рыцари Храма в Иерусалиме? Не говорите только, что они разъезжают по иерусалимскому королевству и защищают верных от неверных! И чем занимались они в течение предыдущего десятилетия, когда назывались еще рыцарями Сиона?

Знаете, на вопрос, чем они занимались, ответ существует. Это совершенно точно задокументированный ответ археологов. Исследуя огромные помещения под местом обитания тамплиеров в Иерусалиме, то есть над огромными подземельями под храмом

Соломона и дворцом Ирода Великого, в XIX веке английские исследователи древностей обнаружили следы раскопок. И по найденным там вещам можно сказать абсолютно точно: рыцари копали. Что раскопками занимались именно тамплиеры, доказывать не надо: археологи нашли шпоры, остатки орудий труда, вооружения. Эти милые вещицы могли принадлежать только рыцарям Храма. Но что они выкопали? Достоверно этого мы, конечно, не знаем. Но можем догадываться.

Уже в наши дни на Святой земле была совершена удивительная находка: юный арабский пастушок, спасаясь от грозы, спрятался в пещере и совершенно случайно обнаружил в Кумране, расположенном на берегу Мертвого моря, старинные свитки, спрятанные в сосудах. Эти древние тексты сегодня широко известны как кумранские рукописи или свитки Мертвого моря. Это наиболее древние еврейские духовные тексты, которые удалось разыскать. Часть из них является изложением книги, которую мы знаем как Библию, часть касается сугубо жизни для авторов современной — то есть близкой по времени к первому веку нашей эры, когда, как всем понятно, должен был жить основатель христианства, которого распяли на кресте, а он воскрес и с тех пор считается одним из лиц нашего с вами бога. Никаких свидетельств божественной сути Иисуса в этих свитках не нашли, зато нашли множество пророчеств о явлении подобного богочеловека, относящихся к эпохе, предшествующей христианской. Тексты были тесно связаны с иудаизмом и мировоззрением радикального течения в иудейском богоискательстве — ессеями. Кроме текстов обнаружили и еще одну, совершенно удивительную вещь — так называемый Медный свиток. Так он был назван по самой простой причине: текст его для надежности записали на листе меди, а затем свернули в свиток. Получилась такая мощная медная труба из множества слоев, которые археологи очень боялись раскрывать, чтобы не повредить самого текста. Долгое время этот текст открывали крошечными порциями, разрезая на полосы, и подвергали обработке. Самое удивительное, что даже через два тысячелетия свиток оказался вполне читаемым. Весь текст состоял из 61 пункта и являлся своего рода указателем, где и что искать. Также в тексте

свитка говорилось, что для надежности второй такой свиток помещен под развалинами храма Соломона:

(1). В крепости, которая в долине Ахор, сорок локтей под ступенями, ведущими к востоку: сундук с деньгами и его содержимое семнадцать талантов весом.

(2). В надгробии, в третьем ряду каменной кладки: легковесные слитки золота.

(3). В Большой цистерне, которая во дворе перистиля, в облицовке ее дна, сокрыты в углублении против верхнего отверстия: девятьсот талантов.

(4). В водостоке места бассейна: сосуды для десятины, среди них сосуды вместимостью в 1 од и амфоры — все с десятиной и припасами Семилетья и второй десятиной, от сточных отверстий до впускного отверстия и на дне желоба шесть локтей с севера в сторону выдолбленного водоема для погружений.

(5). Восходя по лестнице убежища с левой стороны, три локтя над полом: сорок талантов серебра.

(6). В Соляной яме, которая под ступенями: 42 таланта.

(7). В углублений старого Дома дани на Плите цепи: шестьдесят пять слитков золота.

(8). В подземном ходе, который во дворе: деревянная бочка и внутри мера не десятинного добра и семьдесят талантов серебра.

(9). В цистерне, которая в девятнадцати локтях против восточных ворот, в ней сосуды в углублении, которое в ней: десять талантов.

(10). В цистерне, которая под стеной на востоке, в уступе скалы: шестьсот кувшинов серебра (и под Большим порогом).

(11). В водоеме, который на востоке, в яме в северном углу, зарыто на один локоть: четыре (сосуда), 22 таланта.

(12). Во дворе девять локтей под южным углом: золотые и серебряные сосуды для десятины, кропильницы, чаши, жертвенные кубки, сосуды для возлияний, всего шестьсот и девять.

(13). Под другим, восточным углом, зарыто на шестнадцать локтей: 40 талантов серебра.

(14). В шахте, которая на севере его: сосуды для десятины и одеяния. Ее вход под западным углом.

(15). В могиле, которая в стволе ее шахты на севере, три локтя под телом: 13 талантов.

(16). В большой цистерне, в отверстии в колонне на севере ее: […] талантов.

(17). В подводящем канале, который [неразборчиво], как войдешь, четыре […] локтя

40 талантов серебра в сундуке.

(18). Между двумя давильными прессами для масла, которые в долине Ахор на полпути между ними, зарыто на три локтя, два горшка, наполненные серебром.

(19). В яме, которая в дне давильного пресса: 200 талантов серебра.

(20). В восточной яме, которая к северу, в выемке: 70 талантов серебра.

(21). В шлюзе плотины долины Секака зарыто на один локоть: […] 30 талантов серебра.

[…]

(26). [Во внутренней ко] мнате площадки Двойных врат, обращенной к востоку, в северном входе зарыт на три локтя сокрытый там кувшин: в нем один свиток, под ним 42 таланта.

(27). Во внутренней комнате угла сторожевой башни, которая обращена к востоку, зарыто у входа на девять локтей: 21 талант.

(28). В гробнице царицы, на западной стороне, зарыто на двенадцать локтей 9 талантов.

(29), В шлюзе плотины, который в мосту верховного жреца…девять локтей… талантов… […]

(34). В водопроводной трубе, которая на восточной тропинке к Сокровищнице, что рядом с входом — кувшины для десятины и свитки меж кувшинов.

(35). Во Внешней долине в середине Круга на камне, зарыто на семнадцать локтей под ним; 17 талантов серебра и золота…

(36). В шлюзе плотины при выходе из теснины Кедрона зарыто на три локтя: 7 талантов.

(37). На стерне Шаве, обращенной к юго-западу, в подземном ходе, выходящем на север, зарыто на двадцать четыре локтя: 67 талантов.

(38). В оросительной цистерне Шаве, в стоке, который в ней, зарыто на одиннадцать локтей: 70 талантов серебра.

(39). В сточной канаве, которая в нижней части цистерны (для сбора дождевых вод), зарыто на расстоянии три локтя и два (?) от ее дна, в обмазке ее стенок четыре статера.

(40). Во Второй ограде в подземном ходе, что обращен на восток, зарыто на восемь и половину локтя: 24 таланта.

(41). В подземных ходах пещер в ходе, обращенном на юг, захоронено в обмазке на 6 локтей 22 таланта.

(42). В воронке: серебро из освященных приношений.

(43). В трубе для вод, которые стекаются к сточному бассейну, захоронено на семь локтей от широкой части в сторону отверстия их стока 9 талантов.

(44). В гробнице, которая к северу, у входа в теснину Места пальм, у выхода из Долины, все в ней освященные приношения.

(45). В сточном желобе, который в цитадели Сенаа, открывающемся на юг во втором ярусе, где он тянется вниз сверху: 9 талантов.

(46). В цистерне Ущелья бездн, которая питается из Большого вади, в ее полу 12 талантов.

(47). В водоеме, который в Вет Керем, десять локтей на его левой стороне, как войдешь: 62 таланта серебра.

(48). В чане давильного пресса для оливкового масла, в его западной стенке, каменная затычка в два локтя (это отверстие): 300 талантов золота и десять сосудов для служб.

(49). Под надгробием Авессалома, на западной стороне зарыто на двенадцать локтей 80 талантов.

(50). В отстойном бассейне Купальни с проточной водой под сточной канавой: 17 талантов.

(51). […], в его четырех внутренних угловых опорах сосуды для десятины, внутри них монеты с изображениями.

(52). Ниже южного угла портика в гробнице Цадока, под площадкой экседры сосуды для отбросов десятины, порченой десятины, внутри них монеты с изображениями.

(53). В экседре скалы, обращенной на запад, перед Садом Цадока, под большим замуровывающим камнем, который в полу ее: освященные приношения.

(54). В могиле, которая под брусчаткой: 40 талантов.

(55). В могиле простых людей, которые умерли освобожденными от совершения предписанного обряда чистоты: сосуды для десятины или отбросов десятины, внутри них монеты с изображениями.

(56). В Доме двух водоемов, в водоеме как войдешь в него из его отстойных бассейнов: сосуды для десятины, внутри них монеты с изображениями.

(57). В выдолбленных камерах западной могилы разбросаны 900 талантов золота: в кувшинчиках 60 талантов. Вход ее с запада. Под запирающим камнем кувшинчики. Под порогом погребальной камеры: 42 таланта.

(58). В горе Геризим под входом верхней шахты: один сундук, и его содержимое, и 60 талантов серебра.

(59). В устье источника Храма: серебряные и золотые сосуды для десятины и денег, всего там 600 талантов.

(60). В Большом стоке Чаши: утварь Дома чаши всего весу там: 71 талант двадцать мин.

(61). В яме, примыкающей с севера, в отверстии, открывающемся к северу, захоронено у его стока: копия этого документа с объяснением и своими измерениями, и опись каждой вещи, и другое.

Прочли? А теперь подумайте: если рыцарям удалось найти хотя бы часть этих сокровищ, они из бедных тамплиеров сразу же становились богатым Орденом. По моим подсчетам, вес драгоценностей из подземелья превышал несколько тонн. Несколько тонн золота и серебра плюс драгоценные камни. Но хотя их работа была тайной, все дело в том, что утаить эти сокровища они не могли. Их тайна была тайной протектора Годфруа Булонского и родных ему по крови последующих королей — Балдуина Первого и Балдуина Второго, связанных с рыцарями-археологами долгой дружбой. Хотя мы не знаем, какой договор между протектором и рыцарями был на самом деле. Вполне вероятно, что земные ценности его не интересовали, а вот сохранившиеся документы — очень привлекали. И священные реликвии, которые должны были находиться буквально под ногами храмовников — тоже.

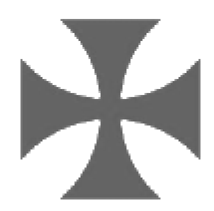
Хорошо, может сказать современный читатель, верим, верим, но почему они так долго копали? Эх, не знаете вы, с какими трудностями столкнулись рыцари во время этих раскопок и что собой представляет пресловутое подземелье. Если вы видите его чем-то вроде подвала под домом, то позвольте лишь усмехнуться. Это буквально норы, идущие сквозь скальный грунт в более мягкую породу, сеть нор, ходов, изгибов, проложенная в настоящей и несокрушимой скале, на которой и были построены в древности иерусалимские здания. Когда англичане пробовали исследовать подземелья дворца и храма, им пришлось идти по ходам тамплиеров, а тем? А те разгребали землю руками и маленькими лопатками, уходя все глубже и глубже, и такое исследование (само собой, негласное) очень похоже на попытки арестантов вырыть спасительный ход из замка Иф при помощи заточенной столовой ложки. Основание храма и дворца самой судьбой было предназначено для лучшего в мире тайника! Англичане, люди технически грамотные, вскрыв несколько ходов, затем спустили вниз лебедку с платформой-клетью: только так можно было достичь предельной глубины, где располагался тайник. Но и после прохода вниз в кромешной тьме лежали все новые и новые завалы. Девять человек и огромные заваленные землей и камнем подземные пустоты… не смешите меня! Удивительно, что рыцарям вообще удалось туда проникнуть и что-то найти. А о том, что они там что-то нашли, можно судить хотя бы по странному поминанию в средневековом тексте каких-то неадекватных действий потомков Гуго де Пейна. По словам историка Луи Шарпентье, Гуго «был женат и имел от этого брака, по крайней мере, одного сына — это Тибо де Паапс, ставший в 1139 году настоятелем Цистерцианского аббатства в Сен-Коломб-де-Санс… Известно также, что у этого сына были некоторые неприятности в связи с тем, что он, желая принять участие во Втором крестовом походе, заложил золотую корону с драгоценными камнями и золотой крест, сделанные будто бы самим святым Элуа и принадлежавшие его аббатству…» Интересно также, что рыцари-тамплиеры давали обет целомудрия, послушания и бедности. Скажете — традиционные рыцарские обеты?

В первых двух обещаниях — да, традиционные. Но вот авторы знаменитых книг о масонской истории Кристофер Найт и Роберт Ломас заглянули в сугубо латинский текст и… то, что в переводе стало «бедностью», было на самом деле «коллективным владением».

Проще говоря, рыцари клялись не делить сокровища между собой, а владеть ими сообща. То есть автоматически находки рыцарей становились общей орденской собственностью. И пока их было всего девять, и пока они были связаны клятвой Годфруа Булонскому, так оно и было. Принимать новых членов и открывать им свою тайну? Очевидно, этому рыцари сопротивлялись изо всех сил и оттянули время принятия решения до практически предельного срока, успев завершить свои изыскания и изъять все, что необходимо было изъять. Вот в этот страшный для Ордена (еще непризнанного) момент и начинается большая тамплиерская торговля: они продают свой секрет близкому другу графа Шампанского, набирающему силу настоятелю цистерианского монастыря Бернару Клервоскому. А тот уговаривает папу вывести рыцарей из подчинения Иерусалимскому патриарху и передать под управление Святого престола. То есть рыцарям даруется полная защита от всех светских и церковных властей. Единственная власть, которая может им что-то приказать, — это сам папа. Этим изначальным условием тамплиеры поставили себя в исключительное положение. Не было в европейском средневековом мире никакого иного ордена, который получил такую степень внутренней свободы. Очевидно, то, что нашли рыцари, стоило такого «особого» участия? Ох, стоило. Ведь к возвращению рыцарей Храма во Францию Бернар Клервоский и Гуго Шампанский (оба в курсе раскопок) выстроили на вендеврских болотах Замок Железных Часовых — весьма любопытное сооружение, куда можно было добраться, только зная секрет «исчезающей» дороги: хитроумные создатели провели путь к замку по затопленной дамбе, при помощи особого устройства воду можно было на короткое время отвести, затем дорогу снова скрывала вода. Считается, что находки тамплиеров хранились именно в этом надежном месте. Впрочем, по части хранения находок тамплиеры были изворотливы и искусны. Пока еще ни единому человеку не удалось найти сокровища тамплиеров.

Так тамплиеры сдали Бернару золото и серебро? Скорее всего — нет. Сдали, но не золото и серебро, а то, что дороже золота и серебра, — правду о том, кто есть тот бог, которому молятся по всему христианскому миру. Тексты. Даже если это был аналог кумранских рукописей, то скандал мог разразиться такой, что разом бы похоронил церковь, которая в скором времени станет называться католической. Вероятно, церковь спасло только то, что спасало ее неоднократно: дарование рыцарям особых выгод и… их безграмотность. Нет, я не хочу сказать, что рыцари были не обучены читать и писать. Все они происходили из знатных семей и грамоту, конечно, знали. Но вспомните, что говорил на процессе через пару веков Великий магистр Жак де Молэ: я простой солдат, не обученный грамоте. Под «грамотой» Молэ подразумевал умение читать на латыни. А тексты, кои нашли рыцари, были и вовсе на арамейском. Требовался человек ученый и имеющий контакты с ученым миром. В средневековье читать такие тексты могли только высокообразованные монахи-интеллектуалы или же еврейские переселенцы, которых было немало на юге Франции, недаром по легенде, которую нам еще предстоит озвучить, Мария Магдалина с наследниками, бежав из охваченной войной Иудеи, нашла пристанище в Марселе.

Так что все наши нити ведут из Палестины к человеку, ставшему легендой, — монаху Бернару из Клерво, впоследствии признанному святым. Именно он адекватно воспринял находки рыцарей, именно он первым признал возможность создания особых Орденов — рыцарско-монашеских.

Монах Бернар

Это был странный человек, служивший церкви с яростью и полной самоотдачей. И в то же время он мог честно признать формулировку, что в споре рождается истина. Во всяком случае, он не отказывался участвовать в диспутах с людьми, которых считали еретиками. Именно он, как известно, вел знаменитые диспуты с катарами и имел смелость сказать, что вера их и чистота этой веры заслуживают похвалы, то есть вывод Бернара был ровно противоположен выводам Святого престола. Любопытный, между прочим, факт.

В годы, когда рыцари-храмовники искали союзника, Бернар был еще страшно молод. Если он родился где-то около 1090 года, то в 1119 ему было около тридцати. Известно также, что монашеский путь он избрал в году так 1112–1113, поскольку на момент пострижения ему исполнилось всего 22 года, а в 1115 году он уже был поставлен во главе аббатства Клерво. Молодой, активный, ищущий — лучшего союзника и представить трудно. Рыцари, отвоевавшие Святую землю, наверно, казались подобными ангелам. Ведь в год начала первого крестового похода ему было всего пять лет! Таким образом, младший современник тамплиеров мог понять их гораздо лучше, чем умудренные сединами и *дряхлые*уже патриархи. Он и понял. Именно его перу принадлежит сочинение, имеющее характерное название: «Похвала новому рыцарству». Если традиционное понимание монашества отрицало любую возможность защищать свою или чужую жизнь с оружием в руках, то Бернар считал, что в новое и неспокойное время всем, кто желает достичь святости (то есть становится монахом и удаляется от мира), разрешено проливать чужую кровь. Благодаря его текстам и появилось это странное соединение понятий — рыцари-монахи. Благодаря ему и возникли первые монашеско-рыцарские ордена, то есть союз меча и креста.

Само сочинение имеет небольшой объем, но говорит очень много об изменениях, произошедших с 1095 года в сознании людей. Сочинение написано в виде письма Великому магистру Ордена тамплиеров Гуго де Пейну.

«Гуго [де Пейну], рыцарю Христову и наставнику Христова воинства — Бернар, единственно по имени аббат Клерво, желает, дабы тот сражался сражением добрым.

Если только я не ошибаюсь, дорогой Гуго, не раз и не два, а трижды вы просили меня написать несколько слов во увещевание вам и вашим товарищам. Вы говорите, что если мне не дозволено держать копье, я хотя бы перо свое мог направить против врага-тирана, и что сия духовная, а не материальная, поддержка с моей стороны была бы вам не меньшим подспорьем. Я немало уже заставил вас прождать, но не оттого, что пренебрегаю вашей просьбой, а затем, чтобы меня нельзя было обвинить в легком и поспешном к ней отношении. Я боялся, что схвачусь за дело, которое лучше было бы совершить более умелой рукой, и которое из-за меня останется столь же важным для исполнения и еще более усложнится.

Посему, недаром прождав столько времени, я теперь сделал что смог, и пусть мою неспособность не принимают ошибочно за нежелание. Да судит читатель, что получилось. Если иные найдут мой труд неудовлетворительным или не достигшим цели, я буду, тем не менее, удовлетворен, поскольку сумел дать вам все, сколько имел».

Таковым обращением начинается этот текст. Далее на протяжении нескольких глав Бернар рассматривает аспекты возможности существования «монахов с мечом».

В первой главе, названной «Слово увещевания к рыцарям Храма», он пишет о них такие проникновенные строки: «Сие, говорю я, новый род рыцарства, неведомый прошедшим векам. Неустанно ведет оно двоякую войну: против плоти и крови и против духовного воинства зла на небесах. Если некто противостоит врагу во плоти, полагаясь исключительно

на силу плоти, я едва ли стал бы об этом говорить, ибо сие распространено достаточно широко. И когда война ведется силою духовною против пороков или демонов, это тоже не представляет собой ничего примечательного — хотя и само по себе достославно — ибо мир полон монахов. Но когда кто видел мужа, могуче препоясывающегося обоими мечами и благородством метившего пояс свой, и не счел бы сие явление достойным удивления, тем более, что до сей поры такое было неизвестно? Воистину, бесстрашен тот рыцарь и защищен со всех сторон, ибо душа его укрыта доспехами веры так же, как тело — доспехами стальными. То есть он вооружен вдвойне и не должен бояться ни беса, ни человека. Не боится он и гибели, — нет, он жаждет ее. Отчего бояться ему жить или умереть, если для него жизнь — Христос, и смерть — приобретение? Радостно и верно стоит он за Христа, но предпочел бы уничтожиться и быть со Христом, ибо сие — намного лучше. Выступайте же уверенно, о рыцари, и с сердцем решительным гоните врагов креста Христова. Знайте, что ни смерть, ни жизнь не может отделить вас от любви Бога, пребывающей во Иисусе Христе, и в каждой опасности повторяйте: «Живем мы или умираем, мы — Господни». Что за слава — возвращаться с победою из подобной битвы! Сколь блаженно погибнуть в ней, ставши мучеником! Радуйся, отважный воитель, если ты живешь и побеждаешь во Господе, но паче того гордись и ликуй, если умираешь и ко Господу идешь. Воистину, жизнь плодотворна и победа славна, но святая смерть важнее их обеих. Если благословенны те, кто умирает во Господе, то сколь больше — те, кто умирает за Господа!»

Иными словами, тамплиеры — вот наш ответ проклятым туркам. Кто умирает за господа — он святой. Папа, посылая своих рыцарей воевать Святую землю, обещал всего-то отпустить грехи прошлые и грехи будущие, а Бернар? Фактически этими словами он обещал тамплиерам бессмертие. Не случайно, совсем не случайно Гуго де Пейн считал, что перо Бернара можно приравнять к копью. Дети одного времени, они оба жаждали духовных подвигов. Бернар верил, что Христовы рыцари уже в силу своей искренней и сильной веры отличаются от рыцарей-мирян, и одно это дает им право лишать жизни другое человеческое существо. Если убивает мирянин, даже в честном бою, он становится убийцей. Если убивает рыцарь Христа — кровь убитого не может замарать его белые одежды. «Воистину, дорога в очах Господних смерть святых Его, умирают ли они в бою или на постели, но смерть в бою дороже, ибо она — самая славная». В его глазах смерть тамплиера становилась смертью, равной смерти святого!

К рыцарям-мирянам Бернар относился без всякого пиетета, он видел все несовершенство их душ, терзаемых сильными и греховными страстями, о чем и пишет во второй главе «О мирском рыцарстве». «Какова же, о рыцари, та чудовищная ошибка, — задает он риторические вопросы воображаемым диспутантам, — и что за невыносимое побуждение толкает вас в битву с такой суетой и тягостью, целью которых есть ничто, как смерть и грех? Вы покрываете коней своих шелками и украшаете доспехи свои не знаю уж каким тряпьем; вы разукрашиваете щиты свои и седла; вы оправляете упряжь и шпоры золотом, серебром и дорогими каменьями, а после во всем этом блеске мчитесь навстречу своей погибели со страшным гневом и бесстрашной глупостью. Что это — убранство воина или же, скорее, женские побрякушки? Неужто вы думаете, что мечи врагов ваших отвратятся вашим золотом, пощадят каменья ваши или не смогут пронзить шелка? Как сами вы, конечно же, нередко познавали на своем опыте, воину в особенности нужны следующие три вещи: он должен оберегать свою личность силой, проницательностью и вниманием, он должен быть свободен в своих движениях и он должен быстро вынимать меч из ножен. Тогда для чего же вы слепите себе глаза женскими локонами и опутываете себя долгополыми складчатыми туниками, хороня свои нежные, тонкие руки в неуклюжих широких рукавах? А паче всего, — невзирая на все ваши доспехи, — ужасная опасность для совести, ибо столь рискованное дело вы предпринимаете по столь незначительным и пустяковым причинам. Что же еще причина войн и корень споров меж вами, как не безрассудные вспышки гнева, жажда пустой

славы или страстное желание ухватить какие-либо мирские владения? Воистину, небезопасно убивать или рисковать жизнью за такое дело». Нет, мирской рыцарь — это порождение алчности и порока. Его братья-тамплиеры не таковы.

В третьей главе «О новом рыцарстве» он дает их портрет. «Рыцарь Христов, скажу я, может наносить удар с уверенностью и умирать с уверенностью еще большей, ибо, нанося удар, служит Христу, а погибая, — служит себе. Он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое и в похвалу добрым. Если он убивает злочинца, то не становится человекоубийцей, а, если можно так выразиться, уничтожителем зла. Очевидно, что он — отмститель Христов злодеям и по праву считается защитником христиан. Если же самого его убьют, то знаем, что он не погиб, а вошел в тихую гавань. Когда причиняет он смерть, то это на пользу Христу, когда же смерть причиняют ему, то это ему самому во благо. Христианин прославляется во смерти язычника, ибо прославляется Христос; смерть же христианина — случай для Царя явить свою щедрость, наградив Своего рыцаря. В одном случае праведные возрадуются тому, что свершилась правда, в другом же скажет человек: «Истинно, есть награда для праведных; истинно, Бог — судия всей земли»». Только не надо думать, что Бернар призывал своих любезных сердцу тамплиеров уничтожать на Святой земле все, что движется. Он был нормальным человеком и хорошо понимал разницу между доказательством веры при помощи меча в бою и простым грабежом или разбоем. Именно от применения чрезмерной силы и превращения «славного рыцарства» в банду мародеров он и предостерегал Гуго де Пейна в следующей, четвертой главе, которую назвал «Об образе жизни рыцарей Храма». Считается, что рыцари «пошили» свой Устав согласно этой рекомендации, почему четвертую главу стоит привести целиком.

«Теперь — в качестве примера, или хотя бы в укоризну тем нашим рыцарям, что сражаются за дьявола, а не за Бога, кратко изложим жизнь и добродетели этих кавалеров Христовых. Посмотрим, как они ведут себя дома и как — в битве, как появляются на людях и каким образом рыцарь Божий отличается от рыцаря мирского.

Прежде всего, никоим образом нет у них недостатка в дисциплине, и не находится в небрежении послушание. Как свидетельствует Писание, сын непослушный погибнет, ибо непокорность есть такой же грех, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство. Посему они приходят и уходят по приказанию своего старшего. Они носят то, что он им дает, и не смеют надевать или вкушать что-либо, поступающее из другого источника. Таким образом, они бегут всякого излишества в одежде и пище и довольствуются необходимым. Они живут, словно братья, в радостном и трезвом обществе, без жен и детей. Дабы не было никакого недостатка в их евангельском совершенстве, они селятся совместно, одной семьею, не имея никакой личной собственности, заботясь о том, чтобы хранить единство Духа в узах мира. Можно сказать, что все их множество имеет одно лишь сердце и одну душу, до такой степени, что никто не следует своей собственной воле, а старается следовать за командиром.

Никогда не сидят они без дела и не слоняются бесцельно, а по редким случаям, когда не находятся на посту, всегда заботятся о том, чтобы заслужить свой хлеб, чиня изношенные доспехи и изорванную одежду или просто наводя порядок. В остальном ими руководят общие нужды и приказания их наставника.

Между ними нет лицеприятия, и почтение оказывают заслугам, а не благородной крови. Они соперничают друг с другом во взаимном уважении и носят бремена друг друга, исполняя тем самым закон Христов. Ни одно неуместное слово, праздный поступок, несдержанный смешок, ни даже легчайший шепот или ворчание, будучи замечены, не остаются без исправления. Они отреклись от костей и шахмат и с отвращением отвергли гончую охоту; не услаждают себя нелепой жестокостью охоты соколиной, что у других в обычае. Что до шутов, чародеев, бардов, трубадуров и поединщиков, они их презирают и отвергают, как и многие иные тщеты и неразумные хитрости. Волосы они имеют короткие, в соответствии с речением

апостола, говорящего, что постыдно мужу ухаживать за мягкими локонами. Редко они моются и никогда не сооружают причесок, довольствуясь видом растрепанным и запыленным, несущим отметины солнца и их доспехов.

Когда приближается битва, они вооружаются внутренне — верой, а внешне — сталью, а не украшаются золотом, поскольку их дело — вселять во врага страх, а не распалять его алчность. Лошадей они выбирают сильных и быстрых, а не видных и богато убранных, думают о сражении ради победы, а не о параде ради зрелища. Мыслят они не о славе и стараются быть грозны, а не ярки. В то же время они не вздорны, не опрометчивы и не спешат сверх меры, а трезвы, предусмотрительны и благоразумно выстраиваются в четкие порядки. Воистину, подлинный израильтянин — муж мира, даже когда выступает на битву.

Оказавшись в пекле сражения, рыцарь сей отбрасывает прежнюю свою кротость, словно бы говоря: «Не ненавижу ли я тех, кто ненавидит Тебя, Господи; не мерзки ли мне враги Твои?» Мужи сии немедля яростно бросаются на врага, полагая его будто стадом овец. Насколько бы враг ни превосходил их числом, они никогда не относятся к нему как к войску жестоких варваров или к страшной орде. Не полагаются они и на свою собственную силу, но верят, что Господь воинств дарует им победу. Памятуют они слова Маккавеев: «Легко и многим попасть в руки немногих, и у Бога небесного нет различия, многими ли спасти или немногими; ибо не от множества войска бывает победа на войне, но с неба приходит сила». Бесчисленное количество раз видели они, как один человек преследовал тысячу, и двое обращали десять тысяч в бегство.

Так, чудесным и небывалым образом, представляются они кротче агнцев, но в то же время яростней львов. Не знаю, было ли бы уместнее называть их монахами или солдатами, но только, пожалуй, лучше было бы признать их и тем, и другим. Воистину, нет у них недостатка ни в монашеской мягкости, ни в воинской мощи. Что скажем мы об этом, кроме того, что сие было соделано Господом и чудно в глазах наших. Это — избранные войска Божии, набранные Им со всех концов земли; доблестные мужи Израильские, поставленные усердно и верно стеречь тот гроб, где находится ложе истинного Соломона, каждый — с мечом в руке и прекрасно обученный военному делу».

В пятой главе, «Иерусалимский храм», Бернар дает описание того святого места, где расположены помещения тамплиеров. Он считает, что святость этого места должна отражаться на самосознании рыцарей. «Воистину, святость — подобающее украшение для дома Божия. Там можно наслаждаться великолепными достоинствами, а не блестящим мрамором, и пленяться чистыми сердцами, а не золочеными филенками. Конечно же, фасад этого храма украшен, но не каменьями, а оружием, а вместо древних золотых венцов стены его увешаны щитами. Вместо подсвечников, кадильниц и кувшинов обставлен этот дом седлами, упряжью и копьями. По всем этим признакам наши рыцари явно показывают, что они воодушевлены той же ревностью по доме Божием, что некогда страстно воспламенила Самого их Вождя, когда Он, вооружив Свои пресвятые руки хотя и не мечом, но бичом, свив оный из нескольких веревок, Он вошел в храм и изгнал купцов, деньги у меняльщиков рассыпал и опрокинул столы у продававших голубей, сочтя неподобающим осквернять сей дом молитвы подобным торгашеством. Посему, побуждаемые примером своего Царя, Его преданные солдаты считают еще более постыдным и нестерпимым, чем переполненность святого места торговцами, — осквернение его язычниками. Стоило им утвердиться в этом святом доме со своими конями и оружием, очистить его и прочие святые места от всякой нехристианской скверны и изгнать деспотичную орду, как они день и ночь стали заниматься упражнениями в благочестии и практическими трудами. Они особенно заботятся о том, чтобы чтить храм Божий усердным и искренним благоговением, принося набожным своим служением не плоть животных по древним обрядам, а истинные жертвы мирные — братскую любовь, верное послушание и добровольную бедность». Далее он рисует сусальную картинку всеобщей любви к рыцарям, благодетелям как со стороны паломников-христиан, начавших

стекаться в Иерусалим со всех концов Европы, так и со стороны тех, кого они завоевали (последнее, конечно, измышление и лежит на совести самого Бернара). Завершается это довольно многословное и патетическое рассуждение монаха осанной рыцарям-освободителям и самому граду Иерусалиму, который точно магнитом святости притягивает к себе духовные подвиги:

«Радуйся же, град святой, освященный Всевышним и соделанный Его скинией, дабы это поколение могло быть спасено в тебе и тобою! Радуйся, столица великого Царя, источник столь многих радостных и неслыханных чудес! Радуйся, владычица наций и царица провинций, наследие патриархов, мать апостолов и пророков, источник веры и славы народа христианского! Если Бог попустил, что тебя столь часто осаждали, то единственно ради того, чтобы представить отважным случай проявить доблесть и стяжать бессмертие. Радуйся, страна обетованная, бывшая родником молока и меда для своих древних обитателей, ныне же ставшая родником целительной благодати и животворной пищи для всей земли! Да, говорю я, ты — та добрая и превосходная почва, что в плодородные недра свои приняла небесное семя из сердца предвечного Отца. Что за богатый урожай мучеников взрастила ты из этого семени! Твоя богатая почва произвела чудесные примеры всяческой христианской добродетели для всей земли — иные из них принесли плода в тридцать крат, другие в шестьдесят, а иные же во сто. Потому видевшие тебя счастливо исполнены огромным изобилием твоей сладости и вскормлены твоей великою щедростью. Повсеместно, куда идут они, распространяют славу о твоем прекрасном великодушии и рассказывают о сиянии славы твоей тем, кто ее не видал, возвещая чудеса, в тебе совершенные, даже до края земли. Воистину, славное говорят о тебе, град Божий!»

Вполне понятно, что Бернар был рыцарям многим обязан: от них исходили свитки, которые могли оказаться историческим свидетельством, что Иисус — бог Не думаю, что с этими свитками он успел полностью ознакомиться, но понять, что они могут значить, — Бернар был просто обязан. Таким образом он выдал им самую важную рекомендацию для создания независимого Ордена. А дальше — дальше вопрос техники. Состоялся собор в Труа, и бесхозные рыцари обрели высокого покровителя — папу. Почему именно в Труа? Почему именно Бернар? А тут благодарите графа Шампанского. Труа — его владение. Бернар — его друг. На этот собор удалось созвать огромное число наделенных полномочиями церковных иерархов (сведения приведены в латинском (изначальном) Уставе):

«Имена Святых Отцов, Присутствовавших на Совете.

Первым был Мэтью, епископ Албано, милостью Господа легат Святой Римской Церкви; Рено, архиепископ Реймса; Генри, архиепископ Сенс (Sense); а также их доверенные; Госелин, епископ Суассон (Soissons); епископ Парижа; епископ Тройес (Troyes); епископ Орлеана; епископ Оксерри; епископ Мо (Меаих); епископ Шарлон (Charlons); епископ Лаон (Laon); епископ Бове (Beauvais); аббат Везилэй (Vezelay); который впоследствии стал архиепископом Лиона и легатом Римской Церкви; аббат Сито (Citeaux); аббат Понтиньи (Pontigny); аббат Труа-Фонтен (Trois-Fontaines); аббат Сен-Дени де Реймс; аббат Сент-Этьен де Дижон; аббат Мольм (Molesmes); уже упомянутый Бернард, аббат Клер-факса, чьи слова присутствовавшие единодушно приветствовали. Также присутствовали: мастер Обри де Реймс, мастер Фулчер и несколько других, коих было бы утомительно перечислять. Из оставшихся неупомянутыми, кого выгодно отметить и воздать должное, сказав, что они почитатели правды, были граф Теобальд, а также граф Невер, Андре де Бодеман. Они присутствовали на совете и участвовали, прилежно замечая то из сказанного, что было хорошо, и опровергая то, что считали неверным.

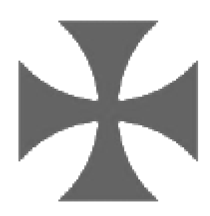
Также присутствовал брат Гуго де Пейн, Магистр Рыцарства, с несколькими братьями, которых он взял с собой. Это были брат Роланд, брат Годфруа и брат Жоффруа Биссо, брат Пайен де Мондидьер, брат Аркамбо де Сент-Аманд. Мастер Гуго со своими последователями поведали выше упомянутым святым отцам о традициях и осуществлении своего скромного

начинания и того, кто сказал: Ego principium ui et loquor vobis, что означает: «Я, говорящий вам, есмь начало».

Общему собранию угодно, что обсуждение, которое было здесь, и рассмотрение Святых Писаний, которые были прилежно исследованы со всей мудростью моего лорда Хонориуса, папы Святой Римской Церкви и патриарха Иерусалима, с согласия всего совета и разрешения Бедных Рыцарей Христа Храма, что в Иерусалиме, будет записано и не забыто, надежно сохранено и позволит после праведной жизни каждому, кто желает служить Господу, прийти к создателю, чье милосердие слаще, чем мед, когда сливается с Богом, чья милость похожа на помазание. Per infinita seculonum secula, Аминь».

Между прочим писец, исполнявший обязанности секретаря собрания, не забыл упомянуть и свое имя: «Таким образом, я, Жан Мишель, которому было поручена и доверена эта священная обязанность, милостью Господа был скромным писцом настоящего документа, решением совета и почтенного отца Бернара, аббата Клерфакса».

Далее следуют пункты Устава, которые были приняты и далее стали обязательными для всех рыцарей-тамплиеров, вступающих в Орден. По некоторым сведениям, автором этого устава был сам Бернар Клервоский, по другим — не был. Но то, что его идеи о суровой организации Ордена и очень больших строгостях для рыцарей были использованы, — несомненно. Ведь устав практически аналогичен уставам цистерцианских монастырей.

Жестокий устав тамплиеров

Рыцари-тамплиеры не слишком долго прожили со своим латинским уставом, в котором были закреплены первоначальные правила общежития. Но далее латинский устав делал их странными и красивыми фигурами на средневековом полотне. Это был устав для героев, готовых принять мученическую смерть и жить в чудовищных условиях единственно ради того, чтобы нести свой девиз «Да здравствует Бог Святая Любовь» и двуцветное знамя «боссан», то есть в переводе «пегое, двучастное», символизирующее тьму и свет, черное и белое, чистоту и борьбу с неверными. Однако думается, что смысл знамени был гораздо глубже и рыцари сами пока что этого не понимали или понимали, по такую правду никому открыть не могли. Почему бы не предположить, что не всю найденную при раскопках «литературу» сдали они по назначению? Или, буде даже сдали, но не преминули ознакомиться с переводом? Некоторые пункты своего устава они смело могли позаимствовать из этих текстов, если среди них находились внутренние документы ессеев — с оригинальными духовными практиками, метафорическими обобщениями и религиозными воззрениями, столь близкими всем, кто жил тогда в южных провинцшгх Франции! Впрочем, об этом аспекте речь пойдет ниже. Пока же примем к сведению, что устав тамплиеров был настолько строгим, что некоторые церковные мужи высказались против него именно ввиду того, что писан он не для рыцарей, а для монахов, истребляющих плоть. На что было высказано противоположное мнение: в условиях, приближенных к боевым, требуется

создание единой общности, закалить как дух, так и тело. Но скажу прямо: у ближайших соперников тамплиеров — рыцарей-госпитальеров устав оказался настолько мягким, что при решении каких-то тамплиеров выйти из ордена им запрещалось вступать к госпитальерам. Только в более строгий Орден, но не к иоаннитам!

На тот момент в Святой земле один за другим стали создаваться рыцарские ордены. Все они получили название исходя из места жительства: иоанниты, или госпитальеры, — от «госпиталя», в котором они базировались (больницу они построили для паломников, направляющихся в Иерусалим, при той же больнице вырос потом и немецкий, или тевтонский, орден, имевший сначала подчиненное иоаннитам положение), тамплиеры, или рыцари Храма, — от храма Соломона, где была их штаб-квартира, существовал также Орден рыцарей Гроба Господня, очевидно, родственный тамплиерам, и Орден рыцарей Святого Якова. Эти пять рыцарских орденов и были самыми значимыми в средневековом мире. Отличались рыцари формой своих крестов на одежде и цветом плащей. У иоаннитов плащи были черными, а крест изображался на левой стороне и был белым, с раздвоенными концами; у тамплиеров — на белом плаще слева на груди, точно против сердец, раздвоенный крест, такой же, как у госпитальеров, но алый. Рыцари Гроба Господня носили белые плащи со странными, дополнительными алыми крестами (четыре малых креста вокруг свастикообразного большого); якобиты — белые плащи с алым крестом сложной формы, отдаленно напоминающими крест храмовников, с изображением раковины в центре; а у тевтонских рыцарей был белый плащ с черным крестом, точно таким же, как у иоаннитов. Но главное отличие было не в названии, а в том, как себя позиционировали рыцари.

Впрочем, об изначальной тамплиерской истории гораздо больше меня может рассказать кардинал Жак де Витри, живший в XIII веке: он много общался с рыцарями-храмовниками и втайне им симпатизировал: «Некоторые рыцари, любимые Богом и состоящие у Него на службе, отказались от мира и посвятили себя Христу. Торжественными обетами, принесенными перед патриархом Иерусалимским, они обязались защищать паломников от разбойников и воров, охранять дороги и служить рыцарству Господню. Они блюли бедность, целомудрие и послушание, следуя уставу регулярных каноников. Во главе их стояли два почтенных мужа — Гуго де Пейн и Жоффруа де Сент-Омер. Вначале тех, кто принял столь святое решение, было лишь девятеро, и в продолжение девяти лет они служили в мирской одежде и одевались в то, что им подавали в качестве милостыни верующие. Король, его рыцари и господин патриарх были преисполнены сострадания к этим благородным людям, оставившим все ради Христа, и пожаловали им некоторую собственность и бенефиции, дабы помочь в их нуждах и для спасения души дарующих. И так как у них не было церкви или жилища, которое бы им принадлежало, король поселил их в своих палатах, близ Храма Господня. Аббат и каноники Храма предоставили им для нужд их служения землю неподалеку от палат: поэтому их и назвали позднее «тамплиерами» — «храмовниками». В лето милости Божией 1128, прожив совместно и, согласно своему призванию, в бедности девять лет, ойи заботами папы Гонория и Стефана, патриарха Иерусалимского, обрели устав, и была положена им белая одежда. Сие произошло в Труа, на Соборе, возглавляемом господином епископом Альбанским, папским легатом, и в присутствии архиепископов Реймсекого и Санского, цистерцианских аббатов и множества прочих прелатов. Позднее, во времена папы Евгения, они нашили на свои одежды красный крест, используя белый цвет как эмблему невинности, а красный — мученичества. И поскольку веру нельзя сохранить без строгого послушания, сии умные и набожные мужи, предусмотрительные в отношении себя и своих преемников, изначально не допускали, чтобы проступки братьев оставались сокрытыми и безнаказанными. Тщательно и внимательно соизмеряя природу и обстоятельства проступков, они безоговорочно изгнали из своих рядов некоторых братьев, сорвав с их одежд красный крест. Остальных они заставили поститься на хлебе и воде, есть на земле без скатерти вплоть до достаточного искупления, дабы подвергнуть их позору, а прочих — спасительному

страху. А чтобы довершить их смущение, запрещалось им отгонять собак, ежели те прибегут с ними поесть. Было также много других способов смирить братьев, не соблюдающих иноческое послушание и доброе поведение. Число же братьев увеличивалось так быстро, что скоро на их собраниях стало собираться более трехсот облаченных в белые плащи рыцарей, не считая бесчисленных слуг. А еще они приобрели огромные ценности по сию и по ту сторону моря. Им принадлежат города и дворцы, из доходов коих они ежегодно передают некоторую сумму на защиту Святой земли в руки своего верховного магистра, главная резиденция которого находится в Иерусалиме».

Тамплиеры считались самыми неукротимыми и бесстрашными, но в то же время именно они оказались наиболее гибкими в отношениях с местным населением и местными религиями. Очевидно, слова Бернарда попали на благодатную почву. И чтобы понять, каковы были самые таинственные рыцари средневекового мира, нет ничего лучше, чем обратиться к их собственным трудам — то есть к их уставам, латинскому и французскому. Вроде бы в обоих уставах речь ведется об одном и том же, но некоторые пункты французского устава отменяют смысл латинского. Он и принят был позже, когда рыцари набрали силу и могли уже без обиняков проводить собственное решение, ни с кем не советуясь. Но все, что касается внутренних правил, распорядка, формы одежды и прочих бытовых деталей, — это осталось неизменным и в новом уставе. Так что можно составить яркую картинку, как жили в чужой земле европейские рыцари, что им дозволялось, а что запрещалось. Идеализировать наших рыцарей не стоит. Они были живыми людьми и, очевидно, не всегда следовали своим же правилам.

Но прежде стоит ознакомиться с другим рыцарским документом — выдержками из устава Ордена госпитальеров. Он был принят раньше, чем устав храмовников — в 1120 году и написан Великим магистром Ордена Раймондом де Пюи.

«I. Каждый брат, который приемлется и вписывается в сей Орден, свято хранит три обета: Обет целомудрия, послушания и добровольной нищеты без собственного стяжания.

И. За веру Христианскую да стоит твердо; да придерживается всегда справедливости; обиженным да помогает; угнетенных да защищает и освобождает; язычников, неверных и магометан да гонит по примеру Маккавеев, которые гнали врагов народа Божия; да прилежит всем христианским добродетелям; да печется о вдовах и сиротах. Нарушители же сего правила да подвергаются временному и вечному наказанию.

III. В оные дни и собрания, которые в определенные времена каждой четверти года обыкновенно наблюдаем, да читается сие постановление в присутствии всех братьев.

IV. Всякий, кто обременен долгами; или сильно кому обязан правом служения, в сей Орден да не приемлется. Хотя кто и обнадежен братьями к получению креста, однако прежде, нежели облачится в орденскую одежду, да спрашивается: не вписался ли уже в другой какой Орден и не обязан ли супружеством либо гражданскими долгами?

Ибо в случае положив, что одно из сих окажется, то таковой не может уже быть принят в сей Орден.

V. Одежду кавалерскую, черную (vestem pullam) да носит со знамением белого креста на левой стороне; сия одежда обыкновенно да будет в знак мира; в военное же время, когда должно идти на сражение, та же одежда червленого цвета с белым крестом да будет знаком войны.

VI. Никто незаконнорожденный да не приемлется в Орден, выключая натуральных детей высокоименитых и высокородных лиц, и то если таковых мать не будет раба.

VII. Так всеконечно да исключаются из сего Ордена, кто рожден от родителей язычников, т. е, от Маранов, Иудеев, Сарацин, Магометан, Турок и сих подобных, что должно разуметь и о детях таковых князей, хотя оные суть высокородные.

VIII. Равным образом, кто определился в иной какой ни есть Орден, или обязан супружеством, либо учинил человекоубийство и другие важные законопреступленья, в Орден да не приемлется.

IX. Кто желает быть принят в сей Орден, тот по меньшей мере должен иметь 13 лет своего возраста, при том был бы телом здоров, сложением крепок и здравого рассудка; также трудолюбив, терпелив и благонравен.

X. Всякий, прежде принятия в сей Орден, да докажет надлежащим образом благородство предков своих, или фамилий пред некоторыми от Приора и Капитула в обыкновенное собрание нарочно для сего отправленными.

XI. Священнослужению и Богопочитанию все братья ревностно да прилежат и вместо обыкновенного у монахов, под правилами живущих, междочасия, 150 крат ежедневно да чтут молитву Господню; в определенные времена да постятся; ежегодно 3 краты да причащаются Св. Тайнам, т. е. всегда в три торжественнейшие праздники Рождества Христова, Пасхи и Пятидесятницы.

XII. Всякий кавалер по званию своему, отправляющийся на флот в море, да исповедается прежде священнику, и таким образом, очистивши от всех мирских вещей свою совесть, да простится, сделав духовную или другое распределение.

XIII. При отправлении священнослужения и моления, в хорах близ к алтарю да не приступают, чем бы один другому не могли быть препятствием.

XIV. В том порядке, в котором всяк прежде, или после другого в рассуждении времени вступил в Орден, да ходят и садятся.

XV. В известные времена благоговейные крестные ходы да учреждают, и в оных о мире христиан и постоянном согласии, о благословении Великого магистра и всего Ордена да призывают Бога.

XVI. О всяком усопшем кавалере 30 литургий да отправляют: в память которого каждый кавалер приносит горящую свечу с денарием.

XVII. В конвенте чрез все время поста Рождества Христова и четыредесятницы, да имеют проповеди слова Божия и поучения.

XVIII. Никому в свете да не обязуют себя клятвою; никакого военного корабля да не снаряжают без согласия и предзнания Великого магистра; когда произойдет война между двумя христианскими государя^ ми, да не прилепляются ни к одной стороне, но всевозможно да стараются о прекращении раздора и об утверждении между ними согласия и мира».

В целом иоанниты были простые ребята, и в свой Орден они принимали без особых испытаний. Сохранилось описание приема нового брата к госпитальерам:

«Посвятивший себя на службу ордена святого Иоанна Иерусалимского должен был приуготовляться к тому следующим образом: исповедовавшись в содеянных во время мирского жития его грехах, приводился, он в церковь, где, по выслушивании Божественной Литургии, приобщался Святых Тайн; потом будучи облачен в длинное одеяние и не подпоясан, в знак свободы, подходил к алтарю, имея в руках возженный светильник, означавший пламенеющую любовь его к Богу, и представ униженно пред воспринимавшим его братом, просил принять его в сословие братии Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Принимавший брат, внимая просьбе, делал ему многие нравоучительные наставления, утверждая его смиренно в душеспасительном намерении, объясняя ему притом, коль полезно есть посвящать себя на защищение веры и служение нищим; напоминая ему строгие постановления ордена, и внушал послушание к начальнику оного и любовь к собратии. После сего приемлющий спрашивал: в силах ли он все то выполнять? и когда в ответе сказывал, что он чувствует себя на таковые подвиги готовым, вопрошал его еще, не сотворил ли он обета в другом каком ордене? Не раб ли чей? И ежели он объявлял себя во всем от вышесказанного

свободным, тогда приемлющий его брат приносил ему служебник, и посвящаемый, положа на оной обе руки, совершал обет таковой: «Я, такой-то, творю обет и обещаюсь Всемогущему Богу и Пречистой и Присноблаженной Деве Марии, Матери Божией, и святому Иоанну Крестителю соблюдать всегда с Божиею помощию истинное послушание пред каждым начальником, каковой мне дан будет от Бога и от нашего ордена, сверх сего жить в отречении от собственности и соблюдать целомудрие». По окончании сего снимал новоприемлемый со служебника руки, а принимавший его брат говорил: «Мы тебя исповедуем слугою братии нищих, недугующих и посвященных к защищению католической веры»; он же отвечал: «И я себя таковым исповедую». Потом, приложившись к служебнику, относил его к престолу, клал на оной и, поцеловавши престол, приносил опять служебник в знак послушания к принимавшему его брату, который, взяв мантию и показывая ему белый крест, говорил: «Веруешь ли, брате, что сие есть знамение 'Животворящего Креста, на нем же пригвожден и умре Иисус Христос, быв распят во искупление на грешников?», а он отвечал: «Верую». Приемлющий продолжал: «Сие есть знамение, которое повелеваем носить тебе всегда на твоем одеянии». По сем совершивший обет целовал крест, а приемлющий возлагал на него мантию и с левой стороны крест, и, целуя, произносил сии слова: «Приими сие знамение во имя Пресвятой Троицы, преблагословенных и присноблаженных Девы Марии и святого Иоанна Крестителя, в возвращение веры, в защищение христианского имени и в служение нищим, сего ради, брате, по таковому предмету на тя возлагаем крест, да возлюбиши ты его всем сердцем твоим, да поразиши десницею твоею, защищая оный и сохраниши его безвредна, понеже, если ты, сражаясь за Христа против врагов веры, обратишися вспять, оставиши знамение святого креста и от толикой праведной братии бежиши; то по правилу уставов и обрядов нашего ордена должно яко нарушитель обещания, будеши лишен священнейшего знамения креста, и яко смрадный член узриши себя изгнанным из сообщества нашего». Потом принимавший брат, завязавши на шее его повязки, говорил: «Приими иго Господне, яко сладкое и легкое, под сим обрящеши покой души твоей; мы тебе не обещаем сластолюбий, но единый хлеб и воду и смиренную одежду, и приобщаем душу твою, твоих родителей и ближних к благим деяниям ордена нашего и братии нашей, тако творящей за весь мир ныне и присно ми во веки веков». И новоприемный брат гласил: «Аминь». По окончании сей церемонии целовал он как принимавшего его брата, так и всю предстоявшую братию, обнимая их в знак мира, любви и братства. После сего читаны были совершавшими литургию установленные на сей раз молитвы, и несколько стихов псалтири из псалмов 47 и 32; чем и оканчивался обряд принятия в орден».

Иными словами, все сводилось к мудрым наставлениям, новичка не испытывали. С рыцарями Храма будет посложнее. Поскольку от новинанта требовалась полная самоотдача, то ему учиняли своего рода экзамен и допрос, чтобы выявить качества, которые могут помешать ему как брату Ордена. И эти вопросы касались не только прошлого кандидата, его права распоряжаться своей судьбой (нет ли жены, детей, беспомощных родителей, что осложняло прием), но и того, насколько он готов к такому служению, не стоит ли за желанием вступить в Орден элементарная алчность или желание проливать реки крови. Таковые качества в Ордене совсем не приветствовались, и такой новинант не принимался.

Принятый в Орден брат давал клятву, которая внешне построена на принципах вопросов и ответов (собственно говоря, по этому образцу столетия спустя стали принимать в свои ордены и масоны, вот почему нам такие обряды кажутся сходными). Клятва тамплиера выглядела так:

— Желаешь ли ты отречься от мира?

— Да, желаю.

— Желаешь ли ты исповедовать послушание по каноническим установлениям и по наставлениям папы?

— Я желаю.

— Желаешь ли ты принять жизнь наших братьев?

— Желаю.

Затем тот, кто обращается к нему, должен сказать: «Да поможет нам Господь наш и да благословит нас», и следует прочесть целый псалом.

Затем он должен произнести клятву: «Я…., желаю и клянусь служить Уставу Рыцарей Христа и его рыцарству с Божьей помощью, во имя вечной жизни, и с этого дня мне не будет дозволено избавить жизнь свою от бремени Устава. И клятва моя о вступлении в Орден будет строго храниться. Я передаю этот документ в присутствии братьев, и своей рукой кладу его к подножию алтаря, что воздвигнут в честь всемогущего Господа, и благословенной Девы Марии, и всех святых.

Отныне я приношу обет послушания Господу и этому Дому, и обет жить без имущества и хранить целомудрие согласно наставлениям папы, и строго придерживаться жизни братьев Дома Рыцарей Христа».

Затем он должен возлечь поперек алтаря и, распростершись, сказать: «Прими меня, Господи, по слову твоему, и дай мне жизнь».

А прочие братья должны сказать: «И да не сокрушишь ты меня в моей надежде». Затем он должен сказать: «Господь есть свет мой, Господь есть защитник моей жизни». Затем: «Господь, смилуйся над нами. — Христос, смилуйся над нами. — Господь, смилуйся над нами. — Отче наш».

А затем священник должен сказать: «И не введи нас во искушение…» (После этого следовал ряд молитв и псалмов, брату объясняли правила жизни в Ордене и передавали на руки старшим братьям).

Обряд был длительным и, вероятно, торжественным и красивым.

Первоначально в Орден не имели права вступать отлученные от церкви рыцари, этот пункт был выделен особо: «О рыцарях, отлученных от церкви. Если вы знаете, где собираются рыцари, отлученные от церкви, идите туда, и если кто-то из них хочет вступить в Орден, вы должны не на словах предоставить ему возможность для спасения души. Он может быть принят нами на следующих условиях: пусть рыцарь предстанет перед епископом своей провинции и расскажет о своем намерении. Когда епископ выслушает и простит рыцаря, он должен отправить его к Магистру и братьям Тамплиерам, и если его жизнь честна и достойна их сообщества, если он кажется угоден Магистру и братьям, пусть он будет милостиво принят. Если он впоследствии умрет от перенесенных болей и мук, пусть ему будут воздаы все почести братства, как одному из Бедных Рыцарей Тамплиеров. Ни при каких других обстоятельствах тамплиеры не должны быть вместе с явно отлученным от церкви человеком, ни брать его вещи. Это мы строго запрещаем, т. к. это будет ужасно, если они будут, как и он, отлучены. Но если такому человеку только запрещено присутствовать на молитве, тогда возможно общаться с ним, а также принимать его собственность как милостыню, с разрешения его командира». Но этот пункт был в скором времени совершенно изменен и во второй редакции устава (французской) стал выглядеть так, что Великий магистр мог принимать самостоятельное решение об отлученном брате, и если его решение входило в противоречие с церковным, то последнее аннулировалось. А рыцарям не только не возбранялось, но настоятельно советовалось посещать места, где пребывают их отлученные братья, правда — ради спасения их души.

Свой устав простые рыцари (то есть не занимающие высоких должностей) видели пару раз за все время служения в Ордене. Он был им зачитываем в момент принятия в Орден либо при совершении наказания за тяжелый проступок. Они жили больше по традиции, а не по уставу. Однако ни в одном Ордене не было такой дисциплины, как у тамплиеров, и ни один рыцарь не дрался с таким мужеством, как тамплиер. Это потом уже, века спустя, храмовников стали изображать в самом неприглядном виде. А тогда, в начале пути, это был

цвет рыцарства — честные, искренние, отважные. В Ордене считалось, что принимать следует тех, кто достоин и может справиться со своими прихотями и пройдет через испытания (орден-то военный), поэтому не было практики приема детей. Тамплиеры это объясняли просто: нет у ребенка свободной воли, не может он знать, что с ним будет через несколько лет. «Хотя устав святых отцов позволяет принимать детей в духовную жизнь, — было записано в уставе, — мы не советуем вам делать этого. Ибо тот, кто желает отдать своего ребенка навсегда в орден рыцарей, должен воспитывать его до того времени, пока он не станет способным крепко держать оружие и очищать землю от врагов Иисуса Христа. Затем пусть отец и мать введут его в Дом и изложат его просьбу перед братьями, и лучше, если он не примет обет, будучи ребенком, но когда станет старше, и лучше, если он не пожалеет о нем, чем если пожалеет. Затем пусть он подвергнется испытанию по разумению Магистра и братьев, и по честности жизни того, кто просит о принятии в братство».

Не поощрял устав и всякую чрезмерность в духовных занятиях: рыцарь — не монах, ему негоже стоять на коленях, это занятие для тех, кто не может держать в руках меча. «Стало известно нам, — пояснял устав, — и слышали мы это от надежных свидетелей, что неумеренно и без ограничения слушаете вы божественную службу стоя. Мы не требуем, чтобы вы поступали так, напротив, мы не одобряем этого. Но мы повелеваем, что как сильные, так и слабые, дабы избежать беспорядка, должны петь псалом, называемый Venite с приглашением, и гимн сидя, и произносить свои молитвы в тишине, шепотом и негромко, дабы молящийся не мешал молитвам других братьев». Иными словами: хочешь молиться — молись, но не до исступления, у тебя, рыцарь, имеются и другие важные занятия: то, что веришь — хорошо, но здесь собрались все, кто верует, ты просто один из них.

Особое внимание зато придавалось одежде рыцарей. И тут в уставе было сразу несколько пунктов, что и как надевать, какие вещи можно иметь, как их хранить и т. д.

Об одеждах братьев

Мы повелеваем, чтобы накидки всех братьев были одного цвета: белого, либо черного, либо коричневого. И мы даруем всем братьям-рыцарям белые плащи, и никому, кто не принадлежит к упомянутым Рыцарям Христа, не позволяется носить белые плащи, так, чтобы те, кто отверг жизнь во тьме, узнавали друг друга, как связанных с Создателем знаком этих белых накидок, что означают чистоту и полное целомудрие. Целомудрие есть уверенность сердца и здоровье тела. Ибо если кто-то из братьев не принял обета целомудрия, не может он ни обрести вечного покоя, ни увидеть Господа, ибо сказано апостолом: «Расегп sectamini cum omnibus et castimoniam sine qua nemo Dcum videbit», что значит: «Старайтесь нести мир всем, храните целомудрие, без которого никто не может увидеть Бога».

Но эти одежды должны быть без всяких украшений и без следа тщеславия. И мы приказываем, чтобы никто из братьев не имел ни кусочка меха на своих одеждах, и ничего иного, что служит привычкам тела, ни даже одеяла, если оно не из шерсти ягнят либо овец. Мы повелеваем, чтобы все носили одинаковые одежды, так чтобы каждый мог одеться и раздеться, и надеть или снять свои башмаки легко. И Хранитель одежд или иной на ёго месте должен тщательно обдумать и позаботиться об этих вещах, чтобы заслужить награду Господа, так, чтобы глаза завистливых и злословных не могли видеть, что одежды слишком длинны или слишком коротки, но должен он распределять их так, чтобы они подходили тем, кто их носит, согласно росту каждого.

А если кто-либо из братьев из тщеславия или заносчивости желает иметь, как положенную ему, лучшую и самую красивую накидку, пусть получит он худшую. И те, кто получает новые одеяния, должны немедленно вернуть старые, чтобы отдать их оруженосцам и сержантам, и часто — бедным, как то сочтет лучшим держатель этого места.

О рубашках

Среди прочих вещей мы милосердно устанавливаем/что из-за сильной жары, что существует на Востоке, от Пасхи и до дня Всех Святых, из сострадания, а не как право, полотняная рубашка выдается всем братьям, кто пожелает носить ее.

О постельном белье

Мы повелеваем со всеобщего согласия, что каждый человек должен иметь одежды и постельное белье по усмотрению Магистра. Мы полагаем, что, кроме тюфяка, каждому будет достаточно одной подушки и одного одеяла, а тот, у кого нет одной из этих вещей, может иметь попону, и он может использовать в любое время льняное одеяло с мягкой подушкой. Спать же всем полагается всегда одетыми в рубашку и штаны, и башмаки и пояса, и там, где спят братья, должен гореть свет до утра. И Хранитель одежд должен. заботиться, чтобы у братьев была хорошо выбрита тонзура, так чтобы их можно было узнавать спереди и сзади, и мы повелеваем строго придерживаться одинаковой манеры, что касается бород и усов, так, чтобы на ваших телах нельзя было заметить никаких излишеств.

О башмаках с длинными носами и шнурках

Мы запрещаем башмаки с длинными носами и шнурки, и воспрещаем любому брату носить их; мы также не разрешаем их тем, кто служит Дому установленный срок. Мы воспрещаем им носить башмаки с длинными носами или шнурки при любых обстоятельствах. Ибо очевидно и хорошо известно, что эти отвратительные вещи принадлежат язычникам. Также не должно носить слишком длинные волосы или накидки. Ибо те, кто служит Царю небесному, должны и душой и телом следовать завету самого Господа, который изрек: «Estote mundi quia ego mundus sum», что значит: «Будьте в мире, как я».

Аналогичные требования выставлять не только рыцарям, но и тем, кто занимал в Ордене более подчиненное положение. «Сюрко братьев-сержантов должны быть совершенно черными, с красным крестом спереди и сзади. И у них могут быть черные либо коричневые плащи; и они могут иметь все, что есть у братьев-рыцарей, кроме снаряжения для лошадей, шатра и котла, которых у них не будет.

И они могут иметь кольчугу без рукавов, [кольчужные] чулки без ступней и chapeau de fer; и все упомянутые вещи они могут иметь по средствам Дома. Один брат конвента может дать другому гарнаш, который он носил год, старую кольчугу, старую тунику, рубашку, штаны и сапоги; и фонарь, если он знает, как делать его, оленью и козью шкуры. А если кто-либо из оруженосцев покидает своего господина, и он прослужил свой срок в Доме, его господин не должен брать у него ничего из одежды, что дал ему, кроме гарнаша, который носил год, и он может дать ему, если пожелает, тот, который носил два года.

По общему решению совета мы запрещаем и приказываем изгонять, за общий порок, любого, кто без позволения был в Доме Господнем Рыцарей Храма; также чтобы сержанты и сквайры не имели белых одежд, так как от такой привычки делается великий вред для Дома; так в отдаленных регионах есть фальшивые братья, женатые мужчины и другие, кто говорит, что они были братьями Храма и клянутся в этом, в то время как на деле они были в миру. Они приносят столько стыда нам и вреда Ордену Рыцарей, что даже их сквайры хвастаются этим. По этой причине возникает множество скандалов. Следовательно, пусть им будут даны черные одежды, но если таковых не найти, пусть будет дано то, что есть в данной провинции, или то, что менее дорого. Иное недопустимо».

Первоначально в Орден было запрещено принимать и сестер (это все же военная и монашеская организация), но затем правила смягчились. Правда, не предполагалось, что женщины будут спать под одной крышей с рыцарями, но они могли стать, так сказать,

условными членами Ордена, и далее, исходя из истории идущего следом тринадцатого века, вам это станет понятным. Но сексуальное общение с женщинами, даже простые улыбки и долгие взгляды — все это считалось проступком, осквернением чистоты духа! Запрещалось целовать не только «просто женщин», но и маленьких девочек, сестер, матерей, близких родственниц. Как ни странно, но под запрет попала и возможность стать крестным отцом — нельзя было рыцарям поднимать ребенка над купелью.

Братьям вменялось полное послушание, то есть дисциплина была железная: «Никто из братьев не может укорачивать свои стремена либо [подтягивать] подпругу, ремень для меча либо ремень шоссов без разрешения; но он может застегивать свою пряжку без разрешения. Никто из братьев не может купаться, пускать кровь, принимать лекарство, ходить в город либо ездить на лошади галопом без разрешения; и куда он не может ходить без разрешения, он не должен без разрешения посылать своего оруженосца или своего коня».

Особым пунктом рыцари, а также прочие члены Ордена обязывались есть парами — то есть, извините, из одной плошки: «Из-за нехватки блюд, братья должны есть в парах, так, чтобы каждый мог более близко наблюдать за другим и чтобы в питании братьев не было ни излишней строгости, ни тайного воздержания. И нам кажется справедливым, что каждый брат должен иметь одинаковую порцию вина в своей чаше».

Ограничивалось и употребление в пищу мяса: «Должно быть достаточным для вас вкушать мясо три раза в неделю, за исключением Рождества, Всех Святых, Успения и праздника Двенадцати Апостолов. Ибо известно, что обычай поедать плоть развращает тело. Но если пост, когда мясо запрещено, приходится на вторник, то на следующий день следует давать его братьям в изобилии. По воскресеньям все братья Храма, капелланы и клирики должны получать две порции мяса в честь святого воскресения Иисуса Христа. Остальным же членам Дома, то есть оруженосцам и сержантам, следует довольствоваться одной порцией мяса и быть благодарным Господу за это. В остальные дни недели, то есть в понедельник, среду и даже субботу, братьям полагается два или три блюда из овощей или других блюд с хлебом, и мы полагаем, что этого достаточно, и повелеваем, чтобы этого правила придерживались. Ибо тот, кто не ест одну пищу, должен есть другую».

Особо оговаривались возможности общаться после повечерия (то есть была запрещена пустая болтовня, говорить можно только по делу и только если это важно) и забота о немощных или старых братьях. «Мы повелеваем, с Божьим советом, чтобы стареющие и слабые братья получали почести и заботу по их слабости, и властью Устава им давали все, что нужно для телесного благоденствия, и ничем их не огорчали». Заботой следовало окружать и больных братьев: «Больные братья должны получать внимание и заботу, и им следует служить согласно словам евангелиста и Иисуса Христа: «Infirmus fui et visitastis me», что значит: «Я был болен, и ты навестил меня, и пусть об этом не забывают». Ибо с теми братьями, что прозябают, следует обращаться спокойно и с заботой, ибо за такую службу, исполняемую без колебаний, обретете вы царствие небесное. Итак, мы повелеваем Инфирмарию тщательно и строго выдавать все, что необходимо для различных больных братьев, как-то: мясо, птицу и другую пищу, что приносит хорошее здоровье, по средствам и возможностям Дома». А если брат умирал, то следовало провести все соответствующие обряды, чтобы предать его тело земле: «Когда кто-либо из братьев покидает сей мир, чего никому из нас не избежать, мы повелеваем с чистым сердцем отслужить мессу за его душу, и пусть ту божественную службу исполняют священники, что служат Царю небесному, и вы, что служите милосердию установленный срок, и все братья, что служат установленный срок и присутствуют там, где лежит тело, должны прочесть сто раз «Отче наш» в течение семи последующих дней.

И все братья, что служат в этом Доме, где скончался брат, должны прочесть сто раз «Отче наш», как сказано выше, после того как стало известно о смерти брата милостью Божьей. Также мы заклинаем и повелеваем властью святых отцов, чтобы сорок дней, в

память об усопшем брате, кормили нищего мясом и вином, как если бы это был живой брат. Мы — запрещаем все иные пожертвования, что делались своевольно и неразумно Бедными Рыцарями Храма. по смерти брата, на Пасху и на другие праздники. Те, кто служит из сострадания и остается с вами установленный срок, есть рыцари Дома Господа и Храма Соломона, тем самым мы из милосердия повелеваем, что, если во время службы кого-либо из них призовет к себе Господь, ради любви Господней и из братского милосердия пусть одного нищего кормят семь дней ради спасения его души, и каждый из братьев этого Дома должен тридцать раз прочесть «Отче наш»».

Основное внимание в уставе уделялось тому, чтобы все братья — будь это клирик, рыцарь или сержант, попали в равные условия, чтобы они не могли завидовать друг другу. Устав пояснял: «В Святом Писании сказано: «Dividebatur singulis prout cuique opus erat», что значит: «Каждому дано по нуждам его». Посему мы говорим, что никто не может быть возвышен среди вас, но все должны заботиться о больных, и тот, кто менее болен, должен благодарить Господа и не огорчаться, и пусть тот, кто более болен, смирит себя через свою слабость и не возгордится через жалость. И таким образом все братья должны жить в мире, и мы воспрещаем кому-либо нести излишнее воздержание, но твердо придерживаться правил общего жития».

Особо выделяли пункты о тех братьях, которые женаты, и о рыцарях, которые служат в Ордене, но не являются братьями.

О светских рыцарях, что служат установленный срок

Мы повелеваем, чтобы все светские рыцари, что желают с чистым сердцем послужить Иисусу Христу и Дому Храма Соломона установленный срок, покупали подходящего коня и оружие, и все нужное для такой службы. Далее, мы повелеваем, чтобы обе стороны установили цену на коня и записали эту цену, дабы не забыть ее; и пусть все нужное для рыцаря, его оруженосца и коня, даже подковы, выдавали из братского милосердия по средствам Дома. Если во время установленного срока случится так, что конь умрет на службе Дома, и если Дом может себе позволить, Магистр должен заменить его другим; Если в конце службы рыцарь желает вернуться в свою страну, он должен оставить Дому из благотворительности половину цены коня, а другую половину, если желает, может получить из пожертвований Дома.

О женатых братьях

Если женатый мужчина просит принять его в братство, в приход и в молитвы Дома, мы разрешаем вам принять его на следующих условиях: что после своей смерти они оставляют вам часть своего имения и все, что они отныне приобретут. В то же время, они должны вести честную жизнь и посвятить себя добрым делам ради братьев. Но они не должны носить белые накидки либо плащи, более того, если господин умрет раньше своей жены, братья должны взять часть его имения и оставить госпоже другую часть, чтобы поддерживать ее всю оставшуюся жизнь, ибо нам не кажется правильным, чтобы confreres (женатые) жили в Доме с братьями, которые дали Богу обет целомудрия.

Регламентировались и разные стороны жизни в таком мужском коллективе.

О Магистре

Магистр может дать кому угодно коня и оружие, и что угодно еще, принадлежащее другому брату, и брат, кому принадлежат отданные вещи, не должен ни раздражаться, ни сердиться, ибо, если он рассердится, он пойдет против Бога.

О подании советов

Пусть лишь те, кто, как знает Магистр, будут давать мудрые и полезные советы, призываются на капитул, ибо так мы повелеваем, и ни в коем случае не должны выбираться любые. Ибо когда случится, что они пожелают обсудить серьезные вопросы, как то наделение землей общины, либо говорить о делах Дома, либо принимать брата, тогда, если пожелает Магистр, следует созвать всех братьев, чтобы выслушать советы всего капитула, и пусть Магистр поступает так, как сочтет нужным и наиболее полезным.

О братьях, посланных в другие земли

Братья, посланные в различные земли, должны усердно придерживаться заповедей Устава по мере своей способности и вести безупречную жизнь, что касается мяса и вина, и другого, так, чтобы о них могли хорошо отзываться другие, и они не запятнали словом или делом наставлений Ордена, и могли послужить примером добрых дел и мудрости, чтобы, кроме всего прочего, тем, с кем они общаются, и тем, на чьих постоялых дворах они останавливаются, можно было воздавать почести. И, если возможно, дом, где они останавливаются и спят, не должен оставаться без света, дабы враги в тени не могли ввести их в искушение, что запрещено им Богом.

О сохранении мира

Каждый брат должен следить, чтобы не ввести другого брата в ярость либо гнев, ибо милостью Господа все братья равны: сильные и слабые, во имя милосердия.

Как братья должны вести себя

Дабы нести свои святые обязанности и обрести славу радости Господней, и избежать страха огня адского, всем братьям, принятым в Орден, следует строго повиноваться своему Магистру. Ибо ничто не угодно Иисусу Христу более, чем послушание. Ибо как только какое-либо повеление отдано Магистром либо тем, кому Магистр дал это право, оно должно исполняться без промедления, как будто его отдал сам Христос.

По этой причине мы увещеваем и повелеваем брать-ям-рыцарям, которые отказались от своей воли, и всем прочим, что служат установленный срок, не осмеливаться ходить в город без разрешения Магистра либо того, кто может его дать, кроме как ночью к Гробу Господню и местам молитвы, что находятся внутри стен града Иерусалима.

Туда братья могут ходить по двое, но в иные места они не должны ходить ни днем, ни ночью, и когда они останавливаются на постоялых дворах, ни оруженосец, ни сержант не должны ходить к чужому [человеку] в комнату, ни видеться, ни говорить с ним без разрешения, как сказано выше. Мы повелеваем по общему согласию, что в этом Ордене, который управляется Богом, никто из братьев не должен ни сражаться, ни отдыхать по своей собственной воле, но лишь по приказам Магистра, которым все повинуются, дабы следовать словам Иисуса Христа, который сказал: «Non veni facere voluntatem meam, sed ejus que misit me, patris», что значит: «Я пришел выполнять не свою волю, но волю отца моего, что послал меня».

Об охоте

Мы все вместе воспрещаем любому из братьев охотиться на птицу с другой птицей. Не годится человеку веры поддаваться удовольствиям, но следует охотно внимать заповедям

Господа, часто молиться и каждый день в своих молитвах слезно исповедоваться Богу в своих грехах, что совершил. Никто из братьев да не посмеет отправиться с человеком, который охотится на птицу с птицей. Скорее достойно каждому набожному человеку отправляться в путь просто и смиренно, без излишнего смеха либо разговоров, но говорить умеренно и не повышая голоса, и посему мы особо повелеваем всем братьям не охотиться в лесах с луком либо арбалетом и не сопровождать кого-либо, кто намеревается делать это, кроме как из желания спасти его от безбожных язычников. А также не должны вы охотиться с собаками, кричать либо болтать, либо гнать коня из желания поймать дикого зверя.

О льве

Воистину на вас возложен долг отдать душу свою за ваших братьев, как то сделал Иисус Христос, и защищать землю от неверных язычников, что есть враги сына Девы Марии. И упомянутый выше запрет на охоту не включает ни в коей мере охоту на льва, ибо тот рыщет и алкает, что он может пожрать, и его лапы против любого человека, а рука любого человека против него.

Как владеть землями и людьми

Мы считаем, что этот новый орден родился из Святого Писания и божественным провидением в Святой земле на Востоке, и это значит, что вооруженные рыцари его могут убивать врагов Креста без греха. По этой причине мы считаем, что вас по праву следует называть рыцарями Храма, с особым достоинством и красотой неподкупности, и что вы можете владеть землями и иметь людей, вилланов и поля, и править ими справедливо, и нести им свое право, как то особо установлено.

И чем более Орден рос и ширился, все больше статей о наказаниях и проступках появлялось. Пока не пришлось свести их в единый блок «О наказаниях».

О проступках

Если кто-либо из братьев в своей речи либо на службе, либо иным образом совершил не слишком тяжкое прегрешение, он должен добровольно сообщить об этом Магистру, дабы исправиться с чистым сердцем. И если он не впадал в этот грех часто, еле дует дать ему легкое наказание, но если прегрешение серьезное, следует отделить его от общества других братьев, дабы он не ел и не пил за одним столом с ними, но в одиночестве, рі он должен отдать себя на милость и суд Магистра и братьев, чтобы спастись в День Страшного Суда.

О серьезных прегрешениях

Кроме всего прочего, мы должны поступать так, чтобы никто из братьев, могущественных или нет, сильных или слабых, кто желает выдвинуться и возгордиться, и защищать свое преступление, не остался безнаказанным. Но если он не желает искупить свою вину, пусть он получит более суровое наказание. И если благочестивый совет вознес молитвы Богу ради него, а он не желает исправить свое прегрешение, но желает восхвалять его более и более, следует вырвать его из благочестивой паствы, следуя апостолу, который сказал: «Auferte malum ex vobis», что значит: «Изгоните испорченных из вас». И вам нужно удалить худую овцу из общества верных братьев.

Более того, Магистр, который должен держать в своей руке посох и розгу, посох — дабы поддерживать силу и слабость прочих, и розгу — дабы изгонять зло из тех, кто грешит, ради любви и справедливости по совету патриарха должен позаботиться об этом. Но также, как

сказал мой мессир Святой Максим: «Да не будет наказание больше, чем прегрешение, и не должно излишнее наказание вернуть грешника к злым делам».

О симонии

Первый проступок, за который брат Храма может быть изгнан из Дома, есть симония, ибо брат, который вступил в Дом через симонию, должен быть изгнан за это, ибо он не может спасти свою душу. Симония же совершается подкупом или обещанием брату Храма либо кому иному, в обмен на помощь ему во вступлении в Орден Храма.

О раскрытии тайны Капитула

Второй проступок — если кто-либо из братьев раскроет тайны своего капитула любому брату Храма, который не был там, либо иному человеку.

О том, кто убивает или причиняет смерть христианину либо христианке

Третье — если кто-либо убьет или причинит смерть христианину либо христианке.

О воровстве

Четвертое — воровство, которое понимается различным образом.

О том, кто покидает замок либо крепость иным путем, кроме ворот

Пятое — если кто-либо покинет замок или крепость иным путем, кроме предписанных ворот.

О сговоре

Шестой проступок есть сговор, ибо сговор совершается двумя или более братьями.

О том, кто перебегает к сарацинам

Седьмое — если кто-либо покинет Дом и уйдет к сарацинам (он будет изгнан из Дома).

О ереси

Восьмое — ересь, когда кто-либо идет против закона Господа нашего.

О том, кто бросает знамя из страха перед сарацинами

Девятое — если кто-либо из братьев бросит свое знамя и побежит из страха перед сарацинами (он будет изгнан из Дома).

Ниже изложены проступки, за которые брат Храма лишается своей накидки

О том, кто не выполняет заповеди Дома

Первый проступок — если кто-либо из братьев не подчиняется заповедям Дома и упорствует в безрассудстве своем, и не желает выполнять приказ, отданный ему, следует лишить его накидки, и его могут заковать в железо; если же он раскаялся до того, как с него сняли накидку, и не причинил Дому вреда, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли

его накидки либо оставить ее ему. Ибо говорится в нашем Доме, что когда брату приказывают выполнить работу Дома, он должен сказать: «Именем Господа». А если он скажет: «Я не буду делать этого», Командор должен тотчас собрать братьев и держать совет, и сказать старейшим братьям Дома, что с него может быть снята накидка, ибо он не подчиняется приказу, ибо первый обет, что даем мы, есть обет послушания.

О брате, который ударит другого брата

Второй проступок — если кто-либо из братьев ударит другого в гневе или ярости, его следует лишить накидки, и если удар был сильный, его можно заковать в железо. И он не должен носить ни черно-белое знамя, ни серебряную печать, и не должен участвовать в выборах Магистра; и это делалось много раз. И до того как рассматривать его вину, ему следует отпустить грехи, ибо он отлучен, и если он не получил отпущения грехов, он не должен ни есть с братьями, ни ходить в церковь. А если он ударил священника или клирика, ему следует отпустить грехи до того, как рассмотреть его вину.

О брате, который ударит христианина или христианку

Третье — если кто-либо из братьев ударит христианина или христианку острым орудием, либо камнем, либо палкой, либо иным предметом, чем он может убить либо ранить одним ударом, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему.

О брате, которого заметят с женщиной

Четвертое — если кто-либо из братьев встретится с женщиной, ибо мы считаем виновным брата, который входит в дурное место или в дом порока с грешной женщиной, один либо в плохой компании, его следует лишить накидки, и его могут заковать в железо. И он не должен носить ни черно-белого знамени, ни серебряную печать, и не должен участвовать в выборах Магистра; и это делалось несколько раз.

О брате, который ложно обвинит другого брата в чем-либо, за что следует изгонять из Дома

Пятое — если кто-либо из братьев обвинит другого брата в проступке, за который тот может быть изгнан из Дома, если его признают виновным и если обвиняющий не сможет это доказать, его следует лишить накидки, а после того как он попросит о милости на капитуле, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему; и пока он не придет на капитул, ему не следует возвращать его накидку, что бы он ни говорил, так как он раскаивается и не желает упорствовать в своей глупости.

О брате, который возводит вину на себя

Шестое — если брат ложно обвиняет себя, чтобы ему разрешили покинуть Дом, и его вина обнаружена, его следует лишить накидки.

О брате, который просит разрешения уйти из Дома

Седьмое — если кто-либо из братьев просит разрешения у капитула уйти и спасти свою душу в другом ордене, и если ему не желают его давать, и он говорит, что покинет Дом, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему.

О брате, который говорит, что уйдет к сарацинам

Восьмое — если брат говорит, что уйдет к сарацинам, даже если он говорит это из гнева либо ярости, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему.

О брате, который склонит знамя в битве

Девятое — если брат Храма, который несёт знамя, склонит его, чтобы ударить, и от этого не произойдет вреда, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему. Если же он ударит им, и от этого произойдет вред, его следует лишить накидки, и могут решить заковать его в железо, и он никогда более не может носить знамя либо командовать в битве.

О брате, который несет знамя и атакует без разрешения

Десятое — если брат, который несет знамя, атакует без разрешения того, кто может дать его, и если он в тот момент не был окружен и не находился в таком месте, где не мог получить разрешения, как это дается в Статутах, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему. И если от этого произойдет великий вред, его могут заковать в железо, и он никогда более не может носить знамя либо командовать в битве.

О брате, который атакует без разрешения

Одиннадцатое — если кто-либо из братьев в бою атакует без разрешения и от этого произойдет вред, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему. Но если он видит, что христианину грозит смерть, и его совесть говорит ему, что тому можно помочь, как это дается в Статутах, ему разрешается так поступить. Но ни при каких иных обстоятельствах брат Храма не должен атаковать без разрешения.

О брате, который отказывает другому в пище Храма

Двенадцатое — если кто-либо из братьев откажет в хлебе и воде другому брату, пришедшему либо уходящему, и не позволяет ему вкушать с другими братьями, его следует лишить накидки за это: ибо когда человек становится братом, ему обещают хлеб и воду Дома, и никто не может отнять их у него за любые его дела, кроме как установлено в Доме. Или если кто-либо отказывается открыть ворота брату, так что тот не может войти в них.

О брате, который дает накидку человеку, которому он не должен ее давать

Тринадцатое — если кто-либо из братьев даст накидку Дома тому, кому он не должен ее давать, либо тому, кому он не имеет права ее давать, либо без согласия капитула, его следует лишить накидки. И тот, кто имеет право давать накидку, не может отнять ее без согласия капитула, и если он поступит так, его следует лишить накидки.

О брате, который берет что-либо у человека, чтобы помочь тому стать братом

Четырнадцатое — если кто-либо из братьев возьмет что-нибудь у мирянина, за что он должен помочь тому стать братом Храма, его следует лишить накидки, ибо он совершает симонию.

О брате, который сломает печать Магистра либо кого иного

Пятнадцатое — если кто-либо из братьев сломает печать Магистра или того, кто на его месте, без разрешения того, кто может его дать, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему.

О брате, который вскроет замок

Шестнадцатое — если кто-либо из братьев откроет замок без разрешения того, кто имеет на это право, и от этого не произойдет иного вреда, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему.

О брате, который отдает милостыню Дома мирянину

Семнадцатое — если кто-либо из братьев Храма отдаст милостыню Дома мирянину либо кому иному, кроме брата Храма, без разрешения того, кто может его дать, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему. А если он отдает ценную вещь либо отчуждает землю, его следует лишить накидки и из-за великого вреда Дому его могут заковать в железо.

О брате, который без разрешения отдает взаймы что-либо, принадлежащее Дому

Восемнадцатое — если кто-либо из братьев отдаст что-либо, принадлежащее Дому, без разрешения того, кто может дать его, туда, где Дом может потерять это, он не может сохранить свою накидку, и ссуда может быть столь велика, и в такое место, что его закуют в железо.

О брате, который без разрешения одалживает свою лошадь другому брату

Девятнадцатое — если кто-либо из братьев одолжит свою лошадь другому брату туда, куда он [сам] не может пойти без разрешения, и лошадь потеряется либо умрет, либо получит раны, накидка остается на усмотрение братьев, которые будут решать, лишить ли его ее либо оставить ее ему. Но он может одалживать ее по своему выбору в городе, где он находится.

О брате, который кладет вещи другого человека с вещами Дома

Двадцатое — если кто-либо из братьев положит вещи, принадлежащие другому человеку, с вещами Дома, из-за чего местные сеньоры могут потерять свои права на нее, [его] накидка остается на усмотрение братьев, которые будут решать, лишить ли его ее либо оставить ее ему.

О брате, который намеренно говорит, что вещи другого человека принадлежат Дому

Двадцать первое — если кто-либо из братьев намеренно скажет, что вещи другого человека принадлежат Дому, а это не так, и докажут, что он сделал это из злобы либо алчности, его накидка остается на усмотрение братьев, которые будут решать, лишить ли его ее либо оставить ее ему. Но если это подсказывает ему его совесть, он может сказать так либо поручиться, не нанося вреда.

О брате, который убивает, либо ранит, либо теряет раба

Двадцать второе — если кто-либо из братьев убьет, либо ранит, либо потеряет раба по своей вине, его накидка остается на усмотрение братьев, которые будут решать, лишить ли его ее либо оставить ее ему.

О брате, который убивает, либо ранит, либо теряет лошадь

Двадцать третье — если кто-либо из братьев убьет, либо ранит, либо потеряет лошадь по своей вине, его накидка остается на усмотрение братьев, которые будут решать, лишить ли его ее либо оставить ее ему.

О брате, который охотится, и от этого происходит вред

Двадцать четвертое — если кто-либо из братьев охотится и от этого произойдет вред, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему

О брате, который испытывает свое оружие

Двадцать пятое — если кто-либо из братьев испытывает свое оружие и снаряжение, и от этого произойдет вред, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему.

О брате, который отдает какое-либо животное, кроме собаки или кошки

Двадцать шестое — если кто-либо из братьев из овчарни либо конюшни отдаст какое-либо животное, кроме собаки или кошки, без разрешения своего Командора, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему.

О брате, который строит новый дом без разрешения

Двадцать седьмое — если кто-либо из братьев построит новый дом из камня и извести без разрешения Магистра либо Командора области, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему. Но иные разрушенные дома он может чинить без разрешения.

О брате, который сознательно причиняет убыток Дому

Двадцать восьмое — если кто-либо из братьев сознательно или по своей вине причинит убыток Дому в четыре денье или более, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему; ибо нам запрещен любой убыток. И убыток может быть столь велик, что виновного могут заковать в железо.

О брате, который проходит через ворота с намерением покинуть Дом

Двадцать девятое — если кто-либо из братьев пройдет через ворота с намерением покинуть Дом, и затем раскается, он может поплатиться своей накидкой, а если он уйдет в Госпиталь либо в иное место за пределами Дома, мы оставляем на. усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему. Но если он проведет там одну ночь, его следует лишить накидки.

О брате, который покидает Дом и проводит две ночи вовне

Тридцатое — если кто-либо из братьев покинет Дом и проведет две ночи вовне, он лишится своей накидки за это, и не может обрести ее вновь один год и один день. А если он удержит вещи, которые запрещены, более двух ночей, он будет изгнан из Дома.

О брате, который по своему желанию возвращает свою накидку либо бросает ее в гневе

Тридцать первое — если кто-либо из братьев по своей воле вернет накидку либо бросит ее на землю в гневе, и не пожелает поднять ее, несмотря на просьбы и увещевания, и другие братья подберут ее раньше его, он лишится своей накидки, и не может обрести ее вновь один год и один день. Но если он по своей воле подберет накидку раньше других братьев, мы оставляем на усмотрение братьев, лишить ли его накидки либо оставить ее ему.

Если же он не пожелает подобрать свою накидку, а другой брат поднимет ее и возложит ему на плечи, тот брат также лишится своей накидки, ибо никто из братьев не должен возвращать накидку либо принимать в братья вне капитула. Тот же, кому вернули накидку, таким образом, остается на милость братьев, которые могут лишить его накидки либо позволить ему сохранить ее.

Во всех иных случаях, кроме последних двух, когда брат проводит две ночи вне Дома или по своей воле возвращает свою накидку, за которые он наказывается лишением ее на один год и один день, как сказано выше, иные прегрешения, за которые могут лишать накидки, мы оставляем на усмотрение братьев, которые могут лишить его накидки либо оставить ее ему, по вине и по поведению брата.

И когда вину брата рассудят, его лишают накидки; а если брат лишен накидки, его не подвергают другим наказаниям или епитимьям.

А когда брат лишен накидки и закован в железо, он доллсен размещаться и питаться в доме брата, раздающего милостыню, и не обязан ходить в церковь, но он должен читать свои часы и работать с рабами. И если он умирает во время наказания, сто следует отпеть как брата.

И никто из братьев, что не имеют права принимать в братья, не властен лишать накидки [брата] без разрешения того, кто может дать его.

Здесь записаны вины, которые может судить Дом Храма

Первое — изгнание из Дома, и прегрешения, за которые виновного [в них] могут заковать в железо и навеки заточить в тюрьму.

Второе — что касается накидки и прегрешений, за которых виновного могут заковать в железо.

Третье — когда кому-либо позволяют сохранить накидку во имя любви Господней, его наказывают на три дня, пока Господь и братья не освободят его; и ему следует исполнять наказание без промедления.

Четвертое — два дня и третий на первой неделе.

Пятое — только два дня.

Шестое — только один день.

Седьмое — пятницы и телесное наказание.

Восьмое — когда приговор брату откладывают до прибытия Магистра либо кого-то из достойных людей Дома, дабы они рассудили то, в чем братья не уверены.

Девятое — когда брата посылают к капеллану.

Десятое — когда брата оправдывают.

Конечно, это краткое изложение тамплиерских законов, но даже такое изложение показывает, насколько была регламентирована сама жизнь рыцарей. Расставшись с миром, в котором он мог делать все, что только пожелает, рыцарь попадал в мир, где очень многое происходит против его желаний. И так было, пока наконец-то он не начинал видеть в запретах и регламенте здравое начало. Не забывайте, что тамплиерские законы разрабатывались для европейцев, оказавшихся во время войны среди враждебного населения. И что бы там ни говорил Бернар о миссии освободителей и счастливых улыбках на лицах завоеванных народов, сами рыцари знали, что это за улыбки. Первый устав тамплиеров был сугубо военным уставом, потому оправданно строгим. Второй устав писался уже в немного иное время, но рыцари не покинули Палестину, и требования военного времени никуда не делись. Просто, поскольку часть рыцарства находилась за пределами Палестины, появились новые и сильно осложняющие жизнь обстоятельства. О них-то и пойдет речь ниже, раз эта страница истории тоже считается неразрешенной загадкой Ордена.

Но в самом начале обустройства Ордена Храма, когда многие рыцари испытывали смущение, что, стремясь к истинно духовной жизни, они вынуждены проливать чужую кровь и брать военные трофеи, Великому магистру Гуго де Пейну даже пришлось в назидание сомневающимся и смущенным написать весьма любопытный документ, который сегодня известен под названием «Письмо рыцарям Христовым Храма Иерусалимского».

«Чаще всего, — объяснял он, — те вещи, которые наиболее скромны, и являются наиболее полезными. Ноги попирают землю, но в то же время несут и все тело. Не вводите самих себя в заблуждение: каждый из нас принимает бремя общих забот. Крыши домов принимают на себя дождь, град, но если не было бы крыши, то что молено было бы делать в самом доме?.. Мы говорим об этом, братья, потому что слышали о том, что некоторые из вас смущены некими неблагоразумными личностями, которые говорят, что ваша профессия, которой вы посвятили свою жизнь, поднимать оружие против врагов веры и за мир, для защиты Христиан — что эта профессия незаконна или губительна, что она является грехом или помехой для спасения. Так случилось потому, что, как мы уже сказали вам, Диавол не спит: он знает, что если склонит вас к греху, то вы не будете слушать его и соглашаться с ним. Так, он не говорит: «Напейся пьяным, распутничай, дерись, ругайся». Вы сведете на нет его первую уловку, потому что откажетесь от греха. Вы также сокрушите и вторую уловку вашего противника, в мирное время вы сражаетесь со своей плотью постами и воздержаниями, так что, когда он советует вам ощутить гордыню в вашей добродетели, вы защищаетесь и побеждаете его так, будто сражаетесь с оружием в руках на поле брани с врагами мира, которые вас ранят или пытаются ранить.

Но сей незримый враг все время искушает и жестокосердно преследует вас, стараясь свести на нет то доброе и справедливое дело, которое вы исполняете взвешенно и с усердием. Так как его цель свести на нет это дело, извращая ваши стремления, утверждая, что когда вы убиваете, то вы делаете это из ненависти и от жажды насилия, а когда вы берете трофеи, он говорит, что вы делаете это из жадности. Но вы не попадетесь к нему в сети, потому что если вы и убиваете, то вы имеете все основания, чтобы ненавидеть, и когда вы берете трофеи, у вас есть все основания быть корыстными. Я говорю «у вас есть честные основания для ненависти», потому что вы ненавидите не людей, а грешников. Я говорю «у вас есть основания быть корыстными», потому что брать у них все, что вы в состоянии унести, вполне законно из-за их греховности, и вы по справедливости становитесь владельцами того, что может вознаградить ваш труд. «В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои; не переходите из дома в дом» [Лука 10.7, Матфей 10.10]. Ибо в Моисеевом законе написано: «Не заграждай рта у вола молотящего. О волах ли печется Бог?» [Первое послание к Коринфянам 9.9,

Первое послание к Тимофею 5.18]. Почему мы должны отказываться от заслуженного вознаграждения? Если человек вознаграждается за слова, которыми поучает своих ближних, то уж точно тот, кто отдает свою жизнь на защиту ближнего, должен быть пожалован? Возможно, вы скажете, что ваша профессия отвлекает вас внешними делами и стоит преградой на пути к внутреннему совершенствованию и духовному развитию. Вы желаете мира и покоя, так как можете стать «птичками Божьими», посвятив себя уединенной и созерцательной жизни. Говоря так, вы показываете стремление служить Господу: «Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению» [Послание к Римлянам 10.2], «Иисус сказал в ответ: не знаете, чего просите» [Матфей 20.22]…

Слушайте, как Христос отвечает вам, а не мне: «И говорит им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим». С точки зрения справедливости тот, кто желает властвовать, не должен избегать труда, и тот, кто ищет корону, не должен избегать сражений…

Поскольку я рассчитываю, что ни один мудрец среди вас не будет отрицать, что чем более сокровенно любое достоинство, тем быстрее приведет оно к спасению.

Ни один из верующих не должен сомневаться, что в любом сообществе служителей Господних, куда бы он ни был определен, разделяя их усилия, разделит и награды. Возможно, услышав это, братья, вы сохраните мир в вашей общине, и снизойдет на вас Божье благословение».

И хотя, исходя из текста письма, часть рыцарей роптала, более склоняясь к чистому монашеству, костяк Ордена честно исполнял свои обязанности, то есть воевал. Тамплиеры построили в Палестине множество крепостей (точнее сказать, отремонтировали то, что им досталось от прежних времен). Они получали, благодаря умелой пропаганде, немало пожертвований. Сам Гуго де Пейн и первые рыцари, равные ему и сплоченные многолетними трудами в подземелье, были посланы в разные земли — кто путешествовал по Южной, кто по Северной Европе, принося доход Ордену. Гуго отправился с орденским посольством в Англию. Шерпантье приводит такую запись из английской хроники: «В означенном году (1128) Гуго де Пейн, командующий ополчением Храма Иерусалимского, приехал в Англию с двумя воинами и двумя клириками (поскольку у Храма нет еще своих клириков и капелланов, можно предположить, что речь идет о монахах-цистерцианцах), объездил весь этот край, набирая вплоть до Шотландии бойцов для Иерусалима, так что многие взяли крест и в оном же году отправились в Иерусалим». Через год его следы находятся в Анжу, еще через год — в Испании. Кроме желающих стать тамплиерами он обретает и многочисленные дары. Например, все по тому же Шерпантье, «29 января 1130 года он, согласно документам, пребывает при дворе епископа Авиньонского, который передал в дар Ордену церковь святого Иоанна Крестителя (Сен-Жан-Батист) в Авиньоне». Вообще-то не только де Пейн занимается сбором средств в пользу Ордена. Как писал в своей книге «Тамплиеры» П. Рид, «Пайен де Мондидье, один из девяти отцов-основателей ордена, судя по всему, представлял тамплиеров во Франции к северу от Луары; Гуго де Риго собирал пожертвования в районе Каркассона; Пьер де Ровира — в Провансе; а будущий магистр ордена Эврар де Бар — в Барселоне. Приношения могли быть как весьма скромные: клочок бесплодной земли, конь, меч, доспехи и даже пара штанов, — так и очень богатые: крупные земельные наделы, доходы от рыночной торговли и мукомольного производства во владениях таких магнатов, как герцог Бретонский или Элеонора Аквитанская. Элеонора также освободила тамплиеров от выплаты таможенных пошлин в порту Ла-Рошель. Нередко пожертвования вносились самими рыцарями. Так, Гуго де Пейн и Готфрид де Сен-Омер удостоились высоких похвал за внесение в орденскую казну своего имущества. А Гуго Бурбутон из Северного Прованса, присоединившийся к тамплиерам в 1139 году, на деньги, вырученные от продажи владений, основал командорство, которое остается одним из самых богатых и поныне». Сам де Пейн

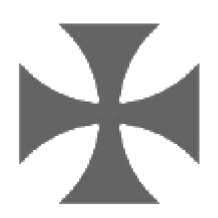
возвращается в Палестину. И скоро уже мы видим его в Иерусалиме. Вот теперь-то в его подчинении не только восемь рыцарей, а довольно значительный контингент, и принятый в Труа устав как нельзя лучше справляется с проблемами новообразованного воинства. Орден начинает функционировать не как группка кладоискателей, а как большой и сильный организм. И — увы! — этот организм не может существовать без круга вопросов, которые доверяются только тем, кому их можно доверить. Так скорее всего и сложилось то, что сегодня называется внутренним кругом тамплиеров, то есть посвященными в некие тайны. А все остальные — не только оруженосцы, сержанты, прислуга, но и набранные в Европе новые рыцари, живут только по уставу, который никаких тайн не предполагает и требует лишь одного: дисциплины. Скорее всего так и сосуществуют в одном Ордене слой посвященных и слой профанов. Это тем более возможно, поскольку мы знаем особенности мира, из которого вышли многие наши посвященные в тайну рыцари.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОВЕРШЕННЫЕ ЛАНГЕДОКА

Однако не французы!

Южные земли, которые были позже присоединены к Франции, в годы становления Ордена Храма не были французскими. Они настолько не были французскими, насколько только могли ими не быть. И именно из этих земель в огромном количестве шел приток новых рыцарей-храмовников. Вот почему меня всегда умиляет, когда сегодня Орден Храма пытаются позиционировать как истинно французский. Нет, ни в коей мере это не был французский Орден. Да и не мог им быть, поскольку юг не находился под властью французского короля! Хотя, конечно, под какой бы властью он ни находился, жители юга говорили на своем, провансальском или же окситанском, языке, они ощущали себя другим народом, не французами. К злосчастному XIII веку это был особый регион, со своей историей, культурой и — религией. Последнее должно нас наиболее заинтересовать, хотя бы потому, что вокруг верований складывалась и сама жизнь той эпохи. Так что нам стоит повнимательнее приглядеться к тому, чем же были южные окраины Франции в средневековье. Поверьте, это весьма любопытный экскурс в прошлое.

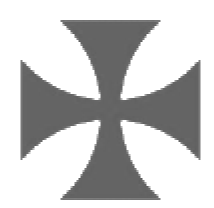
Итак, наши отважные рыцари нашли не только драгметаллы в темных подземных норах под основанием Соломонова храма, но и некие тексты, которые ввиду незнакомого им языка поручили прочтению специалистов. Мы, конечно, достоверно не можем сказать, что это были за тексты, но предположить можем: тексты были написаны ессеями и содержали сведения о том человеке, которого христианские иерархи сделали богом. Ессеи в Иисусе никакого бога не видели, да и с чего бы это им? Для них он был всего лишь одним из посвященных, причем не самым уважаемым. С гораздо большим доверием они относились в его родному брату Иакову. Христианской церкви даже пришлось публиковать особые разъяснения по этому вопросу; документы оказались презабавными! В них четко указывалось, что считать Иакова братом Христа — ересь, поскольку у бога не может быть брата. Вот так вот. Если вдуматься, разъяснение точно в духе политики правящей партии, потому как, если Иисус был зачат непорочно, то откуда бы взяться братьям? Ессеи знали обоих, почему и думали по-другому. Оказалось, судя по этим документам, что у бога-сына есть не только один брат, а несколько, впрочем, как и сестер. Как хотите, но мать Иисуса Мария все-таки была еврейкой, а евреи никогда не нарушали завета своего Иеговы — плодитесь и размножайтесь. Удивительнее было бы, если Мария родила всего одного ребенка, это казалось бы едва ли не позором. Так что в семье у будущего бога все было в порядке — мама с папой, братья и сестры. С точки зрения иудаизма — правильная семья. Но бог с ней, с семьей. У самого Иисуса, если он только не выродок какой-то, все по тем же законам тоже должна была быть семья. Не мальчик ведь уже. Вполне зрелый муж. В его возрасте не иметь семьи считалось предосудительным. Вот почему, конечно, если Иисус был историческим лицом, то и жить он должен был согласно условиям своего времени — то есть жениться и родить детей. Или хотя бы одного ребенка, а затем соблюдать обряд целомудрия. Именно так поступали ессеи, понимая: если совсем никого не рожать, так некому будет познавать священные тайны мира. Конечно, они размножались не с таким вдохновением, как прочие иудеи, но и совсем без этого дела не обходились. Не надо считать христианских отцов церкви полными идиотами — они вполне понимали, кем может оказаться бог, если найдутся неретушированные сведения о его земной жизни. Но поскольку им уже удалось уничтожить все данные, которые могли оказаться доступными, и переписать даже те Евангелия, в которых этот вопрос (в силу его ненужности) обходится стороной, все равно любое сочинение на тему «как стать богом» было опасным. Опасным — для Рима. Истинным — для тех, кто знал традицию и передавал ее изустно. Потому как на юге нынешней Франции появилось множество эмигрантов из Палестины, то традиция и не думала пресекаться. Из-за всего этого религия юга отличалась от религии Рима так же, как лицо скандинава от лица эфиопа. Южане считали себя истинными христианами, а Рим — той вавилонской блудницей, которая впервые была обличена в Апокалипсисе. Если Апокалипсис удалось как-то втащить в эсхатологическую нишу и сделать практически безвредным, намекнув, что речь там идет о языческом Риме и о конце мира язычников, которые служат Сатане, вообще, и недавно приобщенные к духовным ценностям северяне эту баланду скушали, то южане с их смешанным культурным наследием знали точно: речь о том самом Риме и той самой Церкви, извратившей учение подлинного Иисуса Христа. Именно на юге пышным цветом расцвело то, что римская церковь поспешила обозначить ересью манихеев.

Манихейство было основано в III веке нашей эры персом Сураиком из Ктезифона (218–276), которого называли Мани или Манес, в переводе — дух. Манихеи были дуалистами и рассматривали мир как битву между силами добра и зла. По этому учению Христос был духом света, и манихеи стремились добиться совершенства, чтобы уподобиться Христу. Тело в этом случае выступало как сила зла, с которой необходимо бороться. На основе ереси Манеса выросли еретические течения богомилов, а также катаров и альбигойцев, которые очень похожи и о которых речь пойдет ниже. Как писал Ч. Геккертон, «Манес, выкупленный из рабства богатой персидской вдовой, отчего его прозвали «сыном вдовы», а учеников его

«сынами вдовы», привлекательной наружности, сведущий в александрийской философии, посвященный в Митраические мистерии, проехал Индию, доезжал до границ Китая, изучил евангельское учение и таким образом жил среди религиозных систем, извлекая свет из всех и не оставаясь доволен ни одной. Он родился в благоприятную минуту, и его темперамент делал его способным к трудным и фантастическим предприятиям и планам. Обладая большой проницательностью и непреклонной волей, он понял обширную силу христианства и решился воспользоваться ею, скрыв гностические и каббалистические идей под христианскими названиями и обрядами. Для того чтобы придать этому учению вид христианского откровения, он назвался Параклетом, возвещенным Христом своим ученикам, приписывая себе, гностическим способом, превосходство над апостолами, отвергая Ветхий Завет и приписывая языческим мудрецам философию выше иудейской. Печальные умозрения дуализма, чистого и простого, вечность и абсолютное зло вещества, вечная смерть тела, неизменность принципа зла — вот что господствует в смеси, принявшей от Манеса свое название и смешивающей магизм с иудаизмом. Неведомый Отец, Превечное Существо Зороастра, совершенно отвергается Манесом, который разделяет вселенную на две несогласуемые области: света и тьмы, одну выше другой; но между ними большая разница: первый, вместо того чтобы склонить последнюю к добру, доводит ее до бессилия, побеждает, но не подчиняет и не убеждает ее. Бог света имеет бесчисленные легионы воинов (эонов), во главе которых находятся двенадцать высших ангелов, соответствующих двенадцати знакам Зодиака. Сатанинское вещество окружено подобной же ратью, которая, будучи пленена прелестями света, старается завоевать его, поэтому глава небесного царства, для отвращения этой опасности, вливает Жизнь в новую силу и поручает ей стеречь границы неба. Эта власть называется «Мать Жизни», она и есть душа мира, «божественная», первобытная мысль высшего существа, небесная «София» гностиков. Как прямое истечение из вечного, она слишком чиста, чтобы сливаться с материей, но у нее родится сын, первый человек, начинающий великую борьбу с демонами. Когда у человека недостает сил, «Живой Дух» является к нему на помощь и, отведя обратно в царство света, возносит выше мира ту часть небесной души, которая не заражена прикосновением к демонам — совершенно чистую душу, Искупителя, который привлекает к себе и освобождает от материи свет и душу первого человека. В этих темных доктринах кроется митраическое поклонение солнцу. Последователи Манеса разделялись на «избранников» и «слушателей»; первые должны были отказаться от всяких телесных наслаждений, от всего, что может помрачить в нас небесный свет; со вторыми обращались не так сурово. Оба могли достигнуть бессмертия посредством очищения в обширном озере, находившемся на луне (крещение небесной водой), и освящения солнечным огнем (крещение небесным огнем), где витают Искупитель и блаженные духи. Карьера Манеса была неудачной и бурной — предвестие бурь, которые должны были возникнуть против его секты. Пользуясь непостоянной милостью двора и приобретя славу искусного врача, он не мог спасти жизнь одного из сыновей царя. Он был изгнан и странствовал по Туркестану, Индостану и Китайской империи. Год он прожил в пещере, питаясь травами, а в это время его последователи, не получая известий, говорили, что он вознесся на небо, и им верили не только «слушатели», но и народ. Новый царь призвал его ко двору, осыпал почестями, воздвиг для него пышный дворец и советовался с ним о всех государственных делах. Но преемник этого второго царя заставил его дорого поплатиться за это короткое счастье, потому что подверг его жестокой смерти». Таким образом, Манес (Мани) стал мучеником и многие верили, что он не погиб, а вознесся на небо. Поскольку один прецедент уже имелся — Иисус, то и Манеса многие стали считать еще одним воплощением бога. Сведения в ту пору, сами понимаете, доходили нерегулярно и за время путешествия сильно видоизменялись, так что появилось множество учеников Мани, которые свидетельствовали и о последующем чуде воскресения. Наиболее подверженными такому восприятию оказались южные части Европы, Малая Азия и север Африки. В Болгарии появились богомилы, в Ломбардии — патерийцы, манихейство имело огромный успех в

Испании и даже в самой Италии, а на юге Франции, смешавшись с уже известным нам иудейским миросозерцанием ессеев, оно приобрело еще более сложную форму и стало называться альбигойством и катаризмом. Между прочим, сколько церковь с последователями Мани ни боролась, но именно благодаря манихеям началась европейская Реформация, и уж точно и хорошо всем известно, что манихеями были воины-гуситы, и шли они в бой, возглавляемые Яном Гусом и Яном Жижкой под знаменем Мани, изображавшим Чашу, и девизом Мани — «Бог есть любовь». Ничего не напоминает? Девиз тамплиеров был именно таков: «Да здравствует Бог Святая Любовь». Откуда он у тамплиеров? Как откуда? С их южной родины.

Именно юг Франции Лангедок, Гасконь, Прованс, — откуда родом первые рыцари Храма, был охвачен ересями катаров и альбигойцев. Если тамплиеры нашли древние тексты кумранской общины ессеев, то вполне понятно, почему их отношение к ортодоксальной церкви было неблагожелательным. И также понятно, почему в новый французский Устав были внесены изменения: именно катары и могли быть теми самыми отлученными братьями, мировоззрение которых рыцари вполне разделяли. Но в чем же была причина ненависти церкви к ереси катаров? О, это вопрос особый.

Катарская «ересь»

Сами катары катарами себя не называли. «В течение долгого времени считалось, — говорит историк катаризма М. Рокеберт, — что термин «катары» происходит от греческого «Katharos», что означает «чистый». Сегодня нет сомнений, что сами катары никогда себя так не называли. Этот термин по отношению к ним употреблялся только их врагами, и, как мы можем судить, использовался в оскорбительном смысле немецким монахом Экбертом из Шонау, впервые упомянувшим его в своих проповедях в 1163 году. Через тридцать пять лет католический критик Алан Лилльский пишет, что им давали такое прозвище от латинского слова «catus» — кот, потому что, «как о них говорят, когда Люцифер является им в образе кота, они целуют его в зад…» Это оскорбление объяснялось тем, что катары приписывали творение видимого мира принципу Зла, а во многих средневековых традициях, особенно в Германии, кот был символическим животным Дьявола. Распространялись слухи, что если катары считают, будто мир создан Дьяволом, то они и поклоняются ему в образе кота, хотя на самом деле катары как никто были далеки от поклонения Дьяволу. Следует заметить, что средневековое немецкое слово Ketter, означающее «еретик», происходит от слова Katte — «Кот» (в современном немецком языке Ketzer и Katze). Дуалистам также давали и другие прозвища: если в Германии их называли «катарами», то во Фландрии «попликанами» и «пифлами», в Италии и Боснии «патаренами», на Севере Франции — «буграми» или «булграми» — особенно оскорбительное выражение, которое означало не только «болгары», но часто являлось синонимом слова «содомиты». Но им давали также и необидные прозвища. Например, в регионе Ок их часто называли «ткачами», потому что они предпочитали эту профессию. Использовали также региональные обозначения: «еретики из Ажена, Тулузы, Альби…» Последнее слово, вместе со словом «катары», приобрело огромную популярность, и

с течением времени слово «альбигойцы» стало эквивалентом слова «катары» и им стали называть людей, проживающих далеко от региона Альбижуа… Однако сами себя катары называли «христиане» и «добрые христиане». Обычные верующие иногда называли их «совершенными», «добрыми людьми», но особенно часто употреблялось слово «друзья Божьи», о чем очень много свидетельств в Лангедоке XIII столетия. Это был буквальный перевод славянского слова «богу-мил». Так что будет абсолютно справедливо и в соответствии со словарем того времени называть эту дуалистическую Церковь, известную как «богомилы» на Балканах и «катары» на Западе, «Церковью Друзей Божьих».

В целом учение катаров и альбигойцев весьма простое. Они считали, что земная жизнь служит только для подготовки для вступления в Царство Божие и душа человека, заключенная в телесную оболочку, должна достигнуть очищения, чтобы Бог позволил ей вернуться на небеса. Способ достижения этой цели — простая жизнь, уединение, чистота мыслей и поступков, по возможности — отказ от плотских радостей. Конечно, простая жизнь была строгой и аскетической, а уединение было более похоже на отшельничество, нередко с обетом молчания, но если учесть, насколько развращенной и непривлекательной была в то время официальная церковь, то вполне понятно, почему жители французского Юга отдавали предпочтение учению катаров — искреннему и одухотворенному. Бог, в которого верили катары, не был тем странным триединым божеством, которое изобрела в ходе долгих дебатов в раннем Средневековье христианская церковь. Это был бог Света, который не посылал своего сына умирать на кресте. Для катаров сам крест не был священным символом, поскольку использовался как орудие пытки. Бог катаров был добрым богом, а тот бог, который бы допустил смерть своего сына на кресте — Сатана. Просветление, которого добивались катары, не обреталось молитвами кресту и распятому сыну, его можно было достичь только собственными силами, раскрывая свою душу навстречу Единому Богу (а не Троице), путем индивидуального общения с этим Богом-Абсолютом. В этом плане вера катаров напоминает веру ессеев, которые тоже говорили об индивидуальном пути к Богу и считали, что «чистая» жизнь способствует просветлению души. И те и другие излагали свое учение в аллегорической форме, почему можно предполагать, что источником для такого мировоззрения служили какие-то древние еврейские тексты. И тут важно вспомнить, что юг Франции долгое время был тем местом, куда бежали еврейские эмигранты, и особенно — члены кумранской общины ессеев, которая была известна в I веке как община Дамаска (так называлось местечко, где ессеи жили). Если верить даже каноническим Евангелиям, подчищенным церковью до предела, то в них упоминается брат Христа Иаков. Считается, что именно Иаков был руководителем общины ессеев. И тогда совсем не случайно один из первых рыцарских орденов получил название Ордена Святого Иакова. Это имя для жителей Ближнего Востока и неортодоксальных христиан значило очень много. Многие ессеи вынуждены были из-за гонений переселиться на юг Франции — вот вам и корни катаров… и первых рыцарей-монахов. Вполне вероятно, из последователей ессеев вырос Орден Сиона, который и вырастил рыцарей-тамплиеров, яковитов и рыцарей

Гроба Господня. На протяжении тысячелетия потомки ессеев хранили свою истинную веру и помнили свою истинную историю.

Но вернемся к катарам и альбигойцам.

Катары считали, что церковь сознательно извратила христианство, и уподобляли ее синагоге Сатаны. По их мнению, между Богом и человеком не должно быть посредника, и все церковные таинства — только способ заморочить разум человека и владеть его душой, отвратив ее от истинного пути просветленных. Они не верили, что души умерших попадают в чистилище, считали ненужными и вредными существование икон и крестов, потому что в них нет ничего святого и они не помогут человеку стать лучше и чище. А уж о взимаемой церковью десятине и речи не шло, поскольку это явное доказательство того, что церковь — власть Сатаны. От зла и греха не может защитить святая вода, потому что она всего лишь

вода и нет в ней никакой святой силы. Индульгенции не могут отпустить человеку грехи, потому что он пытается купить чистоту за деньги, а ее нельзя купить, ее можно только достичь. Они выступали против крещения водой, считая, что этого явно недостаточно, а крещение детей и вовсе отрицали, поскольку принятие веры — акт осознанный: «злобная Церковь Римская, распространяя обман и выдумки, говорит о том, что Христос учил крестить материальной водой, как это делал Иоанн Креститель до того, как Христос начал проповедовать. Но это можно опровергнуть по многим пунктам; ибо если крещение, практикуемое Римской Церковью — это то крещение, которому Христос научил их Церковь, тогда все те, кто не получил их крещения, будут осуждены. Ведь они крестят маленьких детей, которые не могут еще ни верить, ни видеть разницу между добром и злом, но и они без крещения, по их словам, будут осуждены. Кроме того, если крещение преходящей водой приносит спасение, тогда Христос пришел и погиб впустую, ибо еще до Него совершали крещение водой…. Что же касается двух крещений, Святой Павел ясно указывает, что только одно приносит спасение, говоря (Еф. 4,5): «один Господь, одна вера, одно крещение». Святой Лука в Деяниях Апостолов описывает, каково крещение, практикуемое Церковью Божьей, и хорошо показывает, какую цену доводилось платить апостолам, соглашаясь на крещение водой, говоря (Деян. 19,1–6): «Когда Павел прибыл в Эфес, то нашедши там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Духа Святого, уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святой. И Павел сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть в Иисуса. Услышавши это, они крестились во имя Господа Иисуса, и когда Павел возложил на них руки, низошел на них Дух Святой». Они верили, что крещение, совершенное недостойным человеком, не дает никакой благости (а учитывая моральное разложение современных им отцов церкви, приходилось признавать их правоту — не дает). Они отрицали церковное таинство брака, поскольку брак — это совершенно земное мероприятие и к жизни души отношения не имеет. Но основное разногласие было в признании — непризнании Евхаристии. Римская церковь утверждала, что повторение обряда Тайной вечери дает каждому причащающемуся «пресуществление» души. Катары в такую глупость не верили. Да, они освящали хлеб перед едой и разламывали его на части, чтобы достался каждому, но при этом они не нарекали хлеб плотью Христовой, они вообще избегали есть любую плоть, даже и символическую. Вместо всего изобилия церковных таинств они практиковали только крещение Огнем и Святым Духом, разного рода такие крещения проводились простым наложением рук. Во власти церкви катары видели то, что и было на самом деле — огромную машину, стремившуюся подчинить себе всех людей, которые имели несчастье получить крещение. Они воспринимали власть церкви как насилие. В XII–XIII веках вера катаров была первым мощным сопротивлением власти церкви, когда в еретиках внезапно оказалось население огромной территории, причем люди самых разных сословий — крестьяне, горожане, рыцари и даже крупные феодалы. Поскольку официальная церковь заклеймила катаров как еретиков, то они создали систему управления своими сторонниками и систему тайных храмов.

Одетые в белые одежды, со светящимися глазами и одухотворенными лицами, «совершенные» настолько напоминали монахов первого века христианства, что их обаянию поддались цистерианцы и бенедиктинцы. Недаром они — немногие из монахов — носили под черным одеянием белую рясу с капюшоном. Белый цвет — цвет чистоты. Этот же цвет избрали для себя тамплиеры, правда, увенчав грудь или левое плечо алым крестом — чего бы никогда не сделал ни один катар. Тамплиерское стремление к совершенству многим напоминает аналогичное устремление катаров. Только, в отличие от рыцарей в белых плащах, катары бы никогда не взяли в руки оружие, предпочитая быть с убитыми, но не с убивающими. В тексте под условным названием «Апология», написанном на окситанском языке, об убийстве говорится следующее: «Эта Церковь (катарская. — Авт.) остерегается

убийств и не воспринимает убийства ни в каком виде. Истинно сказал Господь наш Иисус Христос (Ср. Мт. 5, 20): «Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюдай заповеди». И еще Он сказал (Мт. 5, 21–22): «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду, а Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». И Святой Павел сказал: «Не убивай». И Святой Иоанн писал апостолам (1 Ин. 3,15): «Вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной». И в Апокалипсисе сказано (Апок. 22,15): «Убийцы за воротами святого города». И еще сказано (Апок.21,8): Убийц участь в озере, горящем огнем и серою». И Святой Павел писал римлянам об одержимых жаждой убийства, противоречащих, обманывающих и злобствующих (Рим. 1,32): «Они знают, что делающие такие дела достойны смерти, однако не только их делают, но и делающих одобряют», Поэтому не стоит видеть в тамплиерах переодетых катаров. Впрочем, разделять какие-то катарские воззрения на религию тамплиеры могли, и скорее всего разделяли. Дело в другом — с мечом в руке они просто не могли быть «совершенными»!

«Число «совершенных» (perfecti) еретиков — писал Отто Ран в «Крестовом походе против Грааля», — вероятно, было небольшим. Ко времени Первого крестового похода (в период расцвета катаризма) их насчитывалось не более семи — восьми сотен. Это не должно вызывать удивление, поскольку их доктрина требовала отказа от всего земного и длительных аскетических занятий, приводящих к подрыву телесного здоровья даже самых физически крепких людей. Намного больше было число «верующих» (credentes). Вместе с вальденсами (последователями лионского купца XII века Петра Вальдо, желавшего возродить первобытную чистоту христианских нравов) их было больше, чем правоверных католиков, принадлежавших почти исключительно Римско-католической церкви. Конечно же, все сказанное относится только к Южной Франции. Верующих катаров называли также просто «христиане». Подобно друидам, катары жили в лесах и пещерах, проводя почти все время в богослужениях. Стол, покрытый белой тканью, служил алтарем. На нем лежал Новый Завет на провансальском наречии, открытый на первой главе Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Служба отличалась такой же простотой. Она начиналась чтением мест из Нового Завета. Потом следовало «благословение». Присутствующие на службе «верующие» складывали руки, опускались на колени, трижды кланялись и говорили «совершенным»: — Благословите нас. В третий раз они прибавляли: — Молите Бога за нас, грешных, чтобы сделал нас добрыми христианами и привел к благой кончине. «Совершенные» каждый раз протягивали руки для благословения и отвечали:

— Diaus Vos benesiga («Да благословит вас Бог! Да сделает вас добрыми христианами и приведет вас к благой кончине»). После благословения все читали вслух «Отче наш» — единственную молитву, признаваемую в Церкви Любви. Вместо «Хлеб наш насущный дашь нам днесь» они говорили «Хлеб наш духовный…», потому что просьбу о хлебе земном в молитве они считали недопустимой».

/…/ «Нет одного бога, — считали катары, — есть два, которые оспаривают господство над миром. Бог Любви и Князь Мира Сего. По духу, составляющему его величие, человек принадлежит первому, по бренному телу он подчиняется второму…»

/…/ «Мир существует вечно, — утверждали катары, — он не имеет ни начала, ни конца… Земля не могла быть сотворена богом, ибо это значило бы, что бог сотворил порочное… Христос никогда не умирал на кресте, евангельский рассказ о Христе является выдумкой попов… Крещение бесполезно, ибо оно проводится над младенцами, не имеющими разума, и никак не предохраняет человека от грядущих грехов… Крест не символ веры, а орудие пытки, на нем распинали людей…»

К Иисусу у них было какое-то глубоко личное отношение. По словам Анн Бреннон, «Отец отправил Своего Сына на землю не для страданий и смерти на кресте, а как посланца, принявшего образ человека, но не в отягощенной злом плоти. Словом Евангелия, «Благой Вестью», пришел Христос напомнить падшим ангелам о потерянном рае и о любви Отчей. И

задачей апостолов было нести и распространять это послание пробуждения, адресованное всем людям. Кроме того, перед тем как вознестись, Христос научил апостолов правилам «закона жизни», то есть, «дороги справедливости и правды» Добрых людей, отказавшихся от насилия, лжи и клятв — а также таинству, обеспечивающему спасение. Прямые наследники апостолов, Добрые Христиане, в свою очередь, претендовали на то, что они являются хранителями дара связывать и развязывать и отпускать грехи, который Христос передал Своей Церкви. Именно это является главным признаком христианской Церкви, и они демонстрировали это наследие, произнося Отче Наш, благословляя и преломляя за своим столом хлеб Слова Божьего в память о Христе. Как и протестанты, они не верили в его реальное превращение в тело Христово».

Как пишет Генри Ли в книге «История инквизиции в средние века», «…не было ничего привлекательного в учении катаров для людей чувственных, скорее, оно должно было отталкивать их, и если ка-таризм мог распространиться с поразительной быстротой, то объяснение этому факту нужно искать в недовольстве массы церковью за ее нравственное ничтожество и за ее тиранию. Хотя аскетизм, возводимый катарами в закон, и был совершенно неприменим в действительной жизни огромной массы людей, но нравственная сторона этого учения была поистине удивительна; и в общем основные его положения соблюдались в жизни строго, и остававшиеся верными церкви с чувством стыда и сожаления сознавались, что в этом отношении еретики стояли много выше их. Но, с другой стороны, осуждение брака, учение, что сношение между мужчиной и женщиной равносильно кровосмешению, и другие подобные преувеличения вызывали толки, что кровосмешение среди еретиков было обычным явлением; рассказывались небывалые истории о ночных оргиях, на которых сразу гасились все огни, а люди предавались свальному греху; а если после этого рождался ребенок, то его держали над огнем, пока он не испускал дух, а потом из тела этого ребенка делали адские дары, обладавшие такой силой, что всякий, вкусивший их, не мог более выйти из секты».

Катары, конечно, никаких оргий не устраивали и младенцев над огнем не коптили, они были скорее аскетичны, как первые христиане или отцы-пустынники — отказывались от мяса, яиц, рыбы, молока, стремясь питаться только растительной пищей, или соблюдали очень строгий пост; если получали аналогичное крещению наложение рук (обряд посвящения), то стремились даже избегать прикосновения к женщине, чтобы не оскверниться грехом. Молодым людям разрешалось в катарских общинах только однажды зачать и родить ребенка (грех, но мера вынужденная — иначе род человеческий угаснет), а потом друг к другу они не прикасались. Смерть в этом учении воспринималась как освобождение от оков плоти и приветствовалась, вот почему, когда начались гонения на катаров, то их мучителей ужасала готовность этих людей терпеть страдания и умереть, но не предать веры.

«Мы с трудом можем представить себе, — добавляет Ли, — что, собственно, в учении катаров порождало энтузиазм и ревностное искание мученической смерти; но никакое другое вероучение не может дать нам такого длинного списка людей, которые предпочитали бы ужасную смерть на костре вероотступничеству. Если бы было верно, что из крови мучеников родятся семена церкви, то манихеизм был бы в настоящее время господствующей религией Европы. Во время первого преследования, о котором сохранились известия, а именно — во время преследования в Орлеане в 1017 году, тринадцать катаров из пятнадцати остались непоколебимы пред пылающими кострами — они отказались отречься от своих заблуждений, несмотря на то что им было обещано прощение, и их твердость вызвала удивление зрителей. Когда в 1040 году были открыты еретики в Монфорте и миланский архиепископ призвал к себе их главу Джерардо, то последний не замедлил явиться и добровольно изложил свое учение, счастливый, что ему представился случай запечатлеть свою веру ценой жизни».

От той замечательной эпохи до нас дошли очень немногие катарские тексты. Наиболее известен документ из Каркассона под названием «Тайная книга альбигойцев». Датируется

этот текст X–XII веками, он был очень популярен в то время и сохранился, к великому счастью, без искажений. О чем же в нем говорится? О поисках Пути. Текст имеет второе название: Вопросы Иоанна на тайной трапезе Царя Небесного. Имеется в виду любимый катарами Иоанн Богослов.

Вопросы Иоанна, Апостола и Евангелиста, па тайной трапезе Царя Небесного: об устройстве этого мира, и о Творце, и об Адаме.

I. Я, Иоанн, брат ваш, имеющий долю в несчастье и доли в Царствии Небесном чающий, сказал, когда возлежал я на груди Господа нашего Иисуса Христа: «Господи, кто предаст Тебя?» И отвечая, сказал Он: «Тот, кто вместе со Мною омочил руку в чаше. Тогда вошел в него Сатана и потребовал, чтобы он предал Меня».

И. И сказал я: «Господи, прежде чем пал Сатана, в какой славе пребывал он у Отца Твоего?» И сказал Он мне: «В такой славе был, что управлял силами небесными; Я же сидел возле Отца Моего. Он (Сатана) управлял всеми, следовавшими за Отцом, и нисходил с небес в преисподнюю, и восходил от низших до самого престола невидимого Отца. Он оберегал славу, что приводит в движение небеса, и замыслил поставить трон свой за облаками небесными, и пожелал уподобится Вышнему. И когда низошел он в воздух, сказал ангелу воздуха: «Открой мне врата воздушные», и тот открыл ему врата воздушные. Стремясь вниз, он увидел ангела, который держал воды, и сказал ему: «Открой мне врата водные», и открыл ему. И, проходя сквозь пределы, увидел весь облик земли, покрытой водами. Проходя под землею, увидел он двух рыб, лежащих под водами; как быки, впряженные в плуг, они держали всю землю, повелением невидимого Отца, от захода до самого восхода солнца. А когда спустился еще ниже, увидел преисподнюю, которая есть род огня, и дальше не смог нисходить из-за пламени огня пылающего. И возвратился Сатана назад, исполнился злобы, подступил к ангелу воздуха и к тому, который был над водами, и сказал им: «Все это мое; если послушаете меня, поставлю трон свой над облаками и уподоблюсь Вышнему; удаляя воды с высоты этой тверди, заполню прочие места морями и потом не будет воды на лице земли, и воцарюсь вместе с вами на веки веков». И, сказав это ангелам, взошел к другим ангелам, до пятого неба, и так говорил каждому из них: «Сколько ты должен Господу своему?» Тот сказал: «Сто мер пшеницы». И сказал ему Сатана: «Возьми перо и чернила и напиши: шестьдесят». И другому сказал: «А ты сколько должен Господу своему?» Тот ответил: «Сто кувшинов елея». И сказал Сатана: «Сядь и напиши: пятьдесят». И восходя на все небеса, вплоть до пятого неба, так говорил, прельщая ангелов невидимого Отца.

III. И раздался голос от престола Отца: «Что делаешь, отрицатель Отца, отвращающий ангелов? Делатель греха, быстро делай то, что задумал». Тогда повелел Отец ангелам своим: «Совлеките с них одежды». И совлекли одежды их и короны их — всех ангелов, которые его (Сатану) слушали».

И спросил я Господа: «Когда пал Сатана, в каком месте он стал обитать?» И ответил Он мне: «Отец Мой преобразил его за гордыню его, и отнят был от него свет, и стал облик его, как железо раскаленное, и как у человека, стал весь облик его; и увлек он хвостом своим третью часть ангелов Божиих, и был изгнан от трона Божия рі от устроения небесного. И низойдя в эту твердь, не мог Сатана создать никакого покоя ни себе, ни тем, кто был с ним. И он попросил Отца: «Имей ко мне снисхождение, и все верну Тебе». И сжалился над ним Отец, и дал покой ему и тем, кто с ним был, насколько он пожелает, вплоть до семи дней.

IV. Тогда воссел Сатана на тверди и повелел ангелу, который был над воздухом, и тому, который был над водами, и подняли они вверх, в воздух, две части вод, а из третьей части

создали пятьдесят морей, и свершилось разделение вод по предначертанию невидимого Отца. И вновь повелел Сатана ангелу, который был над водами: «Встань на двух рыб», и встал он, и поднял головой своей третью, и она явилась сухой. Когда принял Сатана корону от ангела, который был над воздухом, из половины ее создал трон свой, а из половины — свет солнца. Приняв же корону от ангела, который был над водами, из половины создал свет луны, а из половины — свет дня. Из камней создал он огонь, а из огня — все воинство и звезды. Из них создал он ангелов ветра, служителей своих, по образу Вышнего устроителя, и создал громы, дожди, град и снег, и послал на них ангелов-служителей своих. Земле же повелел, чтобы она произвела все живое: животных, деревья и травы. А морю повелел, чтобы произвело оно рыб и птиц небесных.

V. Затем придумал Сатана и сотворил человека по своему подобию, и повелел ангелу третьего неба войти в глиняное тело. И взял от него часть, и сделал другое тело, в образе женщины, и повелел ангелу второго неба войти в тело женщины. Ангелы же горько возрыдали, увидев в себе смертный образ и будучи не сходного с ним образа. И повелел Сатана сотворить плотское дело в глиняных телах, и не поняли они, как сотворить грех. Тогда возбудитель зла умом своим задумал сотворить рай, ввести туда людей и запретить им выходить из него. И посадил диавол тростник в середине рая, и так скрыл свою выдумку негодный диавол, чтобы они не поняли его обман. И входил он, и так говорил с ними: «Вкушайте от всякого плода, который есть в раю, от плода же познания добра и зла «е вкушайте». Диавол же вошел в змея негодного и обманул ангела, который был в образе женщины, и преисполнился брат его (Адам) желания греха с Евой в прославление змея. Потому называют сыновьями диавола и сыновьями змея тех, кто совершает желание диавола, отца своего, вплоть до скончания этого века. И вновь диавол излил в ангела, который был в Адаме, яд свой и желание, порождающее сыновей змея и сыновей диавола, вплоть до скончания этого века».

VI. И затем я, Иоанн, спросил Господа: «Почему говорят люди, что Адам и Ева богом сотворены и помещены в раю, чтобы соблюдать предначертания Отца, и в то же время утверждают, что они смертны?» И сказал мне Господь: «Слушай любезнейший Иоанн: неразумные люди так говорят, что Отец Мой лицемерно сотворил глиняные тела; но все силы небесные сотворил Он из Духа Святого, эти же два ангела по их вине были явлены с глиняными телами, и их называют смертными». И вновь я, Иоанн, спросил Господа: «Как же человек начинает бытие свое от духа, пребывая в теле из плоти?» И сказал мне Господь: «От падших ангелов небесных зачинаются в женских телах и получают плоть от желания плоти, и рождается дух от духа, а плоть от плоти; так осуществляется власть Сатаны в этом мире и во всех родах».

VII. И спросил я Господа: «Доколе Сатана будет властвовать в этом мире над сущностью людской?» И сказал мне Господь: «Отец Мой предоставил ему властвовать семь дней, которые суть семь веков». И спросил я Господа, и сказал: «Сколько это будет по времени?» И сказал Он мне: «Когда отпал диавол от славы Отца и от славы своей отказался, воссел он над облаками и послал своих служителей ангелов — огонь палящий — к людям, внизу пребывающим, от Адама и до Еноха, служителя своего. Вознес он Еноха на твердь небесную и показал величие свое, и повелел дать ему перо и чернила, и сев, написал Енох шестьдесят семь книг. И повелел Сатана, чтобы Енох отнес их на землю и передал сыновьям. И поместил Енох книги на землю, и передал их сыновьям своим, и начал обучать их, как совершать жертвоприношения и таинства противозаконные, и так сокрылось перед людьми Царство Небесное». И говорил еще Господь: «Узрите, что Я — Бог ваш, и нет другого Бога кроме Меня. Потому послал Меня Отец Мой в этот мир, чтобы Я объяснил людям и поняли бы они злую природу диавола. И в то время, когда узнал диавол, что Я низошел с неба в мир, послал ангела, взял древесину от трех деревьев для распятия Моего и дал ее Моисею, и доныне она

для Меня сохраняется. Он же, Моисей, тогда предвозвещал о Божестве народу своему и повелел дать закон сынам Израиля, и вывел их посуху через море.

VIII. Когда помыслил Отец Мой послать Меня в мир, послал передо Мной ангела Своего, по имени Мария, чтобы Она приняла Меня. Я же, нисходя, вошел в Нее через слух и через слух вышел. И узнал Сатана, властелин мира сего, что нисхожу Я разыскивать и спасать погибающих, и послал ангела — Илию-пророка, которого называют Иоанн Креститель, крестящего водой. Илия же спросил властелина мира сего: «Как смогу я Его узнать?» Тогда Сам Господь сказал: «Над кем увидишь ты Духа, нисходящего подобно голубю и на Нем пребывающего, Тот будет крестить Духом Святым во избавление от грехов, Тот имеет власть уничтожать и спасать»».

IX. И снова я, Иоанн, спросил Господа: «Может ли человек спастись через крещение Иоанново, без Твоего крещения?» И ответил мне Господь: «Если Я не окрещу во избавление от грехов, через крещение водное никто не сможет увидеть Царство Небесное, ибо Я — хлеб жизни, нисшедший с седьмого неба, и те, кто едят плоть Мою и пьют кровь Мою, те назовутся детьми Божьими». И спросил я Господа, и сказал: «Что значит «есть плоть Мою и пить кровь Мою»?» И сказал мне Господь: «Прежде чем отпал диавол со всем его воинством от славы Отца, они в молитвах своих прославляли Отца такими словами: «Отче наш, который на небесах», — и все их песнопения восходили к престолу Отца. А когда пали они, уже не могли славить Бога этой молитвой». И спросил я Господа: «Почему все принимают Иоанново крещение, Твое же крещение принимают не все?» И ответил Господь: «Ибо дела их злы и не проходят они к свету. Ученики Иоанна вступают в брак и организуют браки, Мои же ученики не делают ни того, ни другого, но пребывают как ангелы Божии на небе». Я же сказал: «Ведь если от женщины грех, то человеку нет пользы от брака». Господь же сказал мне: «Не все вмещают эти слова, только те, кому дано, ведь есть скопцы, которые таковыми рождаются из материнского лона; есть скопцы, которых оскопили люди; и есть скопцы, которые сами себя очистили для Царствия Небесного. Кто может вместить, да вместит».

X. Я же спросил Господа о дне судном: «Каким будет знамение пришествия Твоего?» И, отвечая, сказал Он мне: «Когда составится число праведных, то есть праведных бренных царей, тогда будет выпущен из темницы своей Сатана, гнев великий имеющий, и начнет борьбу с праведниками, и воззовут они ко Господу великим гласом. И тотчас повелит Господь ангелу, чтобы запела труба. Трубный глас архангела небесного будет услышан до преисподней. Тогда затмится солнце, и луна не даст свой свет, звезды падут, сорвутся четыре ветра с оснований своих и заставят одновременно трепетать землю и море, горы и холмы. Тотчас затрепещет и небо, и затмится солнце, которое будет светить до четвертого часа. Тогда явится знамение Сына Человеческого и с Ним все святые ангелы, и утвердит престол Свой над облаками, и воссядет над семью славами величия Своего с двенадцатью апостолами на двенадцати престолах славы Своей. И явятся книги, и будет судить Христос весь мир, и исполнится то, что было предсказано. Тогда пошлет Сын Человеческий ангелов Своих, и соберут они избранников Его от четырех ветров, от высших небес, вплоть до пределов их, и низойдут ангелы, чтобы их искать, и вознесут с собою на воздух над облаками. Тогда пошлет Сын Божий злых демонов, чтобы прислали они к Нему все народы, и скажет им: «Придите те, кто говорил: будем есть и пить, и стяжаем блага мира сего». И потом вновь они будут позваны, и предстанут все перед су-дом-все народы, объятые страхом. Явятся книги жизни, и станет явным бесчестие всех народов. И прославит Христос справедливых за их терпение и добрые дела, славу, честь и непорочность, когда окружали их гнев и возмущение, несчастье и нужда. И выведет Сын Божий избранных Своих из средоточия греховного и скажет им: «Придите, блаженные Отца Моего, владейте Царством, уготованным для вас от основания мира». Затем грешникам скажет: «Отойдите от Меня, злоречивые, в вечный огонь, уготованный диаволу и ангелам его». А остальные, видевшие последнее разделение людей, прогонят ч грешников в преисподнюю по велению невидимого

Отца. Тогда выйдут духи из темниц неимоверных и будет услышан голос Мой, и станет одна овчарня и один Пастырь. Выйдет из недр земных мрачная тьма — тьма геенны огненной, и выгорит Вселенная от недр до воздуха тверди небесной. И Господь пребудет в тверди вплоть до недр земных. Глубина же бездны огненной, где будут обитать грешники, такова: если человек тридцати лет от роду поднимет камень и бросит вниз, он едва через два года достигнет дна.

XI. И тогда будут связаны Сатана и все воинство его и посланы в бездну огненную. И сойдет Сын Божий с тверди небесной, и заключит Сатану, сковав его крепкими оковами, не разрываемыми. Тогда грешники в рыдании и скорби скажут: «Поглоти нас, земля, укрой нас, смерть», праведники же воссияют как солнце в Царстве Отца своего. Приведет их Христос к престолу невидимого Отца и скажет: «Вот Я и дети Мои, которых дал Мне Бог. О Праведный! Мир Тебя не познал; Я же познал тебя воистину, ибо Ты послал Меня». Тогда ответит Отец Сыну Своему: «Сын Мой возлюбленный! Сядь одесную Меня, пока не повергну врагов Твоих к подножию Твоему, тех, кто отвергал Меня и говорил: «Мы — боги, и нет другого Бога, кроме нас»; тех, кто пророков Твоих убивал и преследовал праведников Твоих; и Ты прогонишь их во тьму внешнюю. Там будет плач и скрежет зубов». Тогда воссядет Сын Божий одесную Отца Своего, и Отец даст повеление ангелам Своим, поведет их и расположит их хорами ангельскими, чтобы одеть их одеянием непорочным, и даст им неувядаемые венцы и престолы непоколебимые, а Бог посередине пребудет. И не будут они испытывать ни голод, ни жажду, солнце не зайдет над ними и никакой зной не будет их мучить. Бог осушит каждую слезу на их глазах, и Сын воцарится с Отцом на веки веков».

Как видите, это совершенно иное, неортодоксальное понимание веры: и рождается дух от духа и плоть от плоти, и плоть в этом контексте — то, что мешает духу достичь совершенства. Настоящее крещение дается не водой, а светом. Ради достижения света человек может полностью отказаться от своего греховного тела. По катарскому или альбигойскому убеждению, в безвыходной ситуации самоубийство — тоже путь к свету. Поэтому и мученическая смерть на костре воспринималась ими не как смерть, а как освобождение. Они шли в этот свет, где будут рядом с Богом, с радостью, как на праздник. Примерно так же, как современные шахиды выбирают путь к богу, разрывающий их тела на части, чтобы потом, исполнив долг веры, они оказались там, где нет ни голода, ни жажды, ни зноя, ни тьмы, а есть только свет, свет, свет. Единение в вечном свете.

Еще один интересный документ прошлого, оставленный нам катарами, — так называемый Лионский ритуал, своего рода катехизис катаров, в котором расписано, что и как нужно выполнять, чтобы таинства совершались правильно. Этот документ был написан на окситанском языке — ныне, увы, таком же мертвом, как язык хеттов.

Простыми словами исповеди обращались катары к богу:

«Предстали мы пред Господом, и перед вами, и перед орденом Святой Церкви, чтобы принести покаяние и получить прощение всех грехов наших, совершенных на деле, и на словах, в мыслях и поступках, с рождения, и до дня сегодняшнего, и просим милости Божьей и вашей, дабы вы молили за нас святого Отца милосердного простить нас.

Поклонимся же Господу и покаемся в прегрешениях наших многих и тяжких перед Отцом, и Сыном и почитаемым Святым Духом, и почитаемыми нами святыми Евангелиями, и почитаемыми святыми апостолами, с молитвою, верою и с упованием на спасение, кое ожидает христиан добродетельных и достославных, и блаженных усопших предков, и братьев, здесь присутствующих, и молим Тебя, святой Господь, дабы Ты простил нам все грехи наши. Benedicite, parcite nobis.

Ибо велики грехи наши, кои совершали мы ежедневно и еженощно, велики каждодневные прегрешения наши, содеянные и на деле, и на словах, и в мыслях, вольно или

невольно, а более всего по собственной воле, кою злые духи внушали плоти нашей, в которую мы облечены. Benedicite, parcite nobis.

Господь святым словом Своим наставляет нас, а также святые апостолы и братья наши духовные; они говорят нам, чтобы отбросили мы всяческие желания плоти, и очистились от всякой скверны, и исполняли бы волю Господа, и творили бы благо и добро; но мы, служители нерадивые, не только не исполняем наставлений сих, как подобает исполнять, но часто потакаем желаниям плоти нашей и мирским заботам предаемся, нанося тем самым вред духу нашему. Benedicite, parcite nobis.

В миру мы ходим вместе с людьми разными, и пребываем вместе с ними, и разговариваем, и едим, и прегрешений совершаем множество, чем причиняем вред братьям нашим и душе нашей. Benedicite, parcite nobis.

Слова наши суетны, беседы пусты, и мы смеемся, шутим и злословим о братьях и сестрах, коих ни судить, ни осуждать мы недостойны, и грехи братьев и сестер не дано осуждать нам, ибо среди христиан доподлинно мы являемся грешниками. Benedicite, parcite nobis.

Служение, кое было нам заповедано, мы не исполняли так, как его следовало исполнять, не соблюдали ни пост, ни молитву; днями, отведенными нам для дел благочестивых, мы пренебрегли, и часов, для молитв предназначенных, не соблюдали; когда мы творим святую молитву, чувства наши заняты плотским, а мысли исполнены мирских забот, и до того поглощены мы мирским, что уже не знаем, какое слово возносим мы к Отцу всех праведных. Benedicite, parcite nobis.

О благой и милосердный Господь, во всем, в чем повинны чувства и мысли наши, мы исповедуемся Тебе, святый Боже; премного согрешили мы, но уповаем на милость Господню, и на святую молитву, и на святое Евангелие. Ибо тяжки грехи наши. Benedicite, parcite nobis.

О Господи, осуди и покарай пороки плоти нашей, обреченной на тлен и разрушение. Но возымей сострадание к душе, заключенной в темнице плоти, и дай нам дни и часы, и коленопреклонения, и посты и молитвы и проповеди, как это заведено у добрых христиан, дабы мы не были осуждены в Судный День как нечестивые и предатели. Benedicite, parcite nobis».

Для нас, людей XXI столетия, исповедь катаров неотличима от исповеди любого иного правильного христианина. Но в XIII веке она звучала как вызов

Римской церкви. Разве что духовное крещение кажется нам сегодня странным обрядом, не похожим на традиционный, но и то потому, что некоторым образом похоже на ритуал вступления в тайное общество. Но то общество, куда принимается таким образом неофит — это не секта, а церковь, и неофит в ней становится не любопытствующим, а полноправным членом. Такое крещение у катаров называлось Consolament.

«Если настало ему (неофиту) время получить духовное крещение, он должен совершить melihorier и принять Книгу из рук Старшего. Старший же должен прочесть ему наставление и назидание согласно ритуалу, как это пристало делать при крещении духовном. Должен же Старший сказать так:

«Господин Пейре (предположительное имя неофита), желаете ли Вы получить духовное крещение и Святое Слово через возложение рук добрых людей, посредством которого в Божьей Церкви нисходит Святой Дух? О крещении этом Господь наш Иисус Христос говорит своим ученикам в Евангелии от Матфея (28:19–20): «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века». Также говорит Он в Евангелии от Марка (16:15): «И сказал им: идите по всему миру, и проповедуйте Евангелие всей твари». И в Евангелии от Иоанна (3:5) сказал Он Никодиму: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в царствие Божие». И святой Иоанн Креститель (Ин. 1: 26,27)

говорил об этом святом крещении, когда сказал: «Я крещу в воде, но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете, Он-то, идущий за мною, но Который стал впереди меня; я недостоин развязать ремень у обуви Его». И в Деяниях апостолов (1:5) Иисус Христос говорит: «Ибо Иоанн крестил водою, а вы чрез несколько дней после сего будете крещены Духом Святым». Это святое крещение, получаемое посредством наложения рук, было установлено самим Иисусом Христом; так говорит об этом святой Лука; и святой Марк тоже говорит об этом, когда пишет, что друзья его станут делать так же: «Возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16:18). И Анания дал таковое крещение святому Павлу, когда тот обратился. А потом Павел и Варнава делали так во многих местах. Святой Петр и святой Иоанн дали святое крещение самарянам. Святой Лука так говорит об этом в Деяниях Апостолов (8: 14–17): «Находившиеся в Иерусалиме Апостолы, услышавши, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна, которые, пришедши, помолились о них, и они приняли Духа Святого, ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса. Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святого». Таковое святое крещение, при коем даруется Святой Дух, Церковь Божья сохранила со времен апостолов до наших дней, и оно до сих пор переходит от одних добрых людей к другим, и так будет до скончания веков. Также знать Вам надо, что власть дана Церкви Божьей связывать и развязывать, и прощать грехи, и оставлять их, как сказано об этом в Евангелии от Иоанна (20: 21–23): «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся». И в Евангелии от Матфея (16: 18–19) говорит Господь Симону Петру: «И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата Ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; а что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». В другом месте (Мт. 18, 18–20) также говорит Он Своим ученикам: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе. Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы не попросили, то будет им от Отца Моего Небесного. Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». А еще в другом месте говорит Он: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте» (Мт.10:8). И в Евангелии от Марка (16:17,18) говорит Христос: «Уверовавших же будут сопровождать эти знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы». И в Евангелии от Луки говорит Он: (10:19): «Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов, и на всю силу вражию, и ничто не повредит вам». А Вы, если хотите получить таковую власть и таковую силу, должны соблюдать все заповеди Христа и Нового Завета, приложив для этого все свои силы. И знайте, что заповедал Господь человеку не совершать ни прелюбодеяния, ни убийства, ни лжи, не давать клятв, не красть и не брать чужого, и не делать другому того, чего не хотел бы, чтобы сделали ему самому, и прощать того, кто причинил ему зло, и любить врагов своих, и молиться за хулителей своих и благословлять их, и если его ударят по одной щеке, подставить другую щеку, и если отнимут у него рубашку, отдать весь плащ, и не судить, и не осуждать, *,и* многие другие заповеди, которые дал Господь Своей Церкви. И должны Вы презреть этот мир, и дела его, и все, что принадлежит миру. Святой Иоанн говорит в своем Первом Послании (2: 15–17): «Не любите ни мира, ни того, что есть в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что есть в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек». И Иисус Христос говорит разным народам: «Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что я свидетельствую о том, что дела его злы». (Ин. 7:7). И в книге царя Соломона написано: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа!» (Ек. 1:14). И Иуда, брат Иакова, говорит нам в Послании своем, дабы мы знали: «Гнушайтесь

даже одеждою, которая осквернена плотию» (Иуд. 23). Многие примеры мы привели, и можно привести еще множество, а потому надобно Вам исполнять заповеди Господни и не любить этот мир. И если Вы станете соблюдать все, что я говорю Вам, мы можем надеяться, что душа Ваша обретет вечную жизнь». На это неофит должен ответить: «Да, на то моя воля, молите за меня Господа, чтобы Он дал мне Свою силу». Затем добрый человек, который представляет неофита, совершает melihorier перед Старшим и говорит: «Parcite nobis. Добрые христиане, просим вас во имя любви к Господу даровать Добро, полученное от Него, нашему другу, присутствующему здесь». Затем верующий совершает melihorier и говорит: «Parcite nobis. За все грехи, кои я мог сотворить, или сказать, или помыслить, или совершить, я прошу прощения у Бога, у всех вас и у Церкви». И тогда христиане должны ответить: «От имени Бога, и нашего, и Церкви, пусть грехи будут Вам прощены, а мы станем молить Бога, чтобы простил их Вам». Затем они долж-ны дать ему духовное крещение. Старший должен взять Книгу и возложить ее неофиту на голову, а другие добрые люди должны возложить на Евангелие правые руки и произнести Parcias, трижды Adoremus и затем сказать: «Pater sancte, susciper servum tuum in tua iusticia et mite gratiam tuam e spiritum sanctum tuum super eum (Отче Святый, прими слугу Своего в справедливости Своей и ниспошли на него благодать Твою и Духа Святого)». Затем все обращаются к Господу с молитвою, а тот, кто руководит обрядом, шепотом шестикратно читает Pater noster (sezena). А когда sezena будет прочитана, все должны трижды произнести Adoremus, gratia и parcias. Далее все должны совершить обряд примирения друг с другом (поцелуй мира) и с Евангелием (поцеловать Евангелйе). Этот же обряд совершают и простые верующие, если они присутствуют, а если среди них есть женщины, то и они также обмениваются «поцелуем мира» друг с другом и целуют Евангелие. И затем все христиане опять обращаются к Господу, дважды повторив Святое Слово (dobla) и совершают veniae (коленопреклонение и поклон). И неофит уже может молиться вместе с ними».

Ритуал духовного крещения, между прочим, выдержан в лучших традициях апостольской катакомбной церкви! Это своего рода передача Святого Духа от тех, кто уже приобщен, тому, кто только начинает духовный путь. Откуда это у катаров? И не забывайте, где они живут. Духовное крещение — это наследие иудейской древности, принесенное переселенцами, имевшими в предках жрецов Иерусалимского храма. Кстати, к иному пониманию христианства приходили не только на юге Франции. В 1210 году случился скандал в Парижском университете (ох, правы были короли и папы: университеты — они всегда рассадники ереси и вольнодумства!). Современный французский историк Ашиль Люшер передает этот инцидент так: «В 1210 г. Парижский университет пережил один из самых серьезных кризисов. То, чего опасались подозрительные умы и противники научного прогресса, произошло. Под сенью монастыря Богоматери в университет постепенно просочилась ересь. Магистр искусств, ставший теологом, Амальрик Венский, или Шартрский, открыто поучал, что каждый христианин есть частица Христа, а следовательно — часть Божества, и доходил до крайности в своем пантеизме. Теологи, верные ортодоксальному учению, взволновались. Амальрик, подвергшийся нападкам и осужденный всеми своими коллегами, по требованию университета, пожаловавшегося в Рим, вынужден был поехать объясняться с папой. Иннокентий III, услыхав изложение его доктрины и противного мнения, которого придерживались посланники университета, в свою очередь осудил еретика. Последний возвращается в Париж, и там перед собравшимся университетом его принуждают отречься. Заболев от огорчения и унижения, он вскоре умер, внешне примирившись с Церковью. Но его идеи пережили его самого. Пантеизм Амальрика Шартрского, распространяемый и развиваемый его учениками, положил начало новой религии, религии Святого Духа. Ветхий Завет был вытеснен Новым; но и время последнего миновало, и начинается воцарение Духа. Поскольку каждый христианин есть воплощение Святого Духа, частица Бога, таинства становятся не нужны, ибо достаточно милости Святого Духа, чтобы

спасти весь мир. У этой доктрины, зародившейся в университетских теологических штудиях, были свои апостолы и мученики — университетские преподаватели. Ловкий маневр епископа Парижского и канцлера Филиппа Августа, брата Герена, привел к разоблачению этих сект. В них почти все были магистрами, студентами теологии, дьяконами или священниками. Одному из них, Давиду Динанскому, составившему учебник доктрины, удалось вовремя бежать. Другие же были схвачены и предстали перед судом на Парижском соборе под председательством Пьера де Корбея, архиепископа Санского. У нас есть текст постановления, вынесенного собором 1210 г. Было решено вырыть и выбросить с церковного кладбища тело магистра Амальрика, основоположника ереси, а память о нем уничтожить во всех приходах провинции. Из задержанных сектантов одни будут отрешены от должности и переданы в руки светских властей, двенадцать из них сожгут 20 декабря на равнине Шампо, прочие будут осуждены на пожизненное заточение. Пощадили только женщин и простолюдинов — убогие души, виновные лишь в том, что попали под влияние теологов. Наказание распространилось и на книги. Записки магистра Давида Динанского были публично сожжены. От инцидента пострадал даже Аристотель — в школах университета было запрещено под страхом отлучения изучать его естественную философию и комментарии к ней Аверроэса. Наконец, собор постановил считать еретиками всех, у кого обнаружат «Символ веры» и «Отче наш» в переводе на французский язык».

Если уж за столь малое прегрешение пострадали парижские теологи, то ересь катаров считалась гораздо более серьезной провинностью. Так что катаров сразу отправляли на костер. Но что для гонителей казалось «уроком страха», преподанным населению: чего оно может ожидать в результате инакомыслия, — то для самих катаров смерть от гонителя вызывала совсем иные чувства.

Катары, сожженные в Кёльне в 1163 году, произвели на всех глубокое впечатление тем радостным мужеством, с которым они встретили ужасную смерть. Когда они были уже в предсмертной агонии, то их глава Арнольд, по словам очевидцев, уже наполовину обгоревший, освободил руку и, протянув ее к своим ученикам, с невероятной кротостью сказал им: «Будьте тверды в вере вашей. Сегодня будете вы со святым Лаврентием». Среди этих еретиков была одна девушка поразительной красоты, возбудившая жалость даже у палачей; ее сняли с пылающего костра и обещали выдать замуж или поместить в монастырь; она сделала вид, что принимает предложение, и спокойно стояла, пока все ее товарищи не умерли мученической смертью; тогда она попросила своих сторожей показать ей прах «совратителя душ». Они указали ей тело Арнольда; тогда она вырвалась из их рук и, накрыв лицо платьем, бросилась на догоравшие останки своего учителя, чтобы вместе с ним сойти в преисподнюю.

А еретики, открытые в это же время в Оксфорде, решительно отказались покаяться, повторяя слова Спасителя: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Осужденные на медленную и позорную смерть, они, предшествуемые своим вождем Герардом, весело шли к месту казни и громко пели: «Будьте благословенны, ибо люди гонят вас».

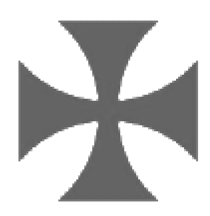
Во время крестового похода против альбигойцев, когда был взят замок Минервы, крестоносцы предложили своим пленным на выбор — отречение или костер; нашлось до 180 человек, которые предпочли смерть, по поводу чего монах, повествующий об этом, замечает: «Без сомнения, все эти мученики диавола перешли из временного огня в огнь вечный». Один хорошо осведомленный инквизитор XIV века говорит, что катары, если они не отдавались добровольно в руки инквизиции, всегда были готовы умереть за свою веру, в противоположность вальденсам, которые ради сохранения жизни не останавливались перед притворным отречением от ереси. Католические писатели изо всех сил стараются уверить нас, что непоколебимая твердость в убеждениях у этих несчастных не имела ничего общего с твердостью христианских мучеников, но была просто ожесточением сердца, внушенным

Сатаной; Фридрих II ставит катарам в вину их упорство, так как благодаря ему наказание, наложенное на виновных, не устрашало других».

Такая же жертвенность и аскетичность была свойственна и еврейским ессеям. Так что, прочитав гностические тексты «начала времен» (то есть первых веков новой эры), рыцари, конечно, не могли не заметить сходства. Вероятно, выходцы с юга, многие из них воспринимали катарскую ересь как правильное христианство, а «папское христианство» — как искаженное учение (а чего, собственно, ждать от вавилонской блудницы?). Мы, конечно, никогда ответа ка это вопрос не получим, но с тамплиерами явно было что-то не так — вера их была иной верой. И вполне вероятно, они надеялись ста^ь реформаторами церкви, максимально приблизиться к имеющим в ней власть, кого-то убедить, кого-то подкупить, но вернуть религию в правильное русло.

И недаром тамплиеры приняли французский вариант устава как раз в то время, когда католическая церковь отлучала новых и новых еретиков своими законодательными актами. Так что получалось: церковь отлучает, тамплиеры принимают к себе.

Вот поэтому-то и не удивительно, что когда церковь провела первую акцию, положившую начало инквизиции в Европе, поход против катаров и альбигойцев (так называемые альбигойские войны), тамплиеры отказались выделить рыцарей для участия в нем.

Огнем и мечом

Нет, не к такому искоренению еретиков призывал Бернар Клервоский! Он все же имел в виду турок, а не своих же братьев-христиан. Недаром, ознакомившись некогда с учением катаров, он сделал однозначный вывод: побольше было бы таких людей с чистым сердцем и глубокой верой! На фоне общего безобразия катары выглядели просто ангелами. К Римской церкви и особенно к немыслимой роскоши соборов он тоже относился с большой неприязнью, считая, что не гигантские храмы с лепниной и позолотой, а чистая вера определяет близость к богу, и в одном из своих сочинений ол говорит открыто: «Вместо того, чтобы украшать себя позолотой, церковь лучше бы прикрыла наготу своих бедняков: ведь деньги, растрачиваемые на храмы, украдены у несчастных». В Нарбонне, где власть папы была ничтожной, епископ Беренгарий

Второй, по словам самого папы Иннокентия Третьего, «не знал иного Бога, кроме денег, а вместо сердца имел кошелек». Вполне понятно, что искренность и простота катаров импонировали Бернару гораздо больше, чем помпезность и официоз современной ему церкви. Но Бернар к тому времени уже умер, успев, однако, сказать пару нелицеприятных слов о Втором крестовом походе. Об этом вспоминает его биограф Готфрид: «При этом кстати будет поместить здесь собственные слова Бернара, которые он писал в том же году (1153, в котором Бернар и умер. — *Авт.)* одному знаменитому рыцарю ордена Храма, своему дяде, бывшему в то время только на службе, а ныне Великому магистру воинства Храма (тамплиеров): «Горе нашим князьям, — говорил он, — они не сделали ничего хорошего в

Господней земле, и в своих землях, куда они поспешно возвратились, обнаружили непреодолимую злобу, не умея сострадать бедствиям Иосифа. Однако я надеюсь, что Господь не отвергнет свой народ и не оставит своего наследия. Но что я говорю! Десница Божья будет силой того народа и рука его доставит ему помощь, дабы все познали, что лучше возлагать надежды на Всевышнего, чем на сильных земли»». Правда, Бернару и в голову бы не пришло собирать рыцарей-крестоносцев против богатых южных земель Франции.

Между тем, церковь, весьма обеспокоенная увеличением еретиков на юге, призвала крестоносцев навсегда задушить очаг свободомыслия. Что ж это был за поход? Стоит посмотреть, на какую часть Франции он был ориентирован, — Лангедок и Прованс, главный город — Тулуза. В начале XIII века это было удивительное место. Если остальная часть Европы благодаря церкви пребывала во тьме, то тут расцветали науки, рождались литература и музыка. Именно в Лангедоке, а не в Италии, вспыхнула и погасла звезда эпохи Возрождения. Тут были школы, где обучали математике и астрономии, философии и медицине. Тут рождалась идея платонической любви и творили трубадуры. Тут воедино сплавлялось иудейское и арабское знание с античным наследством. Здешние города управлялись по римскому праву, как в золотом веке Римской империи. Города тут все примечательные — Нарбониа, Авиньон, Монпелье, Безье. Язык, на котором здесь говорили, назывался Лангедок — язык всей Южной Франции, который был уничтожен после похода, потому что умерли те, кто на нем говорил. И тут абсолютно торжествовали катары. Настолько, что в 1167 году в Тулузе прошел съезд альбигойцев, приехал болгарский епископ-еретик Никита и был создан устав новой веры для всей южной Франции! Каким-то невероятным образом идея другого Бога и идея процветающей земли соединились, порождая свободомыслие, чего больше нигде вокруг не существовало.

Вот в этот средневековый земной рай и отправил крестоносное войско римский папа в союзе с французским королем. Но сначала папа отправил в эту землю обетованную, смущающую его тем, что церкви пустуют, а прихожане отсутствуют, своего посланника Пьера де Кастельно, монаха-цистерианца, который не обладал ни терпением, ни сдержанностью, ни умом, ни навыками дипломатии при сложных диспутах с инакомыслящими. Над посланником катары откровенно смеялись, а когда он в отчаянии обратился к местным феодалам, чтобы послать рыцарей для искоренения ереси, те попросту ему отказали. Осознав, что и феодалы туг катары, взбешенный посланник возвратился в Рим, пообещав напоследок графу Тулузы, что «тот, кто лишит вас ваших владений, сделает благое дело, а убивший вас будет благословен». Но до Рима легат не доехал: его нашли окровавленным и мертвым.

Эта смерть папского легата и послужила поводом для альбигойского похода крестоносцев. Ибо по городам и селам севера Франции на протяжении всего 1208 года ходят папские агитаторы с вскинутой на древко как знамя окровавленной рубахой почившего легата. Они рассказывают о нехорошем юге и вербуют рыцарей в войско. Этим всадникам придется убивать не сарацин, не иудеев, а своих же французов. Крестоносцы дают обет сорок дней, не щадя своей жизни, искоренять огнем и мечом ересь в Тулузском графстве и всей Южной Франции. Огромное войско готовится в поход. А летом 1209 года, понимая, что эти люди могут сделать с его страной, тулузский граф Раймонд Шестой отдается на милость папы. Его раздевают до пояса и с веревкой на шее ведут к собору в Сен-Жиле, нещадно хлеща розгами. После чего, наказанный за поддержку ереси, он подписывает акт о передаче графства под власть церкви. Если таким образом он думал спасти свой народ от уничтожения — не получилось. Еще через полгода граф нашивает на свою одежду орденский крест и вступает в ряды тех самых крестоносцев, которые идут убивать его подданных. Если он думал так смягчить сердца христова воинства — тоже не получилось. Его поступок пугает и поражает всех сторонников. А армия, под командованием Симона де Монфора, состоящая из конницы, пеших воинов и просто босых и свирепых людей, вооруженных одними ножами, между тем подходит к первому на ее пути городу в долине Роны — Безье.

Симон де Монфор был известен своим жестким и неколебимым нравом. Упоминая его, Ашиль Люшер пишет следующее: «Один из военных товарищей Симона де Монфора, рыцарь Фуко, даже возмущался жестокостям, творимым воинами. Всякий пленник, не имевший средств заплатить сто су за свой выкуп, был обречен на смерть. Его бросали в подземелье и оставляли погибать от голода. Иногда Симон де Монфор повелевал притаскивать их полумертвых и бросал на глазах у всех в выгребную яму. Рассказывают, что из одной из своих последних экспедиций он возвратился с двумя пленными, отцом и сыном. Он заставил отца собственными руками повесить сына». Пожалуй, достаточно было знать особенности графа, чтобы понять, как этот изверг станет поступать с завоеванными городами.

Епископ Безье пытается вести переговоры с войском, но условия сдачи города — выдать всех катаров — для него неприемлемы. За гордым отказом следует недолгая осада и штурм. Город Безье остается за спиной крестоносцев. В нем не осталось ни единого выжившего — ни старика, ни женщины, ни ребенка. Тридцать тысяч человек… Именно в этом городе папский легат Арнот Амори, аббат Сито произнес оставшуюся в веках фразу. Когда его спросили, не стоит ли пощадить невиновных, тот сказал: «Убивайте всех, Господь распознает своих!»

Следующий на очереди Каркассон. Это мощная крепость с двойным кольцом стен и тридцатью шестью башнями. В крепости укрылся от воинов Христа виконт Раймонд Роже граф Транкавиль — владелец этой земли. Это совсем еще юный рыцарь, но под его командованием город две недели выдерживает постоянные атаки. И только когда в крепости кончается вода (а стоит жаркий месяц август, и стены плавятся от зноя), защитники сдаются. Сам он вскоре умирает в тюрьме от дизентерии (любезный Монфор запер его как еретика в родовом каркассонском замке). А города Безье и Каркассон передают в собственность Симона де Монфора — просто больше никто из рыцарей крестоносного войска не согласился стать владельцем этих земель при живом четырехлетием наследнике графа. Да и сорок дней, отведенных на альбигойский поход, завершились. Войско покидает границы графства, но тут остается Монфор. Вместе с 26 рыцарями он продолжает войну с еретиками.

1210 год, июль. Монфор осаждает и захватывает Минерву. Сожжены 150 катаров. Об этом сохранились записи средневекового хрониста:

«Аббат приказал, чтобы сеньор укрепленного замка и все, кто находился внутри, даже посвященные еретики, если они желают примириться с Церковью и отдать себя в ее руки, вышли наружу и оставили замок на попечение графа; даже «совершенные» члены секты, число которых было весьма велико, могли выйти, если они согласны были обратиться в католическую веру. При этих словах один благородный рыцарь из ревностных католиков, по имени Робер Мовуазен, узнав, что еретики, ради чьей погибели и пришли сюда паломники, могут быть отпущены, и опасаясь, как бы страх не заставил их выполнить то, что от них требовали наши — ведь они были уже пленниками, — принялся возражать аббату. Он сказал, что наши ни в коем случае не последуют за ним, на что аббат ответил: «Ни о чем не беспокойтесь, я думаю, что очень немногие обратятся». После того как это было сказано, наши, неся впереди процессии крест, а позади — знамя графа, вошли в город с пением Te Deum Laudamus и направились к церкви; освятив ее по католическому обряду, они воздвигли на ее вершине крест Господа, а в другом месте подняли знамя графа: ведь это Христом был взят город, и по справедливости его символ должно было установить на самом высоком месте, в ознаменование победы христианской веры. Граф же еще не вошел в город.

Свершив это, почтенный аббат де Воде-Серне, бывший вместе с графом во главе осаждавших и с великим рвением служивший делу Иисуса Христа, узнав, что в одном из домов собралось множество еретиков, направился туда со словами мира и спасения и с желанием обратить их к добру; те, однако, оборвали обращенную к ним речь, вскричав как один человек: «Что вы нам проповедуете? Мы не принимаем вашей веры. Мы не признаем Римской Церкви. Ваши старания напрасны. Мы верны братству, от которого нас не отторгнет ни жизнь, ни смерть». Услышав это, досточтимый аббат тотчас покинул этот дом и пошел к

женщинам, собравшимся в другом жилище, дабы обратиться к ним со словом проповеди. Но как ни были тверды и упрямы в своем заблуждении еретики-мужчины, он нашел женщин еще более упрямыми и еще глубже погрязшими в ереси. Затем в укрепленный город вошел наш граф и, как добрый католик, желающий, чтобы каждый получил спасение и приобщился к знанию, истины, он пошел туда, где были собраны еретики, и принялся уговаривать их обратиться в католическую веру; но поскольку не последовало никакого ответа, он приказал вывести их за укрепления; там было сто сорок еретиков в сане «совершенных», если не больше. Был разведен большой костер, и их всех в него побросали; нашим не было даже необходимости их туда бросать, ибо, закоренелые в своей ереси, они сами в него бросались. Лишь три женщины избегли огня, спасенные одной благородной дамой, матерью Бушара де Марли, которая вернула их в лоно Церкви».

1210 год, август. Крепость Терм. Четыре месяца осады, защитники не сдались. Погибли от болезней и голода.

1211 год, май. Замок Лавор. В нем укрылись рыцари-катары. Два месяца осады. 80 рыцарей повешены и заколоты кинжалами. 400 жителей сожжены. Мать защитника крепости Аймерика де Монреаля, совершенная Бланка де Лорак, брошена в колодец и забита камнями.

1213 год, январь. Монфор и посланник папы римского Армаури подходят к Тулузскому графству. И тут случается невероятное. Свояк Раймонда Шестого, арагонский король Педро Второй, сначала пытавшийся объяснить папе, что крестовый поход, которым идут его воины, — это поход против христиан в христианской стране, и не нашедший понимания, переходит Пиренеи и с цветом испанского рыцарства присоединяется к Раймонду Шестому. Момент очень удачный: враг Монфор заперт, в Кастельнодари. Перевес сил у совместного испано-французского войска в битве при Мюре большой. Беда только, что во время боя испанский король погибает, а его рыцари, не связанные клятвой, оставляют тулузского графа наедине со своей судьбой.

В этом же 1213 году граф-каратель де Монфор впервые в средневековой французской истории проводит некую акцию, дабы показать истинное соотношение сил — феодалов и церкви. «В тот момент, во время праздника св. Иоанна, — рассказывает Люшер, — он находится в Кастельнодари с двумя епископами — Орлеанским и Осерским. Монфор просит епископа Орлеанского: не будет ли тому угодно даровать его сыну рыцарское достоинство, опоясав его мечом. Епископ долго отказывается от этого, говорит хронист Петр из Во де Серне: он знал, что это значит пойти против обычая, и что обычно только обладатель рыцарского достоинства мог посвящать кого-либо в рыцари. Тем не менее, под конец он согласился, покоренный настойчивостью графа и его друзей. Стояла сильная жара. Симон де Монфор повелел поставить просторные шатры на равнине за городом, слишком маленьким, чтобы вместить множество присутствовавших на церемонии. В назначенный день епископ Орлеанский отслужил мессу в шатре. Молодой Амори, которого держит за одну руку отец, а за другую — мать, походит к алтарю; его родители обращаются к Господу и просят епископа посвятить рыцаря служению Христу. Тотчас же два прелата, стоя на коленях перед алтарем, опоясывают Амори мечом и начинают с великой набожностью петь гимн «Veni Creator». Хронист добавляет знаменательные слова: «Что за новая и необычная манера даровать рыцарство! Кто бы мог удержать слезы?» Этот обряд, возможно, не был таким необычным, как думал Петр из Во де Серне, ибо в одном ритуале римской церкви, записанном в начале XI в., уже присутствуют формулы епископской молитвы при посвящении в рыцари. Однако сами выражения хрониста хорошо доказывают, что во Франции посвящение епископом было не в обычае. Симон де Монфор ввел новшество: он положил начало чисто церковной традиции, приглашая Церковь завладеть рыцарством и сделать из него род священства. Весьма возможно, что подобный пример, поданный героем крестового похода против альбигойцев, подтолкнул великое множество благочестивейших семей воспользоваться таким способом». Зачем бы это ему? О, все просто. В это время, далеко от осажденной Тулузы,

решается будущее южных земель. Поскольку Раймонд Шестой считается еретиком, то Святой престол озабочен лишением его и его потомства права на собственность. Однако, хоть Монфор и показывает всеми своими действиями небывалую верноподданность, с мятежным Раймондом у него выходит осечка. Этот вопрос, весьма щекотливый, приходится решать папе Иннокентию Третьему. Как пишет Люшер, «папа, прежде чем ответить прелатам, требующйм от него лишить наследства графа Тулузского в пользу Монфоров, просит подождать минуту: «Бароны, — говорит он, — подождите, пожалуйста, пока я обращусь за советом». Он открывает книгу и при помощи гадания узнает, что графа Тулузского ждет не самая плохая участь. И он старается защитить его дело перед враждебно настроенным собранием». Книга, которая вопрос о Тулузе несколько приостановила, была Библия. Наисвятейшие отцы, не видя ничего еретического в подобном занятии, пытались заглянуть в будущее при помощи библиомантии!

1215 год, июнь. Тулуза. Монфор берет ее через полтора года без единого убитого со своей стороны. Латернский собор объявил Симона де Монфора графом Тулузским, Граф Раймонд Шестой с сыном вынужден искать убежища в Англии. Но проходит недолгий срок, и Тулуза восстает, а спустя еще какое-то время погибает граф де Монфор. Смерть его, как поговаривали втайне, была похожа на вмешательство Всевышнего. Во всяком случае, именно таковой виделась эта смерть несчастным его современникам. Во время осады города одно из ядер, заложенных в нутро собственной пушки войска Монфора, неожиданно попадает не в неприятеля, а, слегка подлетев, падает точно на стоящего неподалеку Монфора. После того как ядро оттащили, предстала неприятная картина: голова Монфора превратилась в сплошное кровавое месиво. Но — несмотря на все это — Тулуза снова была взята…

Правда, на этом альбигойские войны не завершаются. Они длятся еще 30 лет. За это время убито около миллиона жителей южной Франции, земля лежит в руинах и пожарищах. Но ни один рыцарь-тамплиер не выступил на стороне папы.

Земли Тренкавиля, Тулузского графа и их вассалов Амори де Монфор в 1226 году передал французскому королю, который давно мечтал прибрать к рукам этот прекрасный и плодоносный край. Вот таким вот способом и оказался бедный Лангедок включенным в границы французского королевства. С 1226 по 1229 год шла ожесточенная война, особенно сопротивлялись чужому королю Лиму и Кабарет. Но тулузский граф Раймонд Седьмой войну проиграл. В Париже он вынужден был подписать мирный договор и передать свои владения ненавистным французам. Как пишет Анн Бреннон, «военно-политические последствия войны оказались очень тяжелыми: династия Тренкавилей была уничтожена, один королевский сенешаль управлял регионом Каркассон-Безье, а второй — Беакур-Ним, местностью, ранее принадлежавшей графам Тулузским. Раймонд VII Тулузский обязался собственными руками уничтожать ересь, срыть укрепленные замки и передать свое графство единственной дочери Жанне, которая была замужем за капетингским принцем. А представители тех феодальных династий, которые были скомпрометированы ересью, лишились своих владений и имущества, превратившись в фаидитов». К этому времени прекрасный Лангедок больше напоминал выжженную пустыню. «Не без ужаса аббат монастыря св. Женевьевы, — сообщает Люшер, — рассказывает своим монахам о перипетиях путешествия из Парижа в Тулузу, о «долгой дороге, об опасностях переправы через реки, об угрозе воров и наемников, арагонцев и басков». Он держал путь через разоренные и пустынные равнины, и перед его глазами вставало лишь зрелище скорби и мрачные картины сожженных деревень, дома в руинах. Полуобвалившиеся стены церквей, разрушенных чуть ли не до основания, человеческое жилище, ставшее логовом диких зверей. «Я заклинаю моих братьев, — пишет в заключение путешественник, — молить за меня Бога и блаженную Деву. Ежели они сочтут меня достойным, пусть окажут мне милость добраться до Парижа здоровым и невредимым».

Результатом альбигойских войн стало рождение инквизиции. Появились законы о еретиках, появилась опасность попасть под подозрение в сочувствии еретикам. Появились

тулузские постановления по борьбе с альбигойской ересью. Вот некоторые пункты из этого давнего документа:

«В каждом приходе епископы назначают священника и трех мирян (или же больше, ежели возникнет необходимость) с безупречной репутацией, которые обязуются неутомимо и неусыпно выискивать живущих в приходе еретиков. Они будут тщательно обыскивать подозрительные дома, комнаты, подвалы и даже самые сокровенные тайники. Обнаружив еретиков или же лиц, оказывающих таковым поддержку, предоставляющих жилье либо опеку, они обязаны предпринять необходимые меры, дабы не допустить бегства подозреваемых, и одновременно как можно скорей оповестить епископа, сеньора или его представителя».

«Сеньоры обязаны старательно выискивать еретиков в городах, домах и лесах, где оные встречаются, и уничтожать их укрытия».

«Тот, кто позволит еретику пребывать на своей земле — будь то за деньги или по какой другой причине, — навсегда утратит свою землю и будет покаран сеньором в зависимости от степени вины».

«Равно покаран будет и тот, на чьей земле часто встречаются еретики, даже если это происходит без его ведома, а лишь вследствие нерадивости».

«Дом, в котором обнаружат еретика, будет разрушен, а земля конфискована».

«Представитель сеньора, ежели он усердно не обыскивает места, на которые пало подозрение, что в них обитают еретики, утратит свою должность без всякого возмещения».

«Каждый может искать еретиков на землях своего соседа… Также король Франции может преследовать еретиков на землях графа Тулузского, и наоборот».

«Скрытый еретик, который сам отойдет от ереси, не может оставаться жить в том же самом городе или селении, если места эти почитаются пораженными ересью. Он переселяются в местность, которая известна как католическая. Обращенные эти будут носить на одежде два креста — один с правой, другой с левой стороны — иного цвета, нежели одежда. Им не дозволяется отправлять общественные должности и заключать правовые акты вплоть до восстановления в правах, полученного из рук папы или его легата, после соответствующего наказания».

«Еретик, желающий вернуться в католическую общину не по убеждению, а из страха смерти либо по какой другой причине, будет заключен епископом в тюрьму, дабы отбыть там наказание (со всеми мерами предосторожности, дабы он не смог склонить других к ереси)».

«Все совершеннолетние прихожане обязуются под присягой епископу блюсти католическую веру и всеми доступными им средствами выискивать еретиков. Присяга возобновляется каждые два года».

«Подозреваемый в ереси не может быть врачом. Когда больной получит от священника Святое причастие, следует старательно стеречь его и не допускать, чтобы к нему приблизился еретик либо подозреваемый в ереси, поскольку подобные визиты влекут за собой печальные последствия».

Спустя десятилетие после тулузских постановлений Григорий Девятый и Иннокентий Четвертый издадут эдикт об отлучении еретиков от церкви и две буллы, которыми предоставят Ордену доминиканцев (Псов Господних) арестовывать и судить еретиков. Опорным пунктом инквизиции станет лангедокский Каркассон, туда в 1233 году были направлены доминиканские «следователи» и «судьи». Очень скоро доминиканский монах-инквизитор Давид разработает наставление, по каким признакам можно выявить еретика:

«ПЕРВОЕ. Те, которые тайно навещают их, когда они содержатся в тюрьме, и перешептываются с ними, и снабжают их пищей, берутся на подозрение как последователи их и соучастники.

ВТОРОЕ. Те, которые сильно плачутся о задержании их или смерти, были, очевидно, особые их друзья при жизни; ибо быть долго в дружбе с еретиком и не видеть его ереси едва ли вероятно.

ТРЕТЬЕ. Если кто распространяет слух, что те несправедливо осуждены, тогда как на самом деле они были явно уличены или даже сами сознались в ереси, тот, очевидно, одобряет их учение и допускает ошибку церкви, их осудившей.

ЧЕТВЕРТОЕ. Если кто станет со скорбным лицом смотреть на преследователей еретиков и на успешных их обличителей, так что при желании можно подметить это по глазам, носу и по выражению лица, и не сможет глядеть им прямо в глаза, тот берется нарочито на подозрение, что он питает ненависть к тем, кто огорчил его сердце, настолько, что это отражается даже на лице, и, значит, любит тех, о гибели коих столь скорбит.

ПЯТОЕ. Если кто-либо попадется в том, что тайно собирает ночью, как реликвии, кости сожженных еретиков, — ибо они, несомненно, почитают святыми тех, чьи кости собирают, как святыню, то такие лица — еретики, как и те. Эти признаки дают значительное право заподозрить их в ереси, хотя еще и не вполне достаточны для осуждения, если не присоединяются другие доказательства, из которых совершенно явствует, что они совершали все это во славу ереси. И если будут такие, которые сумеют и захотят мудро проследить их и с благословения епископа прикинутся сторонниками и друзьями еретиков и сумеют поговорить с ними осторожно, без лжи, и которые не внушают опасения, что они заразятся от них, — такие могли бы проникать во все их тайны, узнавать обычаи и речи, устанавливать личное-ти еретиков и их сторонников, выслеживать их притоны и сходбища и отчетливо замечать и записывать все, чем отдельные лица могут быть уличены в ереси, выведывать также, когда присутствуют их учителя или когда они собираются вместе, с тем, чтобы своевременно указывать это и многое другое инквизиторам и давать их схватить и выступать по закону свидетелями против них, что много поможет церкви в искоренении еретической мерзости…

Кормят еретика впроголодь, так чтобы страх совсем его ослабил, и не допускают к нему никого из его товарищей, чтобы тот не крепил его и не научил хитро отвечать и никого не выдавать; и вообще никого к нему не пускать, только изредка двух надежных и испытанных людей, которые осторожно, как бы сочувствуя, станут увещевать его избавиться от смерти и чистосердечно сознаться, в чем и как согрешил, и пообещают ему, что сделав это, он может избегнуть сожжения. Ибо страх смерти и жажда жизни смягчают сердца, ничем иным не смягчаемые.

Говорить же надо вкрадчиво: не бойся и спокойно сознайся, если ты, быть может, считая их за добрых людей, которые учат тому-то и тому-то, доверился им, охотно слушал их, поддерживал их из своего имущества, порой принимал их в своем доме и даже исповедовался у них, делая это по простоте своей и из любви к ним, считая их добрыми и ничего дурного про них не зная; а обмануться в этом ведь могут люди значительно помудрее тебя.

Если после этого он начнет поддаваться, размякать и захочет кое-что сказать, что он иногда от подобных учителей в укромных местах слышал о Евангелии, Посланиях или тому подобном, то тут же, по горячим следам, спросить его, учили ли эти учителя тому-то и тому-то, а именно, что чистилищного огня нет, что молитвы за умерших не помогают, что дурной священник, сам погрязший во грехе, не может и другим отпустить грехи, и вообще о таинствах церкви. А потом осторожно выспросить, считает ли он сам учение их хорошим и истинным; если да, то уже сознался в исповедании ереси… Если же ты прямо спросишь его, верит ли он сам всему вышеуказанному, он отвечать не будет, боясь, что ты хочешь изловить его и обвинить в еретичестве, почему и следует ловить его осторожно, иным путем, как я сказал; ибо хитрую лису надо ловить лисьей же хитростью».

Альбигойские войны будут тянуться практически до первых десятилетий XIV века. Воевать родные города станут дети тех феодалов, у которых их владения были отняты в Первом альбигойском походе. Останутся и незавоеванные крепости, такие как Монсегюр — последняя крепость катаров. Во главе защитников стоял комендант крепости Пьер-Роже де Мирпуа, родственник Раймонда де Перейля, ему подчинялось около полусотни солдат гарнизона и с десяток рыцарей. Остальное население крепости было катарами — около двухсот мужчин и женщин, Добрые Люди, совершенные. В мае 1242 года Тулузский граф, мечтавший вернуть назад родные земли, подговорил защитников Монсегюра сделать несколько вылазок, чтобы уничтожить инквизиторов, находившихся тогда в Авиньоне (эти судьи для ускорения процедуры уничтожения еретиков перемещались из города в город, как цыганский табор). И вот из Монсегюра спустились ночью около пятидесяти человек — рыцари, оруженосцы и осужденные за неявку в инквизиционный трибунал фаидиты, Имена некоторых известны — Гийом де Лахиль, Брезильяк де Каильявель, Жордан дю Ма, Арно-Роже де Мирпуа и его оруженосец Альзю де Массабрак, Жирод и Раймонд де Рабат, Гайглард и Бернар де Конгост. В лесу Гайя де Сельве они соединялись с воинами Пьера де Мазероля. Ночью с 27 на 28 мая 1242 года эти отважные мстители ворвались в дом. Где остановились доминиканец Гийом-Арно и францисканец Этьен де Сент-Тьибери со своей свитой. Инквизиторов убили, а все их бумаги сожгли. Этот поступок воодушевил людей, многие готовы были сражаться с врагами. Но граф не рассчитал соотношение сил. Его временные союзники испугались конфронтации с папой и королем, английский король, двоюродный брат графа Раймонда, и граф де ла Марш были разбиты в Аквитании, они бросили Тулузского графа на произвол судьбы. Графу ничего не оставалось, как снова молить короля о пощаде. Слабый он был человек, что тут скажешь. Не герой. И защитники Монсегюра оказались один на один с хорошо организованным королевским войском. А графу Тулузскому пришлось сделать вид, что он берет Монсегюр в кольцо осады. Он ничем не мог помочь защитникам, пытался только тянуть время. Но всем было ясно, что это конец.

«Два войска незримо стояли тогда друг против друга, — пишет Жак Мадоль, — с одной стороны — инквизиторы и их подручные, с другой — еретики, укрывшиеся в крепости Монсегюр. Этот замок зависел от графов де Фуа и располагался на крутой скале, охваченной кольцом гор: позиция, делавшая его если не совсем неприступным, то, по крайней мере, трудным для захвата. Атака с ходу была почти невозможна, равно как и полное окружение такой большой горы. Поэтому королевское войско в 1234 г. не осмелилось его осадить. Замок принадлежал сестре графа де Фуа, знаменитой Эсклармонде, которая сама была «облаченной» еретичкой и смело предоставила его в качестве убежища всем своим братьям и сестрам. Возвращаясь из своих опасных и изнурительных поездок по стране, растоптанной слугами инквизиции, Добрые Мужи и Жены находили в Монсегюре спокойное и тихое пристанище. И пока держался Монсегюр, дело катаров не было окончательно проиграно. После смерти Гилабера де Кастра, одной из самых великих личностей среди катарского духовенства, судьбами своей гонимой церкви с высот крепости стал руководить епископ Бертран Марти. Тут он принимал посланцев со всех частей Европы. Он поддерживал тесные связи с укрывшимися в Ломбардии, так как Добрые Люди и верующие обрели в Северной Италии край, где могли свободнее исповедовать свою веру, и именно туда во множестве они и отправлялись. Монсегюр не был ни городом, ни даже поселением: этот странный замок представлялся тогда святым ковчегом, недоступным бурям, победно возвышавшимся над бушующими волнами. Он походил на духовное царство, куда в минуты самой тяжкой тоски и отчаяния обращались взоры южан. Несокрушимая, невзирая на унижение своего сеньора, Тулуза да Монсегюр — вот и все, что оставалось у попранного народа».

Сначала падет Тулуза, потом — Монсегюр. Его смогут взять только после двенадцатимесячной осады в 1244 году.

«Совершенные» не имели права брать в руки оружие, они просто готовились к смерти. Замок защищали горожане и рыцари, и они держались до последнего. Когда стало ясно, что конец неизбежен, несколько «совершенных» со священными предметами спустились ночью на веревках с высоких замковых стен. Что они успели спрятать от крестоносцев — не ведает никто. По некоторым сведениям, сокровище катаров было помещено в тайные пещеры, по другим — передано друзьям и защитникам-тамплиерам. 16 марта 1244 года 257 защитников Монсегюра погибли на костре. Огненную смерть приняли на этом костре и епископы катарской церкви — Бертран Марти и Раймонд Агульер. Вместе с ними на костер взошли и те, кто принял Огненное крещение Святым Духом за несколько дней до сдачи крепости Монсегюр — рыцари, их жены, сестры, дети. Имена некоторых известны — госпожа Корба, жена сеньора Раймонда де Перейль, Эсклармонда, одна из ее младших дочерей, рыцари Гийом де Лахиль, Раймонд де Марсейль, Брезильяк де Каильявель. Самым страшным грехом катары считали трусость, и тот, кто прошел однажды Огненное крещение, не имел права отрекаться от своей веры, то есть он не мог избежать пылающего костра. Этот экзамен, последний в их жизни, они выдержали с честью — все до единого. На костер инквизиции они шли с улыбками. И дымом поднялись к своему богу.

Но даже и на этом катарский процесс не подошел к концу. Пока жив хоть один катар, говорили сами катары, вера наша не умрет. Последний катар умер, а точнее, был казнен, уже после гибели Ордена. Когда одного жителя графства Фуа привели в 1320 году на суд инквизиции и спросили, сам ли он додумался до ереси или кто его научил, тот честно ответил: «Никто, я сам додумался до этого, размышляя над этой жизнью. Потому что, когда я смотрю на то, что происходит в мире, и особенно, когда я смотрю на вас, я понимаю, что Бог не мог всего этого создать».

Последнего окситанского «совершенного» звали Гийом Белибаст, он родился около 1280 года в богатой крестьянской семье. Селение, в котором прошло его детство, славилось тем, что туда иногда забредали «совершенные», которые знали лично прославленных катарских учителей — Пьера Отье и Филиппа д'Алайрака. Старшие братья Гийома прятали этих посланников истинной церкви и провожали их в безопасные укрытия. Однако сам Гийом в катарскую тайную церковь пришел вынужденно: он недавно женился, у него родился ребенок, и в порыве ссоры ему случилось убить человека. Естественно, было возбуждено уголовное дело, Белибаста лишили имущества и он стал бояться, что следующим лишением окажется его жизнь, поэтому, недолго думая, он сбежал в одно из тайных укрытий, к «совершенным». Там ему разъяснили греховность таких поступков и в качестве искупления предложили пройти крещение, то есть влиться в ряды «совершенных». Поскольку это было куда лучше, чем петля палача, Белибаст прошел катарское крещение. Но новому «совершенному» не повезло, вместе с тем, кто его крестил, он угодил в лапы инквизиции. Правда, из заключения удалось бежать. Но оказавшись в Испании, Белибаст наотрез отказался возвращаться в опасную Францию, чтобы нести свет истины. Он предпочел изгнание, даже имя сменил. Теперь его звали Пьер Пенченье. Он жил в Морелле и делал ткацкие гребни, а иногда нанимался на сезонные работы. В Валенсии, где находится Морелла, была община катаров. С этими людьми Белибаст свел знакомство, стал проповедовать, но «совершенной» жизнью не жил: он, чтобы не вызывать подозрение, поселился у вдовы с ребенком, и так получилось, что она стала его любовницей и даже родила ему сына, а ведь он давал обет безбрачия. И это его сильно смущало. Чтобы «учителя» не подставлять, на этой прекрасной вдове фиктивно женился его друг, но тут Белибастом овладела ревность, и он отношения разорвал. Проповеди, которые Белибаст произносил, были простыми, в чем-то похожими на те, что он слышал в далеком детстве. «Враг Бога, Сатана, — объяснял он, — создал тела людей и заключил в них их души… Эти души, одетые в свои плащи, то есть тела, пытаются спастись, напуганные преходящестью своей жизни. И как только такая душа покидает тело, например, где-нибудь в Валенсии, она

немедленно попадает в другое тело, скажем, в графстве Фуа, и так далее. И когда души оглядываются на пройденный ими путь, они видят, что их наказание, которое они уже понесли, это всего лишь три капли из бесконечного океана страданий. Напуганные своим осуждением, они пытаются выскользнуть через первую же щель, которую видят перед собой, и таким образом попадают в тела зародышей животных и входят в новую жизнь: собаки, кролика, лошади, или какого-то иного животного, или же могут вновь попасть в утробу женщины. И это зависит, сколько человек сделал в своей предыдущей жизни зла — если много, он попадает в утробу грубого животного, если не очень — в утробу женщины. И таким образом души меняют одно одеяние плоти на другое, пока они не получают воистину благое тело, то есть тело мужчины или женщины, устремленных к добру (то есть верующих катаров). И в этом теле они имеют возможность спастись, ибо, если они выйдут из этого доброго тела, то вернутся прямо к нашему Отцу небесному». В общину катаров внедрился тем временем предатель по имени Арно Сикре, тайный агент инквизиторов, он-то и донес на проповедника. Белибаста взяли по дороге в родимый Лангедок, в графстве Фуа, куда он шел в надежде увидеть родные лица, а главное — найти еще одного «совершенного», покаяться и пройти повторное крещение или reconsolatio. Была весна 1321 года. Белибаста и доносчика сковали одной цепью и посадили в замковую башню. Глядя в незарешеченное окно, он уговаривал своего предателя броситься вниз на мощеный двор и выпустить душу на свободу, но тот умирать не желал. Через несколько дней, когда все данные подтвердились, Арно расковали и выпустили, а Белибаста продержали до осени в тюрьме, а потом сожгли во дворе замка Виллеруж-Термене, резиденции архиепископа Нарбонны. И хотя этот последний катар не совершил ничего великого, только сумел мужественно умереть, о нем сложили множество песен и легенд. Ведь после его гибели мало-помалу умирает и вера катаров. Так считают ученые. Но — погибает ли?

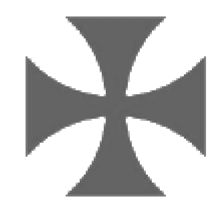
Тамплиеры, которые не приняли участия в войне против катаров и тем самым проявили нелояльность к Святому Престолу, еще не знали, что очень скоро им это припомнят. Не после ли Лангедока появились особые таинства в Ордене и особый тайный Великий магистр, имя которого старательно вычеркивали потом… или старательно оберегали? Ронселин или Ронселениус де Фо (а).. Ронселен де Фо (а), автор многих нововведений в Ордене, создатель так называемого «Огненного крещения» (сохранился даже документ, в котором записано следующее: «Здесь начинается Книга Огненного Крещения, или Секретный Устав, составленный для утешившихся братьев магистром Ронселенусом» — иными словами, существовал кроме обычного еще и Секретный Устав, существовали кроме стандартных и «странные», «не христианские» обряды). Именно при нем стали принимать в Орден сестер — и все это были «сестры» с юга Франции. Помните пункт Устава об отлученных рыцарях? Все эти отлученные рыцари с катарских земель оказались в Ордене, то есть стали недосягаемыми для инквизиции. Так, значит, тамплиеры были катарами? Нет же! Не стоит все упрощать. Думается, что бедные рыцари Храма Соломонова испытали два очень сильных и в чем-то похожих влияния — так сказать, «почвенное», то есть катарское, и «чужеродное», или восточное, поскольку жили и воевали они не в вакууме, а в реальном мире, где жили реальные люди, которые — каждый по своему — верили в бога.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СТРАШНЫЕ ТАЙНЫ ТАМПЛИЕРОВ

Прекрасные мечты

И все-таки вернемся в начало нашей истории, то есть к тому моменту, когда первый высокопоставленный синьор обращается к Гуго де Пейну, дабы тот принял его в свое тайное братство. Все бы хорошо, если бы не разница в весовых категориях. Де Пейн, владеющий какой-то деревенькой в Шампани, и синьор, владеющий множеством таких деревенек. Синьор, которому де Пейн принес оммаж — клятву верности. Да и по возрасту они немного не соответствуют, граф Шампанский постарше будет. Личность де Пейна настолько необычна? Вполне вероятно: мужественный и отчаянный человек. Но, извините, вассал…

А теперь представьте себе такое кино. Некто Петр Степанович владеет крупной коммерческой фирмой, а Вася Пупкин у него служит охранником. И вот как-то охранник Вася Пупкин, отчаянный малый, берет бессрочный отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам и валит в Палестину, ну, не в Палестину, так в деревню Дядькино. Проходит энное количество времени, за которое Вася успевает добавить к семейным обстоятельствам женитьбу со всеми вытекающими, а Петр Степанович наш успевает перессориться с совладельцами фирмы, ближайшими родственниками, машет на прошлое рукой и тоже валит в Па… простите, в деревню Дядькино, где, как донесла Сигуранца, наш Вася со товарищи что-то активно копает и даже что-то учредил, будучи в бессрочном отпуске по семейным обстоятельствам. И вот картина маслом. В один прекрасный день означенный начальник является к Васе со всей помпой, то есть свитой, валится в богато изукрашенном платье на колени и молит: прими меня, Васенька, в свое окаянное братство, хочу быть рядом с тобой, ненаглядный. Вася, в сей прекрасный момент восседающий на грязном камне и сам тоже давно немытый и воняющий как сто чертей, утирает пот со лба, выдыхает перегарный выхлоп (вы бы тоже пили, если пришлось бы долбить каменную стенку) и допрашивает лежащего в грязи начальничка: а по своей ли воле ты, батюшка, пожаловал и решил оставить бренный мир? Готов ли ты служить мне, Петя, честно и неподкупно? Ну, и далее в том же духе, пока всю подноготную господина П. С. не вынет. Смеетесь?

А ведь, возвращаясь к нашим первым братьям, все примерно так и могло происходить. Если бы не одно, нет, простите несколько вариантов одного «но». Либо у де Пейна имелся на своего синьора некий компромат, и тот вынужден был связать себя клятвой верности, чтобы хуже не вышло; либо он был заинтересован в общем деле настолько, что все сословные

различия ничего больше не значили; либо между ними была родственная связь; либо была тайна, которая их связывала крепче, чем социальные отношения, и по характеру тайны значение де Пейна было выше, чем значение Шампанского графа; либо и граф выполнял чье-то высочайшее указание.

Впрочем, если бы один только граф напросился в Орден, куда бы ни шло, бывают же сумасшедшие синьоры-мазохисты, мечтающие не подчинять, а подчиняться, но ведь в орден сразу после образования его пошел поток рыцарей из самых лучших фамилий, и многие из них были куда выше по сословной лестнице, чем сам де Пейн. Следовательно, стоит задуматься, что могло этих господ толкнуть на такой шаг. И первое, что в голову приходит: родственные связи. Да, именно они ценились тогда выше титула, поскольку титул можно отнять, как и земли, а кровь — это кровь. Очень многие историки предполагают, что между графами Шампанскими и де Пейнами было, действительно, кровное родство. Кроме того, он удачно женился на племяннице своего приятеля Сент-Омера, девице Сент-Клер.

А южные синьоры, титулованные, они тут при чем? Тоже родство? Между южными рыцарями практически бесспорное, да и как вы только что видели по альбигойским войнам, на юге взаимоотношения были несколько иными, более свободными. Но тайна, должна же была существовать тайна, кроме кровных уз? Что связывало между собой Булонских герцогов, Шампанских графов, Пейнов, Сент-Клеров и Сент-Омбров, а также Андре де Монбара, которого называют одним из девяти первых рыцарей Храма, его племянника Бернара Клервоского и других заинтересованных лиц? Если учесть, что сам Пейн не слишком титулован, то остальные…

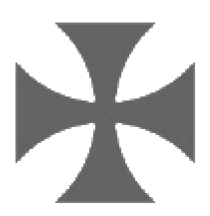
Между прочим, в период организации Ордена происходит еще одна странность. Молодой Бернар собирается идти в монахи, и сначала вся его семья, скорее всего включая и де Монбара, начинает этому решению противостоять… но проходит буквально полгода, и Бернару не только разрешают уйти от мирской жизни, нет, все интереснее, от этой мирской жизни уходят в монахи несколько десятков его родственников! И уж как хотите, но не верю я в силу убеждения, пусть это и Бернар Клервоский! Да и с его карьерой тоже все совсем не просто. Бернар уходит в монастырь и буквально через два года становится настоятелем аббатства Клерво, даже больше — это аббатство для него строит граф Шампанский. Что он просчитывает, почему идет на такой шаг — построить аббатство для конкретного человека? Причем — для очень молодого человека? Иные заслуженные монахи до поста Бернара «растут» десятилетиями, а тут — просто и быстро, точно по заказу создается новое аббатство для нового аббата. И не забывайте, что сам собор проходит в Труа — городе графов Шампанских. И какое решение может принять собор на земле графа и явно по наущению графа? Столько совпадений не бывает. А если это не совпадения — то план. И мы знаем, чем завершается видимая часть этого плана — созданием Ордена. Тут, между прочим, сами события идут нашим заинтересованным лицам на помощь: организуется Орден ио-аннитов, то есть госпитальеров. На основе созданного ими госпиталя в Святой земле. Тамплиеры, которые тоже в этой Святой земле пребывают в неорганизованном виде, уже не первый год занимаются раскопками. У них сложился дружный и надежный коллектив. Так что совсем не удивительно, что они регистрируют, так сказать, себя как юридическое лицо на соборе, который просто не может не утвердить этого решения (все под контролем)! А невидимая нами часть плана? Что предполагает она кроме поисков неких ценностей?

Может быть, при всей важности находок, есть какая-то иная причина? Думается мне, что причина эта скорее эсхатологическая. Все дело в том, что начало нового тысячелетия в Европе ожидали с трепетом и страхом, потому что по вычитанным в священных текстах предсказаниям получалось, что именно в канун тогдашнего миллениума должны произойти важные события, которые потрясут и изменят мир. Каждый это потрясение и перемены понимал по-своему. Самые истовые верующие ожидали конца света, отчего таким пышным цветом и расцветают вдруг еретические течения. Вроде бы все разногласия давно

похоронены и забыты, с IV века никого не сжигали на костре, однако именно в XI веке костры начинают работать куда исправнее. Это не инквизиция еще, но призрак костров Лангедока уже появился на церковном горизонте. Другие ждут не конца света, а явления Антихриста, который должен появиться за некоторое время до конца света. Поэтому из сундуков вытаскиваются забытые за ненадобностью тексты, которые помогут отличить настоящего мессию от поддельного.

Тут очень вовремя возникает турецкая угроза, и папа призывает всех дружно идти воевать против общего врага. Замечательная вещь — предсказания. Иногда они помогают в деле сплочения народов. (Или уничтожения других — тут медаль о двух сторонах.) А как там записано в Апокалипсисе, каков должен быть по виду тот воин, что принесет освобождение и повергнет змея, то есть Сатану, в прах? В белом плаще и на белом коне. «Не мир я вам принес, но меч», — говорил Иисус. Так же скажет и этот прекрасный европейский воин, который вернет былое величие угасающим на задворках Франции и Англии древним родам. Ведь по сути в жилах наших синьоров течет хорошая древняя кровь, но во Франции у власти — Капетинги, а весь юго-запад Франции и вовсе под английским королем. Наша тусовка устремляется в Святую землю, чтобы стать королями. Этого, может быть, не понимает Годфруа Булонский, но это понимают оба Балдуина, Шампанские графы и весь тот богатый и родовитый юг, который дружно присоединяется к бедным рыцарям Храма.

На самом деле то, что происходит во французских владениях, радовать их не может. Иное дело Аквитания или Лангедок. Те, кто облачается в белый плащ воина, мечтают о своем персональном рае. Сказано ведь, что после конца света будет новый мир и новые люди? Очевидно, им очень хочется быть этими новыми людьми. Если вы внимательно прочтете сочинения, которые оставил Бернард Клервоский, вы начнете понимать, какие страсти кипели вокруг этого светлого будущего! Сами представьте: отвоевать всю Малую Азию и Северную Африку, освободить полностью Испанию и Португалию, подтянуть к ним владения на юге Франции, и пусть Средиземное море станет нашим внутренним озером! Скорее всего, речь шла о создании мощного нового государства, а тамплиеры и стали бы теми «белыми всадниками», которые мечом добудут благую весть. Для того, чтобы все это из области мечты переселилось в реальность, требовалось немного: найти доказательства, что у них на такой передел мира имеется неотъемлемое право. Нет права — ты захватчик, есть — освободитель. И нужны были не только какие-то тексты (тексты — это очень хорошо, но мало), но и реликвии. Что могло быть реликвиями в нашем далеком тысячном году? Гроб Господен, святая кровь, обломки креста, того самого, чаша — то есть вещи вполне материальные, которые можно показать, как показывали в реликвариях головы святых, облицованные золотом и драгоценными камнями, или щепки от Ноева ковчега, спрятанные в дорогие ларцы… И нужен был пересмотр религии, поскольку с тем наследством, которое произрастало в Европе, никакого светлого будущего было не построить, только темное настоящее. И не случайно тамплиеры взяли своим девизом этот: Да здравствует Бог Святая Любовь! Они не были «совершенными», как век спустя смертники Лангедока, но они смотрели на мир ясным взглядом, и мир им не нравился. Вот все эти настроения вкупе и создали, скорее всего, удивительную ситуацию, когда синьор мог склонить голову перед вассалом и не устыдиться этого. И с такими чудесными ожиданиями все они в какой-то момент оказались на Востоке.

Запад есть Запад, Восток есть Восток

Жара, пыль, грязь, мухи, пески, постоянная жажда, бедуины, ненависть местных жителей, а не та любовь, которая, по обещанию Бернарда, должна была читаться на смуглых лицах. Вот то, что они обрели на Востоке. Но у них была светлая идея, цель, вера, и на оборотную сторону романтики они не роптали. Хотя сидеть на коне в полном рыцарском облачении под палящим солнцем Палестины — это намного хуже, чем сегодня на том же Востоке, но в танке. Если учесть, что бедные рыцари давали обет носить на теле козий или ягнячий мех, то даже вообразить сложно, что за муки они испытывали внутри металлического костюма. Пожалуй, алый крест, который при втором магистре им пожаловал папа, был заслуженным, а точнее назидательным — ничуть не хуже того, который, по легенде, тащил, обливаясь потом, Иисус Христос. Только крестный путь Иисуса был куда короче крестного пути тамплиеров. Их путь затянулся на два века.

Если в первые десятилетия они по наивности считали, что нет ничего проще войны на Востоке — нужно только разом все завоевать, то потом глаза на правду стали понемногу открываться. Даже завоеванное оказывалось довольно сложно удержать. И они стали присматриваться к тому миру, в который неожиданно попали. И не только найденные ими свитки помогали разобраться в этом новом мире, но и ежедневное общение с населяющими его людьми. Если прежде им казалось, что ислам — религия Сатаны, то теперь они видели этих «детей Сатаны» воочию, и невольно замечали те черты, которые считали привлекательными — мужество, выносливость, преданность друг другу. Они поняли, что если им суждено остаться в Святой земле, то жить здесь нужно, умело пользуясь дипломатией и стараясь обратить сердца магометан к плодотворному сотрудничеству. Если другие крестоносные воины не упускали случая поиздеваться над верой аборигенов, то тамплиеры такого себе не позволяли. Как ни странно, эти бедные рыцари Христовы оказались на редкость толерантными. Особенно преуспел во взаимоотношениях с сарацинами шестой Великий магистр — Бертран де Бланшфор. Он стремился максимально избегать кровопролития и наладил с местным населением нормальные отношения, его даже уважали, а в его лице и всех прочих храмовников. В чем-то понять иноверцев Бланшфору было проще — он был катаром. То есть его вера несколько отличалась от ортодоксальной. Вполне возможно, он был согласен с мусульманами, что Иисус не сын Божий, а всего лишь пророк — человек, убитый за веру в Бога другими людьми. Впрочем, и предшествовавшие ему Великие магистры относились к мусульманам вне поля боя с пониманием.

Характерен такой эпизод, произошедший еще при правлении Робера де Краона (до 1144 года), который описывает посол султана в Иерусалиме Усама ибн Мункид:

«Во время моего посещения Иерусалима я вошел в мечеть Аль-Аксар. Рядом находилась маленькая мечеть, которую франки обратили в церковь. Когда я вступил в мечеть Аль-Аксар, занятую тамплиерами, моими друзьями, они мне предоставили эту маленькую мечеть творить там мои молитвы. Однажды я вошёл туда и восславил Аллаха. Я был погружен в свою молитву, когда один из франков набросился на меня, схватил и повернул лицом к Востоку, говоря: «Вот как молятся». К нему кинулась толпа тамплиеров, схватила его самого и выгнала. Я вновь принялся молиться. Вырвавшись из-под их надзора, тот же человек вновь набросился на меня и обратил мой взор к Востоку, повторяя: «Вот как молятся!» Тамплиеры снова кинулись к нему и вышвырнули его, а потом извинились предо мной и сказали мне: «Это чужеземец, который на днях прибыл из страны франков. Он никогда не видел, чтобы кто-либо молился, не будучи обращен к Востоку». Я ответил: «Я достаточно помолился сегодня». Я вышел, дивясь, как искажено было лицо этого демона и какое впечатление на него произвел вид кого-то, молящегося в сторону Каабы».

Эпизод весьма любопытный и показывает братьев Ордена как вполне вменяемых и дипломатичных людей, хорошо понимающих обычаи мусульман.

Если учесть, что в тамплиерском воинстве было немало людей, имеющих либо родственников катаров, либо воспитанных в катарской вере (а это почти все, кто вырос в южной Франции — Лангедоке, Аквитании, Провансе), то это как раз понятно. Там толерантность закладывалась в детстве — пестрая разноязыкая толпа на улицах, много иудеев, избравших юг местом жительства, итальянцев из Ломбардии, пришедших с восточных земель греков, болгар, да и те же дети Аллаха, которые приезжали торговать в богатые прибрежные города. Там просто не поняли бы человека, посмевшего оскорбить чужой язык или чужую веру. Видимо, в этом плане тамплиерам оказалось проще найти контакт с исповедующими ислам. К тому же о южанах ходили всякие нехорошие слухи в самой темной Европе. Особую ненависть вызывали жители богатой Тулузы. Прислушаемся к тому, что о них рассказывали, но учтем, что это слова фанатичного врага катаров Петра Сернейского:

«Эта Тулуза, полностью погрузившись в обман, как говорят, с первых дней своего основания, редко или же вовсе никогда не была свободна от отвратительного поветрия этой еретической развращенности. Яд суеверного безбожия передавался от отцов к сыновьям из поколения в поколение. По этой причине, и в наказание за подобное зло, она, как справедливо говорят, испытала на себе много времени назад руку мщения и гибель населения до такой степени, что плуг бороздил открытые поля в самом центре города. Действительно, один из их наиболее прославленных королей, как я полагаю именуемый Аларихом, который затем правил в городе, испытал страшный позор, будучи повешенным на виселице перед воротами. Перепачканный останками древней тины, этот выводок Тулузы, «порождение ехидны», даже в наши дни не может быть оторван от корней своей порочности. Даже наоборот, при каждом случае он допускает возвращение еретической природы и природной своей ереси, выброшенных вилами достославного мщения, и жаждет последовать по стопам своих отцов, и отвергает порывание с прошлым. Как гроздь винограда принимает болезненный цвет от облика своего соседа, и на полях лишай одной овцы или чесотка одной овцы заражают целое стадо, так испытывающие влияние Тулузы из-за ее близости соседние города и села, в которых ересиархи пустили свои корни, были заражены самым поразительным и горестным образом: болезнь эта распространялась подобно размножающимся отросткам. Нобили земли Прованса почти поголовно стали защитниками и укрывателями еретиков; они заботливо взращивали их и защищали против Бога и Церкви. Мне представляется уместным описать ясно и кратко ереси и секты еретиков. В первую очередь следует узнать, что еретики утверждают наличие двух творцов, а именно: одного — невидимого мира, которого они называют благим Богом, и второго — творца видимого мира, или злого бога. Они приписывают Новый Завет благому Богу, Ветхий Завет — злому. Книги последнего они отвергают полностью, за исключением нескольких мест, которые обнаруживают нечто сходное с Новым Заветом и которые, исходя из такой оценки, заслуживают быть достойными внимания. Они объявляют, что автор Ветхого Завета был лжецом, когда говорил нашим прародителям: «Ибо в тот день, в который вкусишь от него, должен умереть». Но они не умерли, отведав плода, как он сказал (хотя в действительности, они оказались во власти печальных границ смерти немедленно после поедания запрещенных плодов). Они также называют его убийцей, потому что он сжег жителей Содома и Гоморры и разрушил наш мир во время потопа, и также потому, что он погубил Фараона и египтян в Чермном море. Они считают, что все патриархи Ветхого Завета были прокляты, и утверждают, что св. Иоанн Креститель был одним из величайших демонов. Эти еретики даже утверждают во время своих секретных встреч, что Христос, который родился в земном и видимом Вифлееме и был распят в Иерусалиме, был злым (т. е. Дьяволом), а Мария Магдалина была его наложницей и той самой женщиной, о связи с которой мы читаем в

Евангелии. Ибо благой Христос, говорят они, никогда не ел, не пил, не испускал видимого света и не был ничем из этого мира, за исключением пребывания в теле Павла, [да и то] в духовном смысле. Вот почему мы сказали «рожденный в земном и видимом Вифлееме», поскольку еретики признаются, что верят в существование другого, нового и невидимого мира, в котором, согласно некоторым из них, родился и был распят благой Христос. Эти еретики также учили, что добрый Бог имеет двух жен, Ооллу и Оолибу, от которых Он породил сыновей и дочерей. Были другие еретики, которые считали, что есть только один Творец, который имеет двух сыновей, Христа и дьявола. И эти также утверждали, что все созданные вещи были изначально благими, но из-за сосудов, о которых мы читаем в Апокалипсисе, все вещи были испорчены. Все эти [еретики], отродья Антихриста, первого порождения Сатаны, «злое семя, развратные дети», говорящие лицемерно ложь, обольщающие сердца невинных, развратили уже всю провинцию Нарбонну ядом своего вероломства. Они называют Римскую Церковь «вертепом разбойников» и той блудницей, о которой мы читаем в Апокалипсисе. Они держали за ничто таинства Церкви до такой степени, что публично проповедовали, будто вода святого крещения ничем не отличается от речной воды; что освященный хлеб наисвятейшего тела Христа ничем не отличается от обычного хлеба; исподволь нашептывали на ухо простому народу то богохульство, что тело Христа, даже если бы оно было столь же велико, сколь велики Альпы, давно бы уже было полностью поглощено причащающимися, которые отведали его; [утверждали], что конфирмация, последнее помазание й исповедь — это никудышные и глупые дела; и что святой брак — не что иное, как распутство, ибо никто, породивший сыновей или дочерей, не сможет обрести спасение. Они отрицали восстановление тел. Они измыслили некие неслыханные басни, утверждающие, что наши души являются душами ангельских духов, которые были изгнаны с небес из-за отступничества [по причине] гордыни и которые получили свои чистые тела в эфире. Эти души, вслед за успешным пребыванием в любых семи земных телах, вернутся назад в те тела, которые они покинули, как будто они таким образом исполнили епитимью».

Многое из сказанного — ложь, и катары не говорили таких глупостей, которые им приписал их ненавистник. Скорее всего, он слышал какие-то речи, но совершенно их не понял. Но как видите, мысль о том, что у Христа была возлюбленная жена, эта мысль в южной Франции не считалась крамольной, поскольку речь тут шла о Христе-пророке, а не о благом, то есть полностью лишенном материальности Боге. Эта мысль совсем рядом с исламским пониманием Христа только как пророка, такого же, как Мухаммед. Теперь становится яснее, что сарацины и европейцы могли найти общий язык. К тому же не стоит думать, что все рыцари были безграмотны и умели только махать мечом. Получившие хорошее образование богатые южные рыцари любили книги, они многое знали, а если и не знали — то очень быстро учились. К тому же на Востоке они встретили родственных себе людей — отважных, гордых, неколебимых, словом, таких же, как и они сами. Это были ассасины. Именно за особые отношения с ассасинами у тамплиеров возникали конфликты с Римом.

В самом исламе, так же как и в христианстве, постоянно возникали свои еретические течения. В Каире, например, получило распространение учение Дойяль-Доата, создавшего нечто вроде тайной организации с девятью степенями посвящения. По словам Ч. Геккертона, «Дойяль-Доат, или верховный проповедник и судья, разделял власть с государем. Собрания бывали в Каирской ложе, в которой было много книг и научных инструментов; наука была видимой целью, но настоящая цель была совсем другая. Курс учения разделялся на девять степеней. Первая старалась внушить ученику доверие к его учителю, который должен был разрешить все сомнения ученика. Для этой цели коварные вопросы показывали ученику нелепость буквального смысла Корана и тайные намеки давали понять, что под этой скорлупой скрывалось сладкое и питательное ядро; но инструкции

далее не шли, если ученик не обязывался страшными клятвами слепо верить и вполне повиноваться своему наставнику. Вторая степень учила признавать имамов, или руководителей, назначенных Господом, источниками всякого знания. Третья степень сообщала ученику число тех блаженных или священных имамов; и число их было мистическое — семь. Четвертая сообщала им, что Бог послал в мир семь законодателей и у каждого было семь помощников, называемых немыми, между тем как законодатели назывались говорящими. Пятая сообщала, что у каждого из этих помощников было двенадцать апостолов. Шестая сообщала адепту правила Корана, его учили, что все догматы религии должны быть подчинены правилам философии; ему также объясняли систему Платона и Аристотеля. Седьмая степень обнимала мистический пантеизм. Восьмая опять ставила перед учеником догматические правила мусульманского закона, оценивая их по справедливости. Девятая степень окончательно, как закономерный результат всех предыдущих, учила, что ничему не надо верить и что все законно». В горах Кавказа появился Закрытый Покрывалом Пророк — «Гакем-бен-Гашем носил золотую маску и учил тому, что Бог принял человеческую форму с того дня, как приказал ангелам обожать первого человека, и с этого самого дня божественная натура переходила от пророка к пророку и дошла до него; что после смерти злые люди превращаются в зверей, а добрые переходят к Богу, и он, считавший себя очень добрым, для того чтобы никаких следов его тела не нашлось и чтобы люди думали, что он, как Ромул, вознесся на небо, — бросился в колодезь, наполненный едким веществом, которое истребило его тело».

Из каирской школы Дойяль-Доата вышел и родоначальник ассасинов Старец горы, или Хасан ибн Саббах. Это был мужественный воин и мудрый учитель, но при султанском дворе он нажил очень много врагов, в результате однажды по наговору его решили отправить в ссылку, уже подготовили корабль, чтобы загрузить его туда, но, по легенде, «поднялась буря, все сочли себя погибшими. Но Хасан, приняв повелительный вид, воскликнул: «Господь обещал мне, что со мной не случится ничего дурного!» Вдруг буря утихла, матросы закричали: «Чудо!» и сделались последователями Хасана. Хасан прошел Персию, проповедуя и набирая прозелитов, и, захватив крепость Аламут, на границе Ирака, которую назвал Домом богатства, учредил там свое правление». Для тамплиеров Аламут не был никакой легендой. В этот Аламут они не однажды посылали свои посольства, и к ним в Святой город приходили посольства из Аламута. Сам Хасан был сложным человеком, с неукротимым нравом, своих подданных, собравшихся в Аламуте, он держал в железной руке. Аламут начинался как философская школа и закончил как школа убийц. Поселившись вдали от Каира и дворцовых интриг, Хасан сразу же ввел нововведения: из десяти степеней обучения оставил всего семь, переработал и учение ордена. «Первая степень, — говорит Ч. Гек-кертон, — предписывала наставнику внимательно наблюдать за характером кандидата, прежде чем принять его в орден. Вторая убеждала его приобрести доверие кандидата, льстя его наклонностям и страстям; третья — запутать его сомнениями и затруднениями, показывая нелепость Корана; четвертая — исторгнуть у него торжественную клятву верности и повиновения, с обещанием изложить его сомнения перед наставником; и пятая — показывать ему, что самые знаменитые люди в церкви и государстве принадлежали к тайному ордену. Шестая, называемая «утверждением», заставляла наставника экзаменовать прозелита по всему предшествовавшему курсу и утвердить его в нем. Седьмая, наконец, называемая «изложением аллегории», давала ключ к секте». В целом смысл учения был в том, чтобы не относиться к жизни, как к чему-то безмерно дорогому, быть верным, уметь умереть или убить, если этого требует Орден.

О том, как «соблазняли» ассасины простых мусульман и вербовали их в свои ряды, в одном из романов пишет Октавиан Стампос:

«Сначала в селении или в городе появлялся приятной наружности человек, напоминавший собой всеми уважаемых паломников в Мекку, и начинал прилежно вести

самый благочестивый образ жизни. При этом он старался не привлекать к себе взоров и сердец окружающих его людей. Разумеется, происходило совершенно обратное мнимым чаяниям мнимого хаджи, и вскоре люди начинали обращать к праведному пришельцу свои удивленные взоры и свои алчущие истины сердца.

Тогда начинался час следующего искушения, и если к рафези приходил человек образованный, то тайный посланник нечистого начинал вести с ним нескончаемые диспуты по поводу догматических трудностей веры, то и дело обескураживая собеседника странными вопросами вроде того, почему Богу потребовалось для создания мира целых шесть дней, хотя Ему не доставило бы труда произвести все потребное в мгновение ока. И если никакие каверзные вопросы и уловки не могли поколебать сердца и рассудка собеседника, а сам рафези убеждался, что человека не удастся отклонить в сторону, то он непременно выражал самое глубокое почтение перед познаниями и убеждениями искушаемого и, что называется, отходил от него прочь, стараясь более не вступать с ним ни в какие сношения. В противном случае, как только он замечал, что в душу собеседника посеяно смущение, он сразу высыпал новый короб самых неожиданных вопросов и намеков. И тогда, лишь только у сбитого с толку собеседника появлялась сладостная надежда, что судьба свела его с тайновидцем, который может приоткрыть ему исподнюю вселенной, так сразу искуситель шептал ему вкрадчивым голосом в оба уха, что так оно и есть, что волею Всемогущего Аллаха ему, как великому учителю небесных тайн, наконец послан достойный ученик».

Далее соблазненный тайной оказывался в Аламуте. «На первых ступенях лживого познания неофита убеждали, — пишет далее Стампос, — что Аллаху вовсе не угодно царствование ныне царствующих, а все первосвященники погрязли в самых страшных грехах и пороках и не могут обладать ни каплей Божественной благодати. В глазах неофита все это отчасти совпадало с видимой действительностью. При этом неофита заставляли благоговеть перед великой тайной истинного, но остающегося до поры неведомым и невидимым великого имама, единственного руководителя правоверных мусульман, который однажды придет во славе, дабы воссоздать царство Божественной справедливости.

На следующей ступени новообращенного окончательно запутывали в тайных значениях планет, камней, металлов и чисел. В этом дурмане рассудка его уже ничего не стоило убедить, что самая почитаемая книга мусульман — Коран — является не более чем собранием поговорок, которые следует понимать в любом подходящим для обстоятельств значении и перетолковывать в таком направлении, которое обеспечит успех в делах. Более того, и сам возможный успех становился в глазах еретиков самым верным свидетельством благосклонности Аллаха к сугубо личному пониманию его указаний, содержащихся в священном для мусульман писании.

Когда же обращенный, уже совершив много дел во славу невидимого имама, приближался к нему почти вплотную, ему открывали новую сокрушительную тайну: будто бы на небесах существуют два творца, причем один из них, почитающийся высшим, создал материальный мир для наслаждения второго, низшего, да и сам низший был создан желанием высшего. Дошедший до столь высокой ступени еретического знания адепт обычно к этому дню уже обладал известной властью и значительным имуществом в кругах своих собратьев. Его ум давно уже стал совершенно податлив к отрицанию всех ранее признанных догм, которые заведомо представлялись ему лишь неким мостом к последней истине.

Высшие предводители ереси убеждали его, что люди были и до Адама, что никакого воскресения мертвых, а тем более Страшного Суда и возмездия за содеянные грехи никогда не будет, а произойдет лишь механическое переустройство планет и небесных сфер, так что истинный посвященный достигнет рая и ангелоподобного вида, опираясь на свои собственные силы и волю имама, тем более что зависти и козней со стороны ангелов вовсе не стоит опасаться, поскольку на самом деле никаких ангелов в духовном мире тоже нет.

Наконец отступник, уже облеченный властью посылать на смерть неофитов низших степеней, вставал перед адскими вратами самой великой и потрясающей лжи, которую он теперь безо всякого колебания был готов принять за последнюю истину. Врата распахивались, и за ними неофит, ставший ныне иерархом, видел притягательную бездну. Вероятно, тут уж сам враг рода человеческого, являвшийся ему в образе невидимого имама, окончательно убеждал его, что на самом деле и Бога никакого тоже нет, а истинна лишь одна применимая к делу философия, единственно потребная для главной цели еретиков, а именно — утверждения своего непобедимого государства, в котором будут управлять ересиархи, а весь народ станет беспрекословно подчиняться им до такой степени самоотречения, что любой из подчиненных будет готов по мановению пальца своего господина броситься в самую глубокую пропасть».

По легенде, тайной были соблазнены и рыцари-тамплиеры: Старец Горы, назвавшись мистическим именем «пресвитера Иоанна» прислал Великому магистру г. дар золотую голову необычайно тонкой работы, взамен же просил взять на обучение девятерых юношей. Молодые люди на все вопросы о вере отвечали необычайно правильно, а в первом сражении показали такую смелость и. такое умение, что тамплиеры были ими очарованы. Они прослужили у рыцарей не один год, стали близкими товарищами, внедрились в Орден, исполняя все обеты, но понемногу они стали подтачивать веру изнутри. Они жили рядом с рыцарями и ждали сигнала, когда им потребуется исполнить свой долг, уничтожая незаметно тех, кто был слишком опасен для Аламута, и понемногу делая Орден менее и менее христианским. Это, естественно, легенда, но она многое говорит об истинном положении рыцарей на Востоке. Они, действительно, довольно спокойно относились в воинам Хасана, несмотря на то, что слухи про ассасинов ходили самые чудовищные. Рыцари, скорее всего, стремились их использовать. Хороший убийца, безоглядно жертвующий собственной шкурой, полезен. Сохранилось описание одного рыцарского визита в Аламут. В то время умершего от старости Хасана заменил преемник, но нравы в крепости остались теми же самыми. Как-то в Аламут заехал граф Шампанский, Генрих, он «должен был проезжать, — пишет Ч. Геккертон, — близ территории ассасинов; один из преемников Хасана пригласил его посетить крепость; это приглашение граф принял. Когда они осматривали башни, двое «верных» по знаку владыки поразили себя кинжалом в сердце и упали к ногам испуганного графа, между тем как хозяин хладнокровно заметил: «Скажите слово, и по моему знаку все они таким образом падут наземь». Султан прислал посланника уговорить мятежных ассасинов покориться. Владыка в присутствии посланника сказал одному верному: «Убей себя!» — и воин сделал это; а другому: «Спрыгни с этой башни!» — и тот бросился вниз. Потом, обратившись к посланнику, владыка сказал: «Семьдесят тысяч последователей повинуются мне точно таким же образом. Это мой ответ вашему господину». Единственное преувеличение в этом, вероятно, составляет число; некоторые исследователи полагают его не выше сорока тысяч, из которых многие не были «верными», а только искателями».

Верные и Искатели — это две категории учеников Аламута: «Первая, пренебрегая усталостью, опасностями и пытками, радостно отдавала жизнь, когда это заблагорассудится великому мастеру, требовавшему, чтобы она или защищала его, или исполняла его смертные приговоры. Когда жертва указывалась, верные, в белой тунике с красным кушаком, цвета невинности и крови, отправлялись исполнять данное поручение, не останавливаемые ни расстоянием, ни опасностью. Найдя человека, которого искали, они поджидали благоприятной минуты, чтобы убить его, и кинжалы их редко не попадали в цель».

Способ, которым такая верность достигалась, был прост: «Рассказывают, — сообщал Геккертои, — что, когда начальнику нужен был человек для исполнения особенно опасного предприятия, он прибегал к следующему приему. В одной персидской провинции, теперь называемой Сигистан, была знаменитая долина Мулеба, в которой находился дворец Аладина, другое название Владыки Горы. Эта долина была восхитительным местом и так

защищена высокими горами, кончавшимися отвесными утесами, что с них никто не мог сойти в долину, и все приступы были охраняемы сильными крепостями. В долине раскинулись самые роскошные сады, с павильонами, великолепно меблированными, и в них жили очаровательные женщины. Человека, которого Владыка выбирал для исполнения опасного подвига, сначала поили допьяна и в этом положении относили в долину, где оставляли бродить где хочет. Когда он настолько приходил в себя, что мог оценить прелестное местоположение и насладиться очарованиями сильфоподобных существ, он проводил все время в любовных наслаждениях, и его уверяли, что это Элизиум — рай; но прежде чем он утомлялся или пресыщался любовью и вином, его опять поили допьяна и в таком состоянии относили к нему домой. Когда требовались его услуги, Владыка опять посылал за ним и говорил ему, что он раз позволил ему насладиться раем, и если призванный исполнит его приказание, то может пользоваться этими наслаждениями всю жизнь. Обманутый, думая, что его господин имеет власть сделать это, был готов совершить преступление».

Интересно, но сами последователи Старца горы считали, что у них и тамплиеров очень похожее устройство орденов. По Октавиану Стампосу, организация ассасинов строилась так:

«Шах-аль-джабаль — а именно так звучит титул Хасана ибн ас-Саббаха — имеет у себя в подчинении троих дай-аль-кирбалей, то бишь, как я уже сказал, самых доверенных. Каждый из них в свою очередь распоряжается тремя своими доверенными, даями. Значит, даев всего девять. У каждого дая в подчинении по три рафика, а каждому рафику подчиняются по три фидаина. Каждый фидаин в своем распоряжении имеет по три ласика, и так далее. То есть каждый в этой системе руководит тремя подчиненными, а сам подчиняется одному начальнику. Только самый нижний чин не имеет подчиненных, и лишь сам шах-аль-джабаль Хасан никому не подчиняется. Наибольшее количество хасасинов — простые гундии, то есть солдаты. Их более сорока тысяч человек, а должно быть пятьдесят девять тысяч с небольшим… Когда их станет ровно столько, сколько нужно, и когда у каждого зульфикара будет в подчинении по три гундия, тогда появится еще более низкий чин, чем гундии, и каждый гундий начнет набирать себе свою тройку подчиненных. Всего зульфикаров девятнадцать тысяч шестьсот восемьдесят три человека, и число это неизменно, так же, как неизменно количество йамутов, коих шесть тысяч пятьсот шестьдесят один человек. Иамуты, в свою очередь, тоже разделены на тройки и подчиняются алфиям, которых неизменно две тысячи сто восемьдесят семь человек. Алфии, также в составе троек, повинуются урханам, и урханов — семьсот двадцать девять. Над урханами ласики. Их двести сорок три. Затем идут фидаины, которых восемьдесят один. Над ними — двадцать семь рафиков, над рафиками — девять даев, над даями — три дай-аль-кирбаля, а над последними, как вы уже знаете, сам шах-аль-джабаль Хасан….Каждый зульфикар сразу назначает себе из трех своих гундиев преемника, которому на шею вешается особый амулет в виде маленького меча, потому что слово «зульфикар» означает — «носящий меч», и получающий звание зульфикара приобретает право носить меч. Гундии же могут обладать лишь кинжалом. Как же происходит повышение в чине у хасасинов? Допустим, скончался один из двадцати семи рафиков. На его место назначается один из фидаинов, носивший амулет, обозначающий, что он один из трех остальных, подчиняющихся этому рафику, кандидат на его место. На место фидаина ставшего рафиком, назначается один из трех ласиков, бывших в его подчинении. И так далее. И эта система позволяет каждому гундию надеяться на то, что в далеком будущем он сможет стать шах-аль-джабалем, и поэтому почти все хасасины так преданно служат. Их жуткое сообщество представляет собой страшнейшую опасность для всего человечества.

— Каковы же их цели? — спросил стихотворец Гийом.

— Этого я вам, к сожалению, не могу сказать, — ответил Жискар.

— Вы боитесь нарушить клятву? — спросила Елена, вскинув бровь.

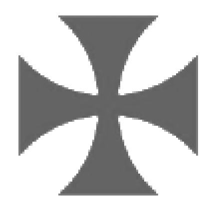
— Нет, — усмехнулся Жискар, — просто я не знаю этой их цели, ибо ее не знают ни зульфикары, ни йамуты, ни алфии. Возможно, и урханы не знают ее, и только дойдя до

звания ласика, хасасин начинает постепенно посвящаться в тайну. Фидаин получает больше знаний, рафик — еще больше. Думаю, что дай знают очень много, а дай-аль-кирбали почти все. Абсолютной же истиной владеет лишь шах-аль-джабаль, и ее он передаст перед своей смертью тому дай-аль-кирбалю, который его заменит».

Я не думаю, что сходство в устройстве орденов было столь уж большим. Разве что дисциплина в обоих орденах всегда была на высоте, да и цели нередко оказывались сходными. Еще в первое время существования Ордена Храма в Палестине тамплиеры вступали с ассасинами в сговор, так они хотели совместными усилиями захватить Дамаск и совершить обмен: королю Балдуину Второму доставался Дамаск, а ассасины получали Тир. Однако под Дамаском объединенная группировка войск получила сокрушительное поражение. У тамплиеров сложились с ассасинами взаимовыгодные связи. Впрочем, не только тамплиеры, но и многие высокопоставленные представители разных королевских домов Европы стали использовать этих невидимых убийц с большим удовольствием. И тонкий золотой кинжал ассасина оборвал не одну королевскую жизнь. В «заказе» Конрада Монферратского обвиняли современники Ричарда Львиное Сердце, причем некоторые считали, что Ричард собирался «заказать» и французского короля. Конрад Монферратский имел несчастье поссориться с очередным Старцем Горы, так что в жертвы он попал не случайно: обиды на Востоке не прощают. «Два ассасина, — пояснял Геккертон, — допустили крестить себя и, живя возле него, по-видимому, усердно молились; но когда представился благоприятный случай, они убили Конрада Монферратского, и один из них скрылся в церкви. Однако, услыхав, что Конрада унесли еще живого, оставшийся в живых ассасин опять добрался до него и нанес второй удар, и умер без малейшего ропота от утонченных пыток». Внимание на ассасинов обратил и Саладдин, который использовал их для проведения боевых операций.

Но если понятно, зачем ассасины тамплиерам, то зачем тамплиеры ассасинам?

А вот тут вопрос интересный. Конечно, если разбираться, следуя сугубо исторической канве, то обе стороны получали какие-то выгоды, недаром ходили слухи, что ассасины — вассалы тамплиеров. Как говорят, если так приятно думать, то почему бы и нет? Но скорее всего, все было сложнее: делая вид, что они приняли зависимость от Ордена, в Аламуте ждали удобного момента, чтобы полностью овладеть ситуацией и тогда избавиться от рыцарей. Но в то же время они так долго и успешно сотрудничали, несмотря на то, что систематически воевали друг против друга, что стали разговаривать на одном языке. Даже цвета одежд были у них сходными: белые плащи с алыми крестами у рыцарей и белые одеяния с алыми поясами у ассасинов, идущих на смерть. Интересно, но рыцари Храма были нужны рыцарям Горы для того же самого, зачем рыцарям Храма нужна была сама их Гора, на которой было выстроено их командорство. Они тоже считали себя наследниками Храма Соломонова. Правда, сама Гора, то есть развалины Храма, не достались ни рыцарям, которые в конце концов в 1291 году были выбиты со Святой земли, ни ассасинам, чью неприступную крепость Аламут взяли в 1256 году идущие с востока монголы. Но тесное общение всегда ведь приносит плоды? Поскольку афишировать отношения с самыми запрещенными и опасными соседями было нельзя, то вольно или невольно в Ордене появилась двойная бухгалтерия — иными словами, сложился внутренний круг.

Орден внутри Ордена

Итак, рыцарям не удалось построить рая, объединив земли вокруг Средиземного моря и создав процветающее и свободное государство. К концу тринадцатого века они оказались лишены даже того места в Иерусалиме, где родился их Орден. Им оставалась Европа — там было огромное количество командорств (не все тамплиеры воевали в Святой земле, многие жили дома), они не были подвластны никакому суду, кроме самого папы, но атмосфера на родине становилась все хуже и хуже. Командарство, где находился Великий магистр, располагалось подальше от церковной и королевской власти — на Кипре, который им пришлось делить с госпитальерами, а друг друга они не то что бы не любили, скорее — ненавидели. Прекрасный юг был выжжен и уничтожен. Многое изменилось и в мыслях тамплиеров. Так что совсем не удивительно, что в самом Ордене появился внутренний круг, то есть особо посвященные, владеющие особыми тайнами. Именно этот мозговой центр разрабатывал и военную стратегию, выказывая редкостное неповиновение и собственную волю. Они не только осмелились указать английскому королю Генриху Третьему, что править он будет, только пока будет справедлив, но и вступили в войну с французским королем на стороне Арагона, свергли неугодного им Иерусалимского короля Генриха Второго, не стали платить за обманувшего их надежды Людовика Святого, когда тот попал в плен, к тому же они вели свои войны с другими рыцарями-крестоносцами, досаждая госпитальерам — вечным противникам. Понятно, что для французских королей, которые считали их по глупости «своими» рыцарями, Орден стал занозой, и ее было желательно вырвать. Но время пока не подошло. А у самих тамплиеров образовалось государство в государстве. С виду все, как положено: избранный магистр, маршалы, сенешали, туркольеры, простые рыцари, сержанты, оруженосцы, монашествующая часть Ордена, а на деле…

Наделе все было сложнее. Мало того, что тамплиеры охотно принимали к себе всех рыцарей, имевших проблемы со светским законом — осужденных за прелюбодеяние или убийство, — они принимали к себе и отторгнутых церковью, объясняя это тем, что Орден способен сделать из грешника святого воина. Достаточно было одного: происхождения. Если ты рыцарского рода, то все грехи можно смыть. Худшим проступком было скрыть, что ты не рыцарь по рождению, будь ты смел как лев и доблестен, это бы нарушителя не спасло. Принимая новичка в Орден, Магистр говорил ему, что принимает не только его, но и всех его родных — мать, отца, братьев и сестер, а также всех потомков. Иными словами, вместе с рыцарем в Орден вступал весь его род, и в случае опасности или необходимости Орден мог вступиться за родных рыцаря, поскольку считалось, что теперь они тоже члены орденского братства. Иногда это было очень важно, поскольку с тамплиерами никто связываться не хотел, своих они никогда не бросали — ни в мирной жизни, ни на поле боя. Но что стояло за таким коллективным вступлением в Орден? Формирование широкого слоя знати. Этот слой готовили к управлению огромным государством. Этого государства при всем старании рыцари так и не смогли создать.

Но вот что интересно, при другом раскладе, если бы не было процесса 1307 года, у них даже с потерей Святой земли все еще могло получиться! И тогда все принятые в Орден семьи заняли бы в истории подобающее место.

Впрочем, простые рыцари Ордена и не догадывались о таких масштабных планах. Об этом знали только посвященные в тайну, то есть тот самый внутренний круг. Как во всякой большой организации (а численность тамплиерского воинства иногда достигала 30 000 человек), он просто обязан был существовать — и вероятно, с тайными посвящениями, отличающимися от обычных. С древности такие посвящения проводили в виде мистерий, и скорее всего, ознакомленные с подобными практиками тамплиеры приняли подобные

посвящения на вооружение. Ведь даже церковные обряды в то время (да и сегодня) — это видоизмененные мистерии, доставшиеся нам из такой ветхозаветной старины, что страшно и подумать. Вся религиозная ритуальность строится по аналогии с мистериями Вавилона, Шумера, Египта. Да и современные масонские посвящения идут все из того же священного источника. Так что вряд ли и тамплиеры в этом вопросе были оригиналами. У них были тексты, в которых аналогичные посвящения описывались и пояснялись. И один из возможных источников был ессейский.

У ессеев существовал обряд ритуальной смерти и ритуального возрождения, который проводили с уже подготовленным учеником. Вполне возможно, что и тамплиеры использовали точно такую же схему. Если катары практиковали консалемент, чтобы стать «совершенными», то есть чистыми, уничтожившими плотское начало, то и тамплиеры могли проходить обряд духовного возрождения. На практике такие мистериальные обряды малоприятны, поскольку человека проводят через какой-то страх или болевой шок (как шаманы, которых зашивают в шкуру медведя и предоставляют своей судьбе — выживет или не выживет). Тамплиеры не были садистами, но они вполне могли пользоваться жестокими методами.

В одном из романов Октавиан Стампос рисует такую сцену посвящения своего героя Жана в тамплиеры:

«Обряд его второго посвящения в тамплиеры сильно отличался от того незатейливого, простенького обряда, который совершил человек, выдающий себя за Андре де Монбара. Ровно в полночь, при ярком свете полной луны, озаряющем окрестности Жизора, вереница тамплиеров вышла из замка с большими зажженными свечами в руках и направилась в сторону вяза. Жан не мог насладиться этим величественным зрелищем, ибо его, как на носилках, несли на двух копьях, поперек коих были возложены мечи. Он лежал, с головой укрытый плащом, и тревожно размышлял, не собираются ли они совершить какое-нибудь жертвоприношение, в котором ему отведена роль жертвы. Ведь тот, мнимый или не мнимый, Андре де Монбар предупреждал его, что люди Тортюнуара связаны с ассасинами, а это самые страшные существа на всем белом свете. Но, с другой стороны, сердце подсказывало Жану, что он нужен им, и они затеяли всю эту пышную церемонию, чтобы только побольше привлечь его на свою сторону, пленить пылкое юношеское воображение красотой обряда.

Двигаясь по направлению к старому вязу, тамплиеры пели «Стабат Матер долороза». Допев до конца, принимались петь с начала. Их низкие голоса красиво звучали в ночи. Затем Жан почувствовал, как его возложили на землю, он услышал могучее шевеление листвы в громадной кроне вяза. Опустившись на колени вокруг Жана, тамплиеры стали молиться о его душе, якобы ушедшей из тела, но призванной вернуться назад. Это продолжалось так долго, что лежащий без движения Жан успел немного окоченеть — ночь была прохладной и над землей летал свежий ветерок. Наконец моление окончилось. Тут Жан почувствовал прикосновение острия меча к своей груди в области сердца и услышал голос Бертрана де Бланшфора:

— Ты был неподвижен, но ты восстанешь, ты был мертв, но ты воскреснешь, ты был глух, но ты услышишь, ты был слеп, но ты прозреешь, ты был нем, но ты заговоришь, ты был голоден, но ты насытишься, ты алкал, но ты утолишь жажду, ты был темен, но ты просветишься. Как только меч мой пронзит твое сердце, встань и ходи. Не нам, не нам, Господи, но имени Твоему! Босеан!

В следующий миг Жан почувствовал, как холодная сталь вошла в его сердце, но никакой боли не было. Вдруг стало тепло и легко, он встал на ноги, будто кто-то поднял его десницей, спущенной с неба. Плащ, укрывавший его, свалился. Жан открыл глаза и увидел тамплиеров, преклонивших пред ним колени. Только Бертран де Бланшфор стоял во весь рост и смотрел на Жана, и Жану показалось, что глаза его светятся в темноте каким-то фиолетовым светом. Приблизившись, Бертран наотмашь ударил Жана ладонью по щеке.

— Что ты должен сделать? — спросил он, и Жан догадался:

— Подставить другую?

И другая щека обожглась ударом ладони Великого магистра непризнанной ветви ордена. Рыданья матери раздались где-то в отдалении.

— Сынок! Что они сделали с тобой? Они убили тебя! — кричала Тереза.

— Забудь родителей своих и родственников своих, ибо враги человеку близкие его, — произнес Бертран де Бланшфор.

— Да, — кивнул Жан.

— Теперь поцелуй меня, — сказал магистр.

Двое тамплиеров поднялись с колен и, подойдя к своему господину, сняли с него блио. Бертран оказался в одних штанах-брэ и сапогах из мягкой колеи. На груди у него, прямо над левым сосцом, виднелся темно-красный шрам в виде равностороннего креста, и, указывая на этот крест-шрам, де Бланшфор уточнил:

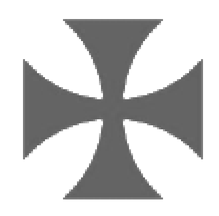
— Сюда.

Жан нетвердой походкой подступил вплотную к магистру и, чуть склонившись, поцеловал крест-шрам на его груди. В следующий миг боль пронзила его грудь и, теряя сознание, он рухнул, подхваченный сильными руками тамплиеров.

Он очнулся лишь к вечеру следующего дня. Рана на груди болела, но не так нестерпимо, как тогда, когда он потерял сознание после обряда посвящения в тамплиеры у вяза. Его приподняли в постели и стали снимать и него повязку, туго обхватывающую верхнюю часть груди. Под повязкой у него оказалась уже подсохшая припарка из пряно пахнувших трав, а когда и ее сияли, Жан увидел над левым сосцом у себя свежий рубец в виде равностороннего креста, точь-в-точь такой же, как у Бертрана де Бланшфора».

Кто и когда мог такие посвящения ввести — вопрос иной. Но случайные признания, что этим человеком был Великий магистр Ордена Ронселен де Фо, которого тем не менее нет в официальном списке магистров, говорит о том, что в Ордене была закрытая для непосвященных информация, и не все его члены знали тех, кого они называли «высшими братьями». Любопытно, но Кристоферу Найту и Роберту Ломасу удалось отыскать в Росслине странный барельеф: на коленях стоят два тамплиера (кресты на одежде явно об этом говорят), на лице у одного из них повязка, на шее — веревочная петля, правой рукой он держится за веревку, в левой руке у него книга. Второй находится за его спиной и как бы направляет его действия. Если бы барельеф не был выполнен одновременно с остальными (то есть около 1450 года), можно было бы решить, что перед нами типичное масонское посвящение. Однако… Какие масоны в XV веке? В Уставе тамплиеров ничего подобного не записано. Следовательно, должен был существовать другой Устав, с характером которого мы незнакомы. А если такой Устав был и в нем описана процедура такого посвящения, то у рыцарей был внутренний круг посвященных, и они бережно сохранили тайну. По словам допрошенного на процессе Этьена де Нерка, удостоиться второго посвящения можно было только спустя несколько лет и не все рыцари проходили такое второе посвящение. Рассказывают, что Людовику Святому донесли о некоторых странностях в отношении тамплиерского посвящения, он знал, что в Ордене проводят «еретические обряды», но в течение полувека так и не решился потребовать объяснений. Не решился, несмотря на то, что тамплиеры отказались выкупать его из плена!

Очевидно, тогда они еще нужны были французской короне… очень нужны…

Богатенький Буратино

Но к чему королю рыцари-еретики, ни во что не ставящие королевскую божественную жизнь? О, кроме внутренних тайн была у тамплиеров одна чудесная вещь, которую любят даже короли. Эта вещь — деньги; К XIV веку богатство тамплиеров было невероятным. Рыцари, можно сказать, владели королями Европы. Во всяком случае, они с удовольствием ссужали легкомысленных монархов золотом. И те весьма охотно брали у рыцарей в долг. Рыцари стали в Европе первыми банкирами, это они придумали систему векселей, делая путешествия людей легкими и безопасными: можно было в одном городе сдать храмовникам свой золотой запас, получить расписку, а добравшись до другого, нужного города, пойти в местное отделение тамплиерского «банка», то есть в обитель, чтобы получить при предъявлении этой расписки необходимую сумму. А поскольку таких обителей с годами становилось все больше и больше по всему средневековому миру, то и банковская тамплиерская система крепла. Вся страна Франция, а также (но в меньшей степени) Италия, Германия, Англия, Испания, Португалия, даже Польша, были покрыты сетью тамплиерских командорств, соединенных между собой тамплиерскими дорогами. В этих «перевалочных» пунктах можно было легко получить нужную сумму, приобрести товар, а неизрасходованный остаток или вырученные от торговли деньги снова сдать на хранение, взамен взяв расписку — первый в средневековье вексель на предъявителя. Конечно, за работу рыцари брали проценты. Но на эти проценты так сильно разбогатеть было, конечно, нельзя. И даже учитывая все пожертвования и доходы с земель — тоже. Европа в это время не была слишком богата, наличного золота и серебра было в ней не так уж и много. Откуда же к рыцарям текла денежная река?

Исследователи все больше склоняются к неожиданному предположению: рыцари добывали деньги «за морем». За каким морем? Явно, не за Средиземным. Оттуда золото вывезли в первые десятилетия создания Ордена, и даже если случались новые находки, вряд ли были они весьма значительными. Конечно, золото Сиона сослужило свою пользу, но Орден после 1240 года рос как на дрожжах. Поэтому и источник обогащения должен был иметься особый.

Тайну тамплиерского богатства приоткрывают очень странные находки. В бургонском городке Верелай есть тамплиерская церковь. Она была построена в XII веке и больше не перестраивалась. На фронтоне этой церкви есть странное изображение: мужчина, женщина и ребенок с необычными, шокирующими чертами. Мужчина одет в одежду из перьев и шлем, какой носят викинги. Женщина в длинной юбке, но грудь полностью открыта. Дикари? Да. Но у них есть характерная особенность — огромные, длинные мочки ушей. И у ребенка, и у женщины, и у мужчины. И вообще они весьма напоминают индейцев Америки. Нашли ученые и печати тамплиеров, которые захватил в 1307 году король Филипп Красивый во время своей акции по истреблению храмовников. На одной из них очень похожий мужчина в перьях. В руке у него лук, а под ногами — рисунок свастики. Настоящий вождь индейского племени Северной Америки. Позвольте, скажете вы, какая Америка? Церковь-то XII века! А Колумб… В

том-то все и дело, что Колумб — это уже самый конец XV века. Значит, тамплиеры?.. Вполне возможно…

Флот у рыцарей был лучшим в Европе. Они бороздили воды морей и океанов под своим веселым флагом с черепом и костями, который потом возьмут на вооружение пираты. Но рыцари были первыми, и флаг с таким устрашающим символом на самом деле изображал всего лишь святого Якова, которого, по легенде, убили, закопав в яму живьем. Но не во флаге дело, хотя и в нем тоже. Еще до оформления пиратской вольницы в морях нередко встречались корабли под таким устрашающим флагом. Это были отлично оснащенные и крепкие суда тамплиеров. На атлантическом берегу в устье реки Жиронды рыцари возвели крепость Ла-Рошель. Это была для того времени практически неприступная крепость. Во всяком случае, войскам французского короля взять ее не удавалось очень долго. Крепость была расположена в таком месте побережья, откуда было слишком далеко до Англии и слишком далеко до Португалии — основной маршрут океанических плаваний рыцарей. Так куда ж тогда вел водный путь из Ла-Рошели?

Забавно, но крепость располагалась так, что из нее удобнее всего было бы плыть на Запад. Но Запад… Да, средневековому миру эта дорога, как считаем мы, была неизвестна. А может быть, мы неправильно считаем? Среди некоторых документов тамплиеров, доставшихся историкам, были найдены страннейшие карты, на которых изображены обе Америки. Тамплиеры были прекрасные мореходы и отважные люди. Они могли и рискнуть. Иначе бы откуда в самом начале XV века (Колумб еще никуда не отплывал!), и снова в декоре храма, но уже другого — того самого, который использовал для своего романа Дэн Браун, храма тамплиеров в Росслине, некогда принадлежащего графам Сент-Клерам (в английский транскрипции — Синклерам), появились бы изображения растений алоэ и початков кукурузы?

Так же, как и странные люди, странные растения, неизвестные европейцам, на тамплиерских храмах могли появиться лишь в одном-единственном случае — если их видели. А для того, чтобы их увидеть, рыцарям нужно было всего лишь переплыть океан.

И то, что они его переплыли, сегодня отрицать уже нельзя. Потому что на американском берегу, в Норфолке, нашел покой один из рыцарей Храма. Существует его могила с изображением. Рыцарь стоит в полный рост и в полном вооружении, в руках у него простой меч тамплиера, а рядом изображен герб — одномачтовый парусник, плывущий на Запад, к звезде. Такая же могила есть и на английском берегу, в бывших владениях Сент-Клеров: почти идентичный рисунок, но корабль в гербе идет под поднятым парусом. Хорошо, рыцари из Росслина плавали в Северную Америку. Но рыцарям Ла-Рошели было гораздо ближе плыть в Южную! И, скорее всего, они так и делали. Во всяком случае, там, по ту сторону океана, в Перу, где в свое время обосновались скандинавские викинги, тоже прекрасные и смелые мореходы, в археологическом комплексе Серра-Кора, была найдена форма для отливки металлов. Места добычи серебра находились вдали от залива Сантоса, поэтому туда были проложены удобные дороги. Очевидно, расфасовка серебра в слитки происходила именно в Серра-Кора. Но кому нужно расфасовывать серебро, да еще и поближе к берегу океана? Явно уж не индейцам, которые флота не имели. А вот рыцарям металл был нужен. И не в виде груды руды, а желательно в более компактной форме — то есть в слитках… Недаром местные легенды гласят, что до 1290 года по дорогам от гор на берег океана постоянно двигались груженные серебром ламы. Другой порт — Парнаиба — был расположен на 800 км южнее устья Амазонки, из него тоже уходили корабли, груженные серебром. И для того чтобы сделать доставку серебра к берегу океана удобнее, местным жителям (а это, как считают ученые, могли быть потомки викингов, возглавившие и подчинившие себе племена индейцев) пришлось построить невероятно сложную систему каналов, прорубив в скальной породе тоннель, чтобы воды нескольких рек смогли образовать удобную для судоходства лагуну и прочно связать места добычи серебра с портом на берегу Атлантики. Кроме тамплиеров в

Европе не было ни единой организации, тайной или известной, которая могла бы совершать постоянные рейсы на Запад, в Америку. И именно в XII–XIII веках Европу буквально наводнило серебро, хотя своих серебряных рудников не было ни во Франции, ни в Англии, ни в Германии… Мексиканская хроника Чалько Чимальпахина упоминает о двух волнах тамплиерской колонизации, обе — в конце XIII века. Хроника рассказывает, что белые люди с Востока жили вместе с ними, а другие отплыли на свою родину, по которой тосковали, но обещали вернуться. Они не вернулись. В начале XIV века им уже было не до перуанского серебра. Вместо них на Американский континент высадились конкистадоры… Они принесли смерть и разрушение — своего рода миссионерскую инквизицию. Но все это случилось уже после знаменитого плавания Христофора Колумба. Между прочим, корабли Колумба отправились к неизвестному европейцам материку под алым восьмиконечным флагом тамплиеров!

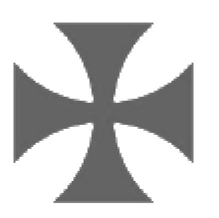
А если не Америка? Тогда — Азия. Тамплиеры успели стать там своими людьми и подружились с могущественными ассасинами. Они оказались отличными банкирами и великолепными торговцами. Причем, последним они занимались с такой самоотдачей, что их крестоносные товарищи из других орденов считали рыцарей изменниками: вместо того чтобы вырезать сарацинов и брать в плен — они торговали. В Европу благодаря рыцарям шли драгоценные товары средневековья. И стоили они немалых денег. Да и жертвовали рыцарям гораздо охотнее, чем церкви. Но то, что сделало их могущественными и спесивыми, в конце концов их и погубило.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СУДИЛИЩЕ

Завистливый красавчик

Филипп Четвертый, получивший впоследствии прозвище Красивый, взошел на престол Франции в возрасте семнадцати лет. Был 1285 год. Благодаря удачной женитьбе на Жане Шампанской, наследнице наваррского престола, он неплохо увеличил размеры своего королевства. Если взглянуть на карту современной Франции, то относительно

самостоятельными оставались только Фландрия и Бретань на севере и Аквитания и Бургундия на юге. Все прочие французские земли попали под его божественную власть. Казалось бы, государь, имеющий столь обширные владения, должен быть невероятно богатым. Как бы не так! Доходы молодого короля зависели от поступлений в казну с принадлежавших ему земель, и хотя земель было много, но доходов — мало. Филипп создал целую армию чиновников, которая вводила все новые и новые налоги, буквально выбивая последнее не только из владельцев богатых замков, но и из полунищего народа — толку не было. Чем больше становилось чиновников, тем хуже шли денежные дела в королевстве. Все правильно: чиновники кормили сами себя. И хотя король попробовал регламентировать чеканку монеты (этим правом обладал каждый крупный феодал), введя королевские деньги, которые называли в народе «золотыми стульями» и «золотыми барашками», казна пребывала в состоянии уныния. При его предшественниках огромные суммы пошли на войну с Арагоном, но благодаря тамплиерам, занявшим сторону арагонского короля, война была проиграна. Больше всего Филипп мечтал присоединить к себе Аквитанию, вассальную землю английского короля, богатую и прекрасную страну, и Фландрию, которая вызывала колкое чувство зависти — находящийся совсем рядом, необычайно жирный, но не принадлежавший Филиппу кусок. Эти земли просто не давали ему покоя. Но у короля не было денег, чтобы начать завоевательные походы! Опять — не было денег!

Оказавшись у власти, молодой король решил, что вся беда в плохих советчиках. Поэтому он избавился от заслуженных придворных прошлого и приблизил к себе троих реформаторов — одним из них был Гийом де Ногарэ, странный человек, деятельный, умный, хитрый, но происходивший из рода, сильно потрепанного альбигойскими войнами, — его предки принадлежали к катарам; вторым — юрист Пьер Флоте, а третьим — блестящий экономист Анжеран де Мариньи. Сначала Флоте, а после его смерти Ногарэ занимали место хранителя печати, то есть что-то вроде министра юстиции. Именно эти товарищи и придумали, как можно пополнять казну, вводя все новые и новые налоги.

Первый налог, озвученный королевскими указами, составлял сотую часть рыночной стоимости имущества для феодалов, с горожан брался налог в размере одного денье на ливр с оборота, а церковь должна была выплачивать королю десятину. В результате этого нововведения страна застонала. Казна собирала налог не только с феодалов и священников или богатых городов, но и с крестьян, налог для них именовался «налогом с очага», то есть с каждого дома. Кроме этого Филипп ввел особые налоги на «нацменьшинства» — ломбардский налог для итальянцев, в основном банкиров и купцов, и еврейский налог — для детей Израилевых. Заработанные в основном на «ломбардцах» и «евреях» деньги тут же были спущены на войну с Аквитанией. Военные действия против английского короля оказались предельно неудачными. Мало того, что Филипп кампанию проиграл, так еще и потратил гораздо больше, чем получил в виде налогов и прочих поступлений в казну. Он был вынужден срочно придумывать, как выйти из неприятного положения. Ему пришлось брать займы у обеспеченных слоев населения — конечно же, это оказались все те же ломбардцы и евреи; а также некоторые феодалы, государственные чиновники и тамплиеры. Последние ссужали короля охотно, надеясь таким образом управлять его поведением. И чем больше король испытывал денежный голод, тем больше он брал взаймы.

Но долг надо отдавать. Посовещавшись, преданные советники короля придумали хороший путь решения всех проблем: они предложили провести «облегчение» ливра, то есть изменить состав монет так, чтобы содержание золота в каждой стало более низким. Филипп с радостью согласился: так он думал разом решить все проблемы. И хотя его предупреждали ломбардские банкиры, что дело это нехорошее, от советов от с легкостью отмахнулся. И — вошел в историю как король-фальшивомонетчик.

Он приказал выпустить новые монеты большого номинала, основательно снизив в них процент золота, то есть новые деньги были номинированы как обладающие очень высокой

покупательной способностью, но на самом деле были гораздо дешевле «старых» денег. Для этого несколько раз за два десятилетия изымались старые полновесные монеты, отправлялись в переплавку, а на смену им с монетного двора выходили ничего не стоившие «пустышки». Доход в казну, конечно же, сразу возрос ровно во столько раз, во сколько была завышена цена монет! Но королю требовалось куда больше денег, чем было в его казне! И он решился удвоить церковную десятину. Тут уж не выдержал папа римский, на тот момент Бонифаций Восьмой. Разъяренный семидесятивосьмилетний строптивец тут же выпустил буллу, в которой запрещал любые выплаты мирским феодалам, будь они трижды королевской крови. Небо есть небо, земля есть земля. Эта выходка Рима разозлила Филиппа. Он запретил вывоз золота и драгоценностей из Франции. Поскольку для папы Франция тоже была источником дохода, и неплохим, тому пришлось пойти на мировую: он поспешил признать, что действие буллы не распространяется на Францию. А тут еще выступил с обвинением епископ Пармский, который открытым текстом назвал Филиппа фальшивомонетчиком. Дословно епископ Пармский сказал следующее: «Эти деньги дешевле грязи. Они нечистые и фальшивые; неправедно и нечестно поступает тот, по чьей воле их чеканят. Во всей римской курии я не знаю никого, кто дал бы за эти деньги хотя бы горсть грязи». Тот, по чьей воле их чеканили, обиделся. К тому же епископ прошелся нехорошими словами и по королю, сравнив его с птицей-совой, несомненно, красивой, но бесполезной. «Обиженная сова» тут же предъявила епископу обвинения и под стражей доставила в суд, где в результате недолгого процесса с него был снят епископский сан, а также имущество на сумму в 40 000 ливров! Правда, чтобы уж совсем не выглядеть негодяем, Филипп передал эти деньги одному из монастырей. Но тут уж обиделся папа. Он издал буллу, отнимающую у короля все ранее дарованные привилегии, десятину в том числе. Филипп в ответ созвал Генеральные штаты, причем впервые все три сословия, и единогласным решением это собрание… встало на сторону короля. Возмущенный папа разразился новой буллой, в которой были такие слова: «Мы заявляем, провозглашаем и определяем, что каждый человек с необходимостью является подданным римского понтификата, если ему дорого бессмертие его души». В ответ Филипп обвинил Бонифация в ереси. Поводом послужило сказанное им в запальчивости во время какого-то спора «я лучше буду собакой, чем французом». Королевские юристы использовали слова Бонифация для обоснования следующего постулата: «У собаки нет души, но у самого последнего француза она есть. Другими словами, Бонифаций не верит в бессмертие души. Он еретик». И Ногарэ отправился в Италию, чтобы взять папу… под стражу. Несчастный оказывается в заточении, однако успевает отлучить от церкви арестовавшего его министра короля Гийома де Ногарэ. Правда, всех этих испытаний — как физических, так и душевных — папа не выдержал и через месяц умер. Сменивший его Бенедикт Девятый был уже слишком стар и слаб, и продержался на Святом престоле около года, а затем был избран Климент Пятый, деятельный и очень активный папа, который сразу стал пытаться найти с влиятельным монархом общий язык. Поиски обоюдной выгоды и стали на самом деле причиной того несчастья, которое обрушилось на Орден тамплиеров. Рыцари стали разменной монетой, необходимой, чтобы привести в норму взаимоотношения между Филиппом и Святым престолом.

Но до того как начать процесс против Ордена храма, Филиппу еще пришлось воспользоваться услугами рыцарей. Вполне вероятно, что они спасли ему жизнь.

С 1 октября 1306 года Филипп объявил введение в государстве новой, полновесной серебряной монеты. Об этом поспешили разнести весть во все уголки страны специально снаряженные для оглашения королевского указа гонцы. Как все тщеславные люди, король весьма любил, переодевшись в простонародное (с его точки зрения) платье, прогуливаться по улицам Парижа. Он заходил в лавки, посещал рынки, стремился затесаться в толпу, чтобы своими ушами услышать, как о нем отзываются его благонамеренные подданные. В тот злосчастный день король тоже переоделся и отправился в народ. Однако то, что он услышал,

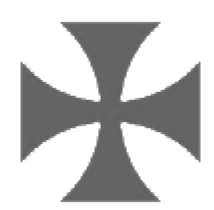
не было приятным для королевского уха. Народ, который уже два десятилетия жил с «плохими» деньгами, теперь оказывался в ловушке: ныне обесценивались уже не деньги, а сами товары. Призрак голода замаячил на горизонте. Париж бурлил. И надо же случиться такому несчастью, переодетого короля заметили в недовольной толпе, к нему уже тянулись руки, кто-то пытался прижать короля к стене и совершить над ним быстрый и справедливый суд. Филипп перепугался. Вполне вероятно, что в этот момент он призывал на помощь ангелов небесных. Явились, однако, не ангелы, а рыцари — в белых плащах и с алыми крестами на груди, они точно ножом разрезали толпу, выставили перед собой щиты и образовали длинный спасительный коридор — от рынка до самого Тампля, столичной резиденции тамплиеров, где после изгнания со Святой земли находилось их столичное командорство. Король прошел между неколебимыми как скала рядами рыцарей и оказался за высокими стенами гостеприимного замка. Оправившись от первого шока, он стал присматриваться к Тамплю. Именно здесь уже долгое время хранилась казна короля: под защитой честных рыцарей она была в безопасности. К несчастью для тамплиеров, у Филиппа были зоркие глаза. Он заметил и роскошь в Тампле, и богатую отделку залов, достойную разве что монархов. Эти вещи он быстро улавливал, и скорее всего в момент, спасительный для короля и несчастный для тамплиеров, монарх понял, как можно одним разом решить все государственные проблемы. Король нашел того «богатого Буратинку», которого можно принести в жертву, чтобы получить все его имущество.

А за стенами вспыхнули беспорядки. Парижане, недовольные новой политикой короля, выражали свой гнев. Им даже удалось захватить кого-то из королевских чиновников. И такое выражение «восторга» проходило по всей стране. Обеспокоенный Ногарэ, стремясь перевести стрелки, поспешил указать на «истинных» виновников бедствий народа. Ими, конечно же, оказались евреи. И при предыдущих монархах все беды народные нередко списывали на евреев, недаром один из наносных островков на Сене получил название еврейского — там в свое время было сожжено немало людей этой национальности, обвиненных во всех смертных грехах. И вот теперь Ногарэ предприимчиво объявил, что все беды народа не от плохих денег, а от ростовщиков и менял, а король издал указ о выдворении этих нелегалов за пределы страны. Начавшиеся еврейские погромы быстро отвели подозрение в порче денег от короля, а имущество богатых евреев перешло в государственную казну.

Но о том, что король увидел внутри неприступного Тампля, он не забыл.

Тамплиеры стояли на очереди следующими.

И хотя спустя десятилетие Жоффруа Парижский в стихотворной хронике оценил действия короля по заслугам: «Ты брал сотую часть, ты брал пятидесятую, ты брал так много займов, король… В твоих закромах должны быть деньги тамплиеров, евреев и ростовщиков. Ты обложил налогами и податями ломбардцев. Никогда до тебя короли не обращались так плохо со своим народом… На смертном одре короля охватило раскаяние… В его время больной была вся Франция, и у народа мало причин для того, чтобы оплакивать его кончину», рыцарям от этого легче не было, потому что их могущественный Орден был унижен и запрещен.

Пятница, тринадцатое

Король завидовал тамплиерам, поскольку они были непомерно богаты и зачастую обладали той властью, о которой он и мечтать не мог. Папа обижался на своих рыцарей, поскольку любая попытка установить над ними контроль ни к чему хорошему не приводила. И папы, и короли — все они видели, что Орден вкладывает невозможные деньги, занимаясь строительством, которое не под силу никакому другому ордену, как бы его ни снабжали. Сколько командорств они построили по всей Франции? Сколько возвели храмов, причем не каких-то сельских церквушек, а вполне достойных — таких, как Нотр Дам или Реймсский собор. Они нанимали самых высокопрофессиональных мастеров, чтобы их храмы стояли века. Откуда эти деньги? Сколько шпионов в Орден ни засылали, ответа, скорее всего, не получили. Тамплиеры умели хранить свои тайны. Вся их система была организована так, что посвящение в тайны давалось только избранным, а таковых было не так уж много. В чем-то эта система посвящения была сходна с организацией тайного братства «совершенных», то есть катаров. И некоторых тайн не знали даже высокопоставленные братья. Тайна, что за океаном лежит Новый Свет, была именно из таких. И тайна, что церковь придумала «нужного» себе Христа и заставила всех в него поверить, — была второй такой тайной. За первую Орден пустили бы «в расход» все, кто желает обогатиться. За вторую — те, кто жаждет держать в своих руках мир. Впрочем, оба «желающих» нашли друг друга.

Король Филипп Красивый засылал к тамплиерам своих доверенных лиц, но толку от них было немного. Он и сам попытался вступить в Орден и стать его Великим магистром, но королю вежливо отказали, сославшись, что в Уставе запрещено совмещать две эти должности. Недовольны поведением тамплиеров были и папы. Рыцари все чаще отказывались становиться карателями и идти войной против христиан в Европе. А когда они наконец-то получили Кипр и стали считать себя полными хозяевами мира, ничуть не хуже папы и короля по статусу, терпение и у Филиппа, и у папы лопнуло. Тем более что советник короля Гийом де Ногарэ со слов изгнанного из Ордена брата Флуарана рассказывал какие-то совсем уж дикие истории. В Европе полным ходом шла борьба с еретиками, дымились костры инквизиции, поэтому разделаться с непонятливыми рыцарями было несложно — достаточно обвинить в ереси. И можно завладеть сказочными богатствами, которые не дают спокойно спать! Только бы не узнали, не ускользнули, не успели спрятать сокровища… И для вида поддерживая дружеское расположение к рыцарям Храма, Филипп задумал сатанинский план. Сначала он уведомил папу Климента Пятого, будто у него имеются бесспорные доказательства, что рыцари Храма замечены в ереси и содомии. А всем бальи и сенешалям Франции он разослал особые письма, вскрыть которые они должны были накануне 13 октября 1307 года, ночью. Письма были предусмотрительно отправлены 14 сентября. Между тем, король делал вид, что все идет нормально, даже пригласил Великого магистра Жака де Молэ на похороны жены своего родного брата точно за день до ареста, 12 октября, и тот держал траурный шнур ее балдахина… А на рассвете по всей Франции прошла волна арестов. В одном только парижском Тампле взяли сто сорок братьев…

Все мы немного боимся числа тринадцать, а особенно, если тринадцатое число месяца выпадает на пятницу. Но где корни столь странного суеверия? Разгадку не стоит искать ни в древних текстах, ни в том, что тринадцатым апостолом считался Иуда, ни в том, что пятница — нехороший по астрологическим показаниям день. Все намного проще. То злосчастное утро 13 октября 1307 года приходилось на пятницу. Пятницу, тринадцатого дня месяца. И всякий раз, вздрагивая в суеверном предчувствии, мы таким странным образом поминаем тени погибшего Ордена. Специально ли выбрал Филипп такую дату для ареста? Скорее всего — нет. Он просто учитывал, что нужно оповестить всех бальи и сенешалей по всей стране и на

это требуется не меньше месяца, а дата — воля случая. Поскольку письма были разосланы 14 сентября, то месячный срок выпадал на 13 октября. Тем не менее этот «случай» так врезался в наше сознание^ что стал черной датой для любой пятницы, выпадающей на тринадцатое число, а не только для пятницы 13 октября! Из одного этого исторического экскурса вы можете понять, что означало для людей само событие. Ведь ни поражения в каких-то сражениях, ни массовые казни не стали поводом для образования связи между числом и днем недели, когда произошли. И только пятница 13 октября прочно закрепилась в памяти как число дьявола.

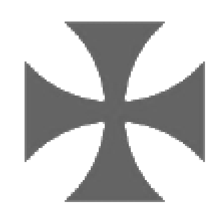
Знали ли о готовящихся арестах рыцари, было ли это неожиданностью? Очевидно, о чем-то догадывались, что-то знали наверняка, потому что очень многие рыцари попали под арест, но важные бумаги — нет. Есть сведения, что Великого магистра де Молэ предупреждали и далее просили, чтобы он скрылся. Престарелый магистр спокойно дал себя захватить — бегать он не привык. Это был гордый, сильный и мужественный человек. «Отрекайтесь на словах, не отрекаясь в душе, — так он сказал своим рыцарям. — Если молено открытием малых тайн сохранить большие, почему бы так и не сделать?» Единственное, чего старый тамплиер не смог предположить, — что рыцарей станут пытать самым чудовищным и беспощадным образом, буквально с кровью выдавливая показания. Молэ был простой человек, как он сам признавался, «неграмотный», прежде всего рыцарь, воин, но не богослов. Он привык сражаться за свой Орден с оружием в руках, он не умел сражаться с казуистическими обвинениями оппонентов. При всем том он был еще и наивным человеком. Ему казалось, что король не захочет уничтожать Орден, потому что Орден спас его от смерти. Очевидно, он верил в благодарность короля. Он верил тому, что, очевидно, было обещано — покайтесь и получите отпущение грехов. Жак де Молэ считал к тому же, что поскольку его Орден подотчетен только папе, то и судить его светские власти не имеют права, поэтому все, что сказано светским властям, не имеет силы. И уж никак он не мог себе представить, что все происходящее — просто игра двух владык — светского и небесного. Но для короля и папы суд над тамплиерами был схваткой иного рода. Они выясняли, кто из них в данный момент круче, кто обладает большей властью. Бедный старый магистр! Он оказался игрушкой в их руках, то признаваясь во всех грехах, мыслимых и немыслимых, то отрекаясь от сказанного.

Король мечтал устроить очень быстрый и очень показательный процесс. Вот этого счастья ему не было дано. Процесс затянулся на семь лет. И все эти семь лет плененные тамплиеры должны были оплачивать расходы из собственного кармана — за еду, за крышу казематов над головой, за смену белья, за все, за все, за все. Их ведь считали непомерно богатыми! Для папы, с его стороны, было выгоднее решение оттягивать и оттягивать, чтобы поставить выскочку-Капетинга на свое место. Поэтому папа никуда не спешил. За право короля судить рыцарский духовный Орден он хотел выторговать для себя наиболее приемлемые условия. А положение, в котором он оказался, не способствовало ликованию. Филипп попросту арестовал папу и заставил его сидеть в Авиньоне, поближе к Франции, а не в далеком Риме. Эти годы так и вошли в историю как годы «авиньонского пленения» пап.

Все ли тамплиеры были арестованы? О, многие. Причем во время ареста они даже не пробовали сопротивляться. Инспектора приходили в укрепленные замки и при рыцарях описывали их имущество, а рыцари смотрели и не вмешивались в процесс. Почему? Никто не захлопнул перед королевскими посланцами ворота, никто не выскочил с мечом в руках и не превратил этих посланцев в крошево. Они могли выдержать в комтурствах долгую осаду, но все распахнули ворота. Почему? Скорее всего, рыцари верили, что бояться им нечего, что они не сделали ничего дурного и все обвинения будут с них сняты, впрочем, вряд ли они даже подозревали, какие обвинения могут им предъявить! Но не стоит считать, что абсолютно все из них были так наивны. Некоторым удалось выскользнуть из хорошо расставленных силков. Это было довольно сложно, потому что теперь на них велась охота.

Населению были зачитаны указы, чем может им грозить укрывательство тамплиеров. Любого человека, подозреваемого в том, что он рыцарь-тамплиер, могли арестовать и бросить в тюрьму. И хотя многие могли бежать из-под стражи — о, они это умели! — очень немногие этим шансом воспользовались. На всех дорогах были отряды королевских солдат, прочесывающих места укрытий. Рыцари стали зверем, которого гнали от охотника к охотнику, и спасти беглецов могло только чудо. За короткое время около пятнадцати тысяч человек оказались под стражей.

И все они стали давать показания. Причем, их смущал характер заданных вопросов. Они не понимали, почему задаются именно такие вопросы. Рыцари не знали, что Гийом де Ногарэ решил провести следствие по «еретической» линии. Очевидно, воины меньше всего ожидали такого поворота событий!

Странные признания

Да, Ногарэ решил действовать наверняка. Он знал о странных обрядах рыцарей, смутные подозрения о сути которых тревожили набожного Людовика Святого. Людовик не знал, каким образом использовать свидетельства доносчиков, чтобы не уничтожить дойную корову (Орден) и в то же время устранить еретиков. С чувством невыполненного религиозного долга он так и сошел в могилу. Его преемник оказался гораздо менее разборчивым в средствах, а жесткий и упорный, неукротимый потомок еретиков Ногарэ оказался именно тем человеком, который мог найти и свидетелей отступничества, и лично указать, как и что необходимо делать, чтобы свидетели дали нужные показания. Как всегда, стоило поискать человека, достаточно обозленного на Орден, может быть, изгнанного из Ордена, чтобы он оговорил своих прежних братьев. И такой человек был найден. Имя его Эскье де Флуаран. И этот товарищ Эскье был найден задолго до начала процесса, Ногарэ, что ни говорите, был человек предусмотрительный. «Он был в тюрьме по неизвестному нам делу, — пишет Умберто Эко в «Маятнике Фуко» о главном свидетеле обвинения, — и дожидался высшей меры, как тут его подсадили в камеру к раскаявшемуся тамплиеру, также ожидавшему петли, и тамплиер поделился с ним леденящими душу признаниями. В обмен на отмену приговора и на некоторую сумму денег Флуаран пересказал все, что слышал. А слышал он примерно те же побасенки, которые были на устах у всех. Только в данном случае они были оформлены в виде следственного протокола». Что ж это были за побасенки, которые позволили королевскому министру подвести тамплиеров «под статью»? «Что, по-вашему, говорили об этих «десантниках», — поясняет Эко, — добропорядочные обыватели, видя, как те собирают дань с колоний и никому ничего отдавать не обязаны, не обязаны далее — с некоторых пор — рисковать своей кровью, охраняя Гроб Господень? Они, конечно, французы, но не вполне, — то, что сейчас называют «черноногие», а в те времена «poulains». Совершенно не исключено, что эти «черные» предаются восточному разврату, кто их знает, — уж не говорят ли между собой на языке арапов? По уставу они монахи, но для всех вокруг очевидны их развязные манеры, и вот уж сколько лет назад папа Иннокентий III принужден был бороться с ними буллой «О дерзновениях храмовников». Ими даден обет

бедности, а сами роскошны, как наследственные аристократы, скаредны, как нарождающееся купеческое сословие, и неукротимы, как команда мушкетеров. Не много нужно, чтобы от ворчания перейти к досадливым наговорам. Мужеложцы! Еретики! Идолопоклонники, обожающие бородатого болвана, взявшегося неведомо откуда. Уж только не из иконостаса богобоязненного христианина! Вероятно, они причастны секретам исмаилитов. Не исключено, что и водят шашни с Ассасинами Горного Старца».

Обвинения, скажем, премерзостные. Но интересно, что Великий магистр знал о возможном характере обвинений. Знал, но почему-то не обращал на них внимание. Слишком баснословны? Возможно. Но скорее всего, он даже не предполагал, что скоро придется отбиваться от средневековых крючкотворов. Молэ в этом плане был человек девственный. Мы не знаем, в чем конкретно обвинили магистра на первом допросе. Вполне вероятно, что вопросы были построены так казуистично, что бедняга Молэ понял их по-своему. Грешил? А кто из нас без греха? Отступал от общепринятого ритуала? Отступал, ведь не всегда есть время для соблюдения полного ритуала, особенно на войне, а ведь жизнь тамплиера в Святой земле — постоянная война, постоянные боевые действия с кратковременными перерывами. Посмотрите их Устав, там даже расписано четко, чтобы путаницы не было, как следует себя вести в таких условиях — как лагерь ставить, как садиться за трапезу, как молиться, чтобы и с эффектом, и в то же время не обременительно для основной военной профессии. На две трети устав тамплиеров — военный устав, мало в нем истинно монашеского рвения. Но иногда ведь не было у них времени даже на соблюдение этих правил, и тогда… Да, правильно, тогда они, как всякие нормальные люди, их нарушали. Именно потому и выживали. Так, говорите, нарушали? А что это у вас за эмблема такая странная — два всадника на одном коне? Вы что там, в вашей святой армии содомией занимаетесь? Вот на это только обвинение старый магистр рявкал, что есть сил, что в жизни он не грешил с мужчинами! Почему-то он согласен был ради спасения Ордена признаться во всем, чего потребуют, даже в том, что целовал кошку в зад, но не в мужеложстве! И дорого же ему это отрицание стоило, поскольку в своей ярости он сумел задеть святой престол, переадресовав обвинения в этом вопросе в адрес кардиналов и епископов. Тут, очевидно, Филипп злорадно поаплодировал магистру, ибо тот не понимал, какую петлю затягивает на собственной шее.

Следователи в основном упирали на то, что тамплиеры проводили непристойные и нехристианские обряды, и в основном эти обряды связаны с приемом в Орден. К XIV веку Орден тамплиеров был большой, сильной и весьма разветвленной организацией. С ним не могли тягаться ни иоанниты, ни тевтонские рыцари. Круг посвященных в тайны был очень и очень мал, а Орден очень велик. Во всяком случае, документы процесса над тамплиерами говорят, что показания давали братья, которые вовсе не были рыцарями-феодалами, — среди них были мельники, ремесленники и далее пастухи. В целом существовало закрытое внутреннее «военное» ядро, орденское монашество (не давшее ни одного значительного богослова для Святого престола) и обширный круг «служивых» братьев, выполнявших работы для Ордена. Существовали, как говорят, и разные способы приема в рыцарский Орден тамплиеров, во всяком случае, получив первое посвящение, человек лишь переступал порог огромного здания Ордена. Для того чтобы найти его внутренние комнаты, нужно было либо обладать не подлежащими сомнению рекомендациями, либо пройти долгий и трудный путь приобщения к секретам. Если кандидат такой путь проходил, то он давал все новые и новые клятвы и получал все новые и новые посвящения. Вероятно, именно поэтому на допросах так разительно отличались показания рыцарей. Одни проходили стандартное посвящение, ничем особо не отличавшееся от практики многих организаций подобного рода, а другие же были вовлечены в странные обряды, многие из которых были для них абсолютно непонятны.

Как происходило стандартное посвящение, нам известно по показаниям тамплиера Жерара де Ко:

«Принимал его утром, после торжественной мессы, брат Гвиго Адемар, прежде бывший рыцарем, а затем ставший приором провинции Каор, в присутствии капеллана Раймона де ла Коста, Раймона Робера, приора Басеза, Пьера, в то время приора упомянутого приорства в Каоре, чьей фамилии свидетель не знает, одного рыцаря, старого товарища упомянутого Гвиго Адемара, ни имени, ни фамилии которого свидетель, по его словам, вспомнить не может, а также рыцарей Жер, Бараски и Бертрана де Лонга Балле, которые были приняты в орден в тот же день и час, что и он сам, и теми же лицами.

Когда он и упомянутые Жер, Бараски и Бертран де Лонга Балле, которые вместе с самим свидетелем за пять дней до этого были посвящены в рыцари, ждали в некоем помещении рядом с часовней указанного приорства, упомянутый брат Раймон Робер и еще один рыцарь, которого свидетель, как ему показалось, ранее не заметил, подошли к ним и сказали следующее: «Желаете ли вы вступить в сообщество братьев-тамплиеров и разделить с ними духовное и мирское богатство ордена?» И когда они ответили, что желают, эти двое, что подошли к ним, сказали: «Вы желаете великого, но не ведаете, сколь суровы предписания нашего Ордена, ибо вам видна лишь внешняя его сторона — красивая одежда, хорошие кони, отличное оружие, — но откуда вам знать о строгих обычаях и суровом Уставе братства, а ведь законы его таковы, что, когда вы захотите быть по эту сторону моря, вам придется служить за морем, или наоборот, а когда вам захочется спать, придется бодрствовать и оставаться голодным, даже если очень захочется есть. Сможете ли вы вынести все это во имя Господа и спасения души?» И когда они ответили, что да, смогут, если так угодно Господу, то те двое продолжали: «Мы бы хотели узнать, не помешает ли вам то, о чем мы должны сейчас вас спросить. Веруете ли вы, как то подобает истинным католикам, в догматы Римской церкви? Не состоите ли в других духовных орденах, не вступали ли в брак, не связаны ли клятвой с другим орденом, из рыцарского ли вы сословия и рождены ли в законном браке, не отлучены ли вы от церкви по причине собственных ваших прегрешений или по другой причине, не давали ли вы каких-либо обещаний и не дарили ли подарков кому-либо из братьев-тамплиеров или же другим людям, дабы вас приняли в Орден, не совершали ли вы какого-либо тайного проступка, из-за которого не можете быть допущены к службе в Ордене и носить оружие, не обременены ли вы долгом, личным или чьим-либо еще, которого не можете выплатить сами или с помощью ваших друзей, но без помощи Ордена?» На что вступавшие в Орден ответили, что они истинно верующие и что они люди свободные, благородного происхождения, законнорожденные и вышеуказанных препятствий ко вступлению не имеют.

После чего двое их принимавших сказали, что они должны повернуться лицом к упомянутой часовне и просить Господа нашего, Пресвятую Деву Марию и всех святых, чтобы Господь, ради спасения души их и во славу их и их близких, позволил удовлетворить поданное ими прошение и благословил их намерение. Когда же они обратились к Господу с этой мольбой, те двое братьев от них отошли — видимо, как полагает свидетель, чтобы сообщить упомянутому брату Гвиго об их ответах и намерении..

Вскоре они вернулись к ним и спросили, хорошо ли вступающие в орден продумали все вышесказанное и продолжают ли настаивать на своем желании. И, получив утвердительный ответ, снова отошли от них — видимо, к упомянутому брату Гвиго, чтобы сообщить ему этот ответ, — а через некоторое время вернулись и велели им снять свои головные уборы, сложить ладони и подойти к упомянутому брату Гвиго, а затем, преклонив пред ним колена, сказать ему следующее: «Господин наш, мы пришли к тебе и нашим братьям, которые сейчас здесь, просить дозволения вступить в братство Ордена и приобщиться к его духовным и мирским сокровищам, что заключены уже в нем самом, и вечно быть рабами его, и отбросить прочь все прочие свои устремления». И упомянутый брат Гвиго ответил, что они просят о

великом благе, а потом повторил им все то, что было уже сказано упомянутыми двумя братьями, и они, ответив ему, как то написано выше, и преклонив перед ним колена, поклялись на некоей книге, что на них нет никаких грехов, перечисленных выше, и тогда он сказал им: «Вы должны глубоко проникнуться тем, что мы вам сказали, и Принести клятву Господу нашему и Пресвятой Деве Марии, что всегда будете покорны Великому магистру Ордена, а также любому брату ордена, который по положению окажется выше вас, и будете хранить целомудрие, соблюдать обычаи и законы ‛Ордена, а также жить в бедности, не имея никакого имущества, кроме того, что будет дано вам старшими, и всегда будете по мере сил ваших защищать земли королевства Иерусалимского и завоевывать те, что еще им не завоеваны, и никогда по воле своей или желанию даже не приблизитесь к месту; где совершают убийство христианина или христианки или же нечестиво отнимают у них имущество, и если вам предоставлено будет имущество ордена, то вы сможете дать отчет в том, что употребили его во благо Святой земли, и не покинете наш Орден ради другого, лучшего или худшего, без разрешения тех, кто выше вас».

Когда они поклялись во всем этом, он сказал им: «Мы принимаем вас, ваших отцов и матерей, а также двух-трех ваших друзей, которых вы можете выбрать сами, и дозволяем участвовать в деяниях Ордена, настоящих и будущих, от начала и до конца». И сказав это, он надел на них плащи тамплиеров и благословил их, и потом еще их благословил упомянутый брат Раймон де ла Коста, священник… И затем приор, подняв их с колен за руки, поцеловал их в уста, а потом вроде бы, как говорит свидетель, упомянутые капеллан и рыцари, присутствовавшие при этом, тоже поцеловали их в уста.

После чего приор сел и велел им сесть рядом, у его ног, а когда сели и все присутствовавшие братья, сказал, что они (неофиты) должны быть преисполнены радости, ибо Господь привел их в такой благородный и святой Орден, как братство тамплиеров, и что они должны особо молиться, дабы не сотворить никакого непотребства, из за чего их могут исключить из этого Ордена, что было бы весьма неугодно Богу, и прибавил, что есть немало причин, по которым они могут быть исключены, а также таких, по которым они могут быть лишены плаща тамплиера, а также подвергнуты различным другим наказаниям. Все это он объяснил им и сказал, что они должны это запомнить и, не стесняясь, спрашивать других братьев упомянутого ордена. Так, например, он сказал им, что они будут изгнаны из братства, если вступили туда посредством греха симонии; если расскажут о тайных собраниях, где будут присутствовать, кому-либо из братьев Ордена или же другим лицам, которые на нем не присутствовали; если их обвинят в таком тяжком грехе, как убийство христианина или христианки, в результате чего им не миновать пожизненного тюремного заключения; если их обвинят в краже, за что также полагается тюрьма; если их обвинят в грехе содомии, за что им также грозит пожизненное тюремное заключение; если они, сговорившись с двумя, тремя или более братьями, станут клеветать на братство и будут обвинены в этом двумя-тремя братьями Ордена или же его руководителями; если они будут посещать сарацин с преступным намерением у них остаться, хотя бы после этого они и вернулись и приняли епитимью; если они будут нетверды в вере; если они с оружием в руках побегут с поля боя, перед лицом врагов католической веры, бросив свое знамя и своего командира; и если, без разрешения руководителей братства, захотят перейти в другой духовный орден или получить более высокий духовный сан.

А также упомянутый брат Гвиго сказал, что они лишатся плащей тамплиеров, если осмелятся не подчиниться старшим или окажут им сопротивление; а если они станут упорствовать, то исключение неминуемо, мало того, их закуют в кандалы; если же они станут злобно угрожать или ударят кого-то из братьев, так что он упадет, или если произойдет кровопролитие, им грозит тюремное заключение; если же они ударят христианина или христианку камнем, палкой или мечом даже единожды, а человек этот будет искалечен или получит тяжкое ранение, их также могут исключить из ордена. Исключение грозит им и в том

случае, если они вступят в преступную плотскую связь с женщиной или же окажутся с нею в сомнительной обстановке; если же они по какой-либо причине станут возводить на своих братьев напраслину и не смогут доказать свои обвинения, то их лишат плащей тамплиеров; если они уличены будут в мошенничестве или других неправедных делах, то также будут изгнаны из ордена; если они скажут в присутствии других братьев, пусть даже в сердцах, что перебегут к сарацинам, если, неся боевое знамя, они станут сражаться с ним в руках без приказа командира и в одиночку или же бросят это знамя на землю и воспоследует урон, им грозит тюремное заключение, как и в том случае, если, будучи вооруженными, они пойдут в атаку без приказа командира — за исключением тех случаев, когда долг повелит им помочь кому-либо из христиан, мужчине или женщине. Если они будут принимать деньги, принадлежащие другому, как свои собственные, так что феодалы-миряне не смогут получать причитающуюся им арендную плату; если злостным образом откажутся платить цензиву кому-либо из светских сеньоров или служить ему, как то было предписано; если откажутся приютить кого-либо из странствующих братьев в приорствах Ордена и предоставить ему пищу и кров; если станут принимать в братство новичков, не имея на то разрешения капитула или вышестоящих лиц, или еще каким-либо запрещенным способом; если станут принимать в Орден людей недостойных; если станут вскрывать письма, адресованные магистром другим братьям, и злонамеренно ломать на них печать; если сломают замок на сундуке или застежку на суме, где находятся деньги или другие ценности, вследствие чего владельцу будет нанесен ущерб, то их, помимо всего прочего, арестуют как воров; если они станут передавать кому-то или продавать имущество сторонних приорств, или же станут проматывать имущество вверенных им приорств или поощрять тех, кто это делает, и помогать им, то тогда им, скорее всего, грозит смертный приговор. Если же они отдадут какое-либо принадлежащее ордену животное, хозяевами которого они не являются, не считая собак и кошек; если, охотясь сами или сопровождая охотников, они потеряют переданных им орденом коней или покалечат их, или же каким-либо иным путем нанесут Ордену ущерб на охоте; если, применив оружие, но не имея на то разрешения вышестоящих лиц, они нанесут увечье [коням]; если они нанесут ущерб вверенному им приорству на сумму более четырех денье; если, а тем более умышленно, они проведут хотя бы одну ночь вне стен ордена; если же они будут оставаться вне стен приорства две ночи или более, то не смогут получить назад плащ тамплиера в течение одного года; если, движимые гневом, в присутствии других братьев они бросят свой плащ и не поднимут [его], не внимая требованию, мольбе или просьбе присутствующих, или же если кто-то из братьев бросит плащ при них и не пожелает поднять его, вняв их требованию, мольбе или просьбе, то во всех этих случаях они не смогут вновь носить плащ тамплиера по крайней мере в течение года, а иногда вопрос о возвращении нарушителю его плаща мож: ет быть отложен до особого распоряжения магистра и других братьев.

Перечислив все это, приор сказал неофитам, что теперь ему следует объяснить им, как в Ордене полагается посещать церковь и трапезную…

И помимо вышесказанного, он велел им каждый день перед каждой трапезой шестьдесят раз читать «Pater noster», а именно — тридцать во имя живущих, чтобы Господь мог бы вести и наставлять их, храня их до смертного часа, и тридцать во имя усопших; так, по словам этого приора, было предписано генеральным капитулом всем братьям во время вступления их в Орден. А также упомянутый приор сказал им, что во время ужина, который они должны съесть до Повечерия, они должны сделать все вышеперечисленное, готовясь к завтраку, а после Повечерия говорить мало, но непременно проверить своих лошадей, а будучи в военном походе, проверить и сбрую, а затем лечь в постель в одежде и полотняных штанах; а подпоясываться они должны недлинной веревкой в знак целомудренной жизни и сдерживать свои греховные плотские желания, а также не гасить на ночь огонь там, где спят, дабы на них случайно не напал враг; в конюшне, если таковая имеется, также должен гореть

огонь. А еще упомянутый приор сказал, что они не должны быть никому крестными отцами, не должны входить в дом, где рожает женщина, не должны позволять женщинам прислуживать им, за исключением тех случаев, когда они больны и больше некому за ними ухаживать, но и тогда только с разрешения старших братьев; не должны они и целовать никакую женщину, даже родственницу. И не должны они говорить никому нечестивых слов и ссылаться на таковые, а также ругать Господа, и вообще им разрешается вести только разумную вежливую беседу. А потом упомянутый Приор сказал им: «Ступайте, и да поможет вам Господь стать достойными людьми».

Впрочем, пытки были так «хороши», что другие рыцари сознавались и в самом невероятном. Пытки пытками, но не было ли у наших рыцарей желания свести обвинения к полному абсурду, как у людей не столь далекого от нас времени, которые сознавались в попытке прорыть подземный ход от Москвы до Китая, чтобы бежать туда с секретной информацией? Общее заблуждение отечественных врагов народа тоже ведь состояло в том, что чем нелепее будут обвинения, тем проще станет развалить процесс. О, святая наивность! Ничему-то люди не научились за семь веков, прошедших с начала процесса над тамплиерами! Пытки, конечно, тоже сыграли немаловажную роль. «Следователи» жаловались, что им не хватает инструментов, и существовал даже «отдел», который изобретал простые и кровавые способы вызнать всю «подноготную». Одного рыцаря на процесс внесли с уложенным на животе мешочком, в котором лежали сожженные и обратившиеся в прах ступни его ног. Пытали и Великого магистра. По одной из версий, именно этой пытке мы и обязаны существованием Туринской плащаницы. При этой пытке присутствовал и сам король. Сначала Жаку де Молэ перебили ноги, потом приколотили к кресту руки, затем на единый гвоздь насадили обе ступни. На голову ему надели венец из острой проволоки и задавали вопросы, пока он не потерял сознания. Но до смерти довести дело не дали, таков был приказ. Магистр нужен был королю и папе кающимся и поверженным, совершенно раздавленным человеком. Поэтому с креста его сняли и даже завернули в найденную при обыске дома плащаницу, которую использовали во время обрядов. А потом он был милостиво доставлен для ухода родственникам Жоффруа де Шарнэ — магистра Нормандии. Так что изображение, которое появилось на плащанице в результате странной химической реакции от выступивших из тела крови, пота и лимфы, принадлежит Великому магистру Жаку де Молэ. Может быть, именно поэтому Ватикан и не пытается упорствовать, что туринская плащаница запечатлела образ Сына Божьего? Там-то уж наверняка знают, чей это священный образ… Недаром Кристофер Найт и Роберт Ломас обнаружили, исследуя старинные масонские тексты, что существовала одна степень посвящения, где получающего тайну масона подводили к странному по виду кресту: слева на его перекладине были буквы JN, а справа JBM — Иисус из Назарета и Жак де Молэ, из Бургундии. Те, кто знал, что произошло во время пытки с Великим магистром, считали его Вторым мессией, то есть новым воплощением Сына Божьего,

Думается, что под таким давлением, которое применили к Жаку де Молэ, человек способен признать все — в чем виновен и в чем невиновен. Впрочем, самого Молэ держали в таких условиях — сырая камера, почти без света, влажные стены, деревянные нары, еда — хлеб да вода, и никакого общения, разве что с надзирателями, и так годы, то делая условия сносными, то доводя до крайней жестокости, — что он жил одной только надеждой и повторял одну только просьбу: разрешить ему защитить себя и Орден перед папой. А другим, вероятно, обещали скорую свободу, но с условием, что они, маленькие в Ордене люди, во всем сознаются. Иными словами, заданный вопрос подразумевал и заданный ответ.

Прецептор Нормандии, второй человек в Ордене, друг Великого магистра, Жоффруа де Шарнэ, принятый в Орден Амори де Ла Рошем, показал на допросе: «Приняв меня в Орден и возложив на меня плащ, мне принесли распятие. Брат Амори приказал мне не верить в того, чье изображение я вижу, ибо это лжепророк, а не Бог».

Другие тамплиеры тоже не отрицали, что при посвящении плевали на крест. Топтали крест или даже хуже того — мочились на него, как собаки.

«24 октября 1307 г., — пишет М. Барбер, — 53-летний тамплиер Жан де Кужи, смотритель парижских мельниц, принадлежавших Ордену, точно гак же поклялся перед судом, что его признание было сделано добровольно, и сказал инквизитору Гийому де Пари, что генеральный досмотрщик Гуго де Пейро увел его за алтарь и поцеловал пониже спины и в пупок, а потом пригрозил пожизненным тюремным заключением, если он не отречется от Иисуса Христа, и заставил его плюнуть на Святой крест (хотя на самом деле плюнул он на землю!), а потом объяснил, что ему дозволяется вступать в половые сношения с другими братьями Ордена. Однако на следующий год во время судебных слушаний в присутствии папы и кардиналов Кужи хотя и повторил прежние признания, уверяя, что сделал их не под давлением, но все лее признался, что пытка к нему применена была. Он объяснил свое первоначальное нежелание рассказывать о творившихся в Ордене мерзостях тем, что ему запретил это делать — еще за восемь дней до арестов — брат Пьер, приор парижского Тампля, «однако же он не мог выдержать пыток и сразу, стоило привязать его к дыбе, во всем признался»».

Главное обвинение, которое выдвигалось против рыцарей Храма, — что они поклоняются сатане, козлу, чудовищу, говорящей голове, демону по имени Бафомет.

На допросе лионский рыцарь Гуго де Пейро показывал о «человеческой голове» так:

«Я видел ее, держал в руках, проводил с ней богослужебные действия во время собрания членов ордена в Монпелье и молился ей, как и другие присутствовавшие братья. Но лишь устами, для виду, не от сердца. Что касается других братьев, я не знаю, молились ли они ей искренне, из глубины сердца, а когда его спросили, где сейчас находится сей артефакт, добавил: «Я оставил ее у брата Пьера Алемандена, настоятеля Тампля в Монпелье, но не знаю, нашли ее люди короля или нет. Эта голова имела четыре ноги — две спереди, две сзади..»»

В протоколе допроса Рене де Ларшана, которого посвящали совсем в другом месте (в Бове-ан-Готинэ, епархия Сены), описание головы выглядит следующим образом: «Это была голова, с бородой. Они молились ей, и целовали ее, и называли нашим спасителем», а объясняя, где теперь находится голова, он добавил: «Я ничего об этом не знаю; не знаю, где ее хранят, У меня сложилось впечатление, что она хранилась у Великого магистра или у того, кто председательствовал на собрании..».

Тамплиер Рауль де Жози описывал лицо идола такими словами:

«Жуткое, чудовищное! Мне оно казалось лицом демона, злого духа. Всякий раз, как я его видел, меня наполнял такой ужас, что я едва мог смотреть и дрожал всем телом», — а на вопрос, зачем же тогда он такому страшилищу поклонялся, сказал смущенно: «Приходилось делать вещи и много хуже — отрекаться от Христа. После этого почему бы уже не поклоняться голове! Но я никогда не делал этого от сердца…»

Так что по одним показаниям выходило, что Бафомет — это просто страшное лицо с рогами, по другим — что это совершенно демоническое и нечеловеческое лицо, по третьим — что это голова вполне человеческая и даже благообразная, а некоторые видели еще и руки с ногами, завершающиеся копытами, туловище кошки, собаки, свиньи и едва ли не раздвоенный язык и хвост. Некоторые братья вообще рассказывали, что этот Бафомет сделан из чистого золота, а глаза у него не то алмазные, не то рубиновые, и во время обрядов лицо идола натирали жиром, выплавленным из тел умерщвленных младенцев, причем эти младенцы были рождены от связи тамплиеров с демонами женского пола, либо от связи сестер Ордена (были и такие, что весьма любопытно и многое говорит о мировоззрении рыцарей-монахов) с самим Сатаной. Чего под пытками не покажешь!

Впрочем, после тамплиерского процесса уличенные в ведьмовстве уже детально описывали Сатану и в показаниях не путались, иконография этого выходца из Ада была разработана куда лучше, чем неведомый Демон-голова-Бафомет. К тому же многие, проходившие посвящение, даже не понимали, что это за посвящение, как и те, кто проводил обряд, не знали досконально, зачем выбрана именно такая форма. Вероятно, практика тайных посвящений, которые проходили далеко не все, была выработана в Святой Земле и во время первых походов, но к XIV веку Святая земля была уже потеряна, а те, кто знал суть посвящения, умерли или погибли в боях.

Сохранились и показания тех, кто такового обряда не проходил. Один из рыцарей под всеми пытками говорил одно и то же, что давал он стандартную клятву, веры Христовой не отрицал и никакими действиями ее не порочил. Клятва эта немногим отличалась от всех рыцарских обетов в других орденах:

«Во имя Бога Отца, и Сына, и Св. Духа. Я… самолично присоединяясь к Священному Воинству Ордена Храма и давая суровую клятву, обещаю хранить обет добровольного и строгого послушания, бедности и чистоты, как и братства, гостеприимства и воздержания.

Коим обетом я показываю твердое и несомненное желание посвятить меч, силы, жизнь и все прочее делу христианского благочестия Ордена Храма и рыцарей, его охране и чести, а также величайшему просвещению и возвращению Храма и могилы Господа нашего Иисуса Христа, земель Палестины и Востока и владений отцов.

Подчиняюсь Уставу св. Бернарда, Грамоте о переходе, Правилам, Законам, Установлениям и прочим отдельным актам, изданным в соответствии статутам Ордена: обязуюсь никому не сообщать о Рыцарях, никому не открывать титулов или степеней, никому ничего не передавать об обрядах и обычаях Ордена. Затем обязуюсь всегда, будь-то в помещениях Ордена или вовне и в любых обстоятельствах жизни, полностью подчиняться верховному Магистру и старшим по званию в Ордене.

Обязуюсь любить моих братьев, рыцарей Храма, и сестер-храмовниц, и помогать вдовам братьев и их детям, как и детям сестер, мечом, советом, имуществом, деньгами, авторитетом и отдельными моими вещами, и всегда и везде без исключения предпочитать их всем непричастным Храму: заботиться о благочестивых паломниках, служить помощью и утешением плененным Креста ради, больным и нищим.

Обязуюсь сражаться с неверующими и неверными своим примером, доблестью, богатством и другими средствами; против неверных и неверующих, с мечом к Кресту подступающих, обязуюсь обнажать меч.

Обязуюсь сторониться всякого бесстыдства и не участвовать ни в каких делах плоти, кроме как в должных и с женой разрешенных.

Обязуюсь, среди каких бы нечестивых (insanum) народов я ни был, подчиняться праву, законам и обычаям

Ордена: для народов же, которые гостеприимно и дружелюбно почитают Орден, выполнять священные обязанности гражданина и рыцаря.

В этом перед Рыцарями, на этом собрании присутствующими, громко клянусь, признаю и исповедую.

Клятву сию кровью своей подписываю и запечатлеваю на бумагах (in tabulas) собрания… снова пишу и подписываю со свидетелями, подписавшимися под вышесказанным.

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Аминь».

Но многие соглашались, что мало того, что отвергали Христа и целовали идола-Бафомета, так еще и плевали на святое Распятие или даже мочились на него. В чем же дело? Ведь и сам Верховный магистр Ордена Жак де Мола признал, что с Распятием было что-то не так… Тут придется вспомнить о «совершенных» и об их отношении к кресту как к символу насилия, а не воскрешения. Многие из рыцарей были катарами, распятие для них символизировало не правильную веру, а сатанинское заблуждение. Если помните, то

«совершенным» был один из Великих магистров Ордена — шестой магистр Бертран де Бланшфор. И «полным катаром» — тот странный несуществующий вроде магистр Ронселен де Фо, о существовании коего проговорился как-то и сам Молэ. Когда Молэ спросили о голове, он замялся. Так была или нет эта голова? И что это за голова? Из-за указаний на ее существование тамплиеров обвиняли ведь не только в совершении нехристианских обрядов, но и в умерщвлении людей, дабы завладеть их черепом! И во многих комтурствах нашли бережно сохраняемые черепа, кости, саваны и прочие предметы, которые использовались, вероятно, при посвящении.

Итак, под пытками рыцари признали существование идола-Бафомета. Кстати, многие исследователи происхождения пресловутого Бафомета выводят это странное имя из искажения принятого европейцами имени пророка Мухаммеда — Магомет. Но, скорее всего, это заблуждение, потому что у мусульман не было принято изображать пророка в каком-либо виде. В исламе вообще запрещено изображение человеческого тела, а вот общие для Востока символы рыцари Храма использовать вполне могли. И если они ознакомились с восточными традициями, то Бафомет мог быть символом перевернутой пентаграммы с вписанным в нее человеческим ликом, что попросту означало Знание. Недаром, по одной из расшифровок, Бафомет — это анаграмма Мудрости — София. Что означала София для рыцарей? Самое простое определение — Свет, Истина, Любовь. Недаром девизом первых тамплиеров был такой: «Да здравствует Бог Святая Любовь!»

Они считали, что душа человека из тьмы Сатаны через испытания приходит к Свету Истины и Любви, этого нельзя достичь умозрительным путем, но только через совершение поступков, то есть через борьбу Добра и Зла в самом себе. И чем дольше они жили на Востоке, соприкасаясь с наследием митраизма и исламом, тем дальше отступали от общепринятых католических догматов. Если хотите, катары и тамплиеры были первыми европейскими иллюминатами, то есть «просветленными». Об этой «иллюминации» души говорят и тексты современных рыцарям алхимиков. Кеннет Кларк в «Уроборосе» говорит об этой практике просветления так: «Во время иллюминации вся жизнь сосредоточена в голове, в то время как остальная часть тела похоронена в глубоком забвении вместе с преходящим восприятием. Восхождение змеи Кундалини превращает адепта в голову, точно так лее остается голова от вавилонского дракона или уробороса алхимии после того, как он пожрал целиком свое мерзкое тело, начиная с хвоста. Голова становится всем, совершенной круглой вещью, сферической как изначальный человек Платона. Там меркуриальная змея занимает свое место как дух, обитающий в мозге, и становится перманентной водой или камнем прозрачного кристалла или очищенного стекла, сквозь которое впервые проливается свет такого трансцендентального ужаса, что сила его исключительной яркости помрачает разум, возвещая алхимический caput mortuum или воронью голову растворения в Бездне или Пустоте, превышающей все экзистенциальные ограничения; позже появляется мягкий дрожащий белый свет, похожий на свет луны в полнолуние, который заполняет голову блаженством и ярким ощущением погружения в сияющие живительные воды некой великой мировой души или океанического бытия».

Некоторые рыцари на процессе говорили, что Голова, или Бафомет, имела тело, как у скелета, и вокруг позвоночника обвивалась змея, входящая в Голову. Если учесть, что рыцари Храма искали не только сражений, но и Знания, они вполне могли «сотворить идола», символизирующего конечную стадию «иллюминации». А что они владели алхимическими текстами — известно. Вопрос в другом — насколько они их понимали? Ведь большинство алхимиков искало способ создания синтетических металлов, философского камня (той же «Софии»), эликсира бессмертия, но не растворения в сиянии Духа Божьего и Познания Истины и собственной сути.

Если говорить о благородных алхимических металлах, то о тамплиерах ходили слухи, что они знают сатанинские способы превращать свинец в золото, потому что поднаторели в

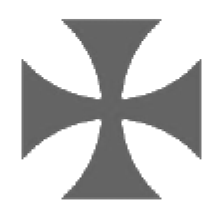
магии и могут заставить себе служить могущественных демонов. На самом деле, если тамплиеры и поклонялись Голове, то, конечно, имели в виду именно «Свет», «совершенство», аналогичное учению катаров… и исламских суфиев. О, тамплиеры превосходно знали и суфиев, и их учение, ибо они жили с ними бок о бок и даже, как вы помните, пытались одно бремя вести выгодные боевые действия совместно с орденом Старца — ассасинами из Аламута, такими же рыцарями, но исламского мира. В среде ассасинов тоже бытовала вера, что Мудрость есть Свет и человек способен этого Света достичь.

Но откуда такое понимание Софии взяли рыцари Храма? Тут все просто: им повезло вовремя оказаться на арабо-иудейском Востоке. Но только не думайте, что вся масса храмовников знала о каких-то тайных мистериях Ордена. Отнюдь! Посвященных, конечно, были единицы. Это они ввели странные обряды, непонятные для тех, кто их проходил. Иначе почему бы приходилось объяснять неофитам, что нужно отречься от Христа не сердцем, но устами, не на Самом деле' а всего лишь для формы? И почему разрешалось принимать в Орден не только братьев, но и сестер (при единственном условии — что их не будет слишком много, чтобы не вызвать у рыцарей нездорового интереса), и известно, что принятые в Орден сестры разделяли позиции «совершенных»? И сестер стали принимать в Орден как раз после начала гонений на еретиков-катаров? И почему в перечне имен Великих магистров не хватает Ронселена де Фо? И что на самом деле стоит за их девизом «Да здравствует Бог Святая Любовь»? И только ли сочетание воинства белого (рыцарей) и черного (сержантов и оруженосцев) символизирует знамя Боссан? И что означает постоянно звучащая в среде тамплиеров фраза «Не нам, господи, не нам, но имени Твоему»? И почему, черт побери, они никогда не называют имени этого Господа? Никогда! Никогда они не зовут его Иисусом Христом! Как, впрочем, не называют имени Богородицы, а именуют ее Святой Марией? И в любви к ней, вечной Деве, клянутся словами, сходными со словами трубадуров, а не монахов? Богородица ли это? Или верная подруга Иисуса Мария из Магдалы?

Между тем процесс все тянулся и тянулся, свидетелей все допрашивали и допрашивали. Папа уклонился от «разбора полетов» и послал свою комиссию после того, как неожиданно Магистр в очередной раз отказался от всех своих показаний и даже перед собранным ради такого случая заседанием Генеральных штатов разодрал на груди рубашку и показал депутатам раны, которые остались на его теле от множества допросов. Очевидно, повреждения были так заметны, что собравшиеся онемели. После этого-то неприятного для короля инцидента и была создана церковная комиссия, и первое, что комиссия сделала — пообещала рыцарям, что больше пытать их не будут. Рыцари, уже познакомившиеся с ведением уголовных дел, верили плохо. Но нашлись смельчаки, которые решили защищать свой Орден. И они его защитили ценой собственной жизни. Их сожгли — сначала 54 тамплиера, самых упорных, были вывезены за пределы Парижа, выведены в поле, потом их привязали к наспех врытым столбам, предварительно раздев, и подожгли. Стоны стояли над этим полем, крики, но ни один рыцарь не признал себя виновным, и не признал порочности своего Ордена. Если они и погибли с проклятием на губах, то это было проклятие их мучителям. Потом сожгли еще около двадцати человек…

А папа? А папа тем временем издавал буллу за буллой. По этим сохранившимся документам легко проследить, как менялась расстановка сил в борьбе король-папа, и как папа сдавал своих рыцарей, стремясь выторговать только одно — чтобы деньги не достались проклятому Филиппу!

Самую знаменитую буллу, от 22 марта 1312 года, фактически уничтожившую Орден, стоит привести целиком.

Казнь

Итак, текст, который окончательно погубил рыцарей, то есть папа сдал их всех оптом ради собственного благополучия, гласил следующее:

Vox in Excelso

Климент, раб рабов Божьих, для постоянного отчета (рекорда). Слышал я жалобы и горький плач, которые становились все сильнее, и все произошло так же, как и когда Бог говорил через его пророка: Этот дом пробудил мой гнев и отринул его от Себя из-за зла его сыновей, поскольку они повернулись ко Мне спиной, а не лицом, и воздвигли идолов в доме, что освящен Моим именем. Они построили храмы Баала, чтобы посвящать своих сыновей идолам и демонам. Они грешили, как в дни Содома и Гоморры. Когда я узрел эти деяния, в страхе перед таким скандалом — поскольку, кто слышал о таком позоре? Кто видел подобное? — я падал в ужасе, когда слушал это, мне было страшно, когда я видел это, моя душа стала озлобленной, и тьма сокрушила меня. Услышьте голос людей из города! Голос из храма! Голос Бога, карающего его врагов. Выбросьте их из вашего дома и позвольте их корням высохнуть; пусть их поля не приносят плодов и шипы покрывают их путь.

Немалый грех на этом доме — жертвовали они сыновьями своими, посвящая их демонам, а не Богу и богам, которых они не знали. Поэтому этот дом будет проклят и необитаем, брошен в геенну огненную и приравнен к пыли, оставлен, недоступен, отвергнут гневом Бога. Бог не выбирал людей из-за места, но место из-за людей, поэтому как Бог сказал Соломону, когда он построил храм для него, Соломону, кто был заполнен мудростью подобно реке: Но если ваши сыновья отрекаются от меня и воздвигают странных богов и поклоняются им, то я отброшу их от меня и из земли, которую я дал им; и из храма, который освящен моим именем, и из моего вида и это станет уроком для всех народов. Каждый узнавший об этом будет говорить: «Почему Бог сделал это с ними?» и сам себе отвечать: «Поскольку они оставили Бога, Бога, который искупил их грехи ценой крови Своей, и поклонялись Баалу и другим богам. Поэтому Бог покарал их».

Еще совсем недавно, ко времени избрания нашего в качестве верховного понтифика и прежде, чем мы прибыли в Лион для нашей коронации, и впоследствии, и туда и в другом месте, мы получали секретные намеки против магистра, прецептора и других членов Ордена рыцарей тамплиеров Иерусалима и также против Ордена непосредственно.

Эти люди были отправлены в Святую землю для защиты наследства нашего повелителя Иисуса Христа, и эти воины католической веры несли главное бремя защиты Святой земли. По этой причине, святая Римская церковь удостоила их Орден своей высокой поддержкой, вооружила их крестным знамением против врагов Христа, оплатила им самую высокую дань уважения и усилила их различными свободами и привилегиями. Поэтому это было против Иисуса то, что они впали в грех нечестивой измены, отвратительный недостаток идолопоклонства, смертельное преступление содомии и различных ересей. Все же никто не ожидал и не мог представить себе, что эти люди, столь набожные, столь часто проливающие свою кровь ради Христа и, как замечено, неоднократно подвергавшиеся смертельной

опасности, столь часто доказавшие свою преданность в вере своей и посте, совершили такие преступления. По этим причинам мы долго не желали слушать инсинуации и обвинения против тамплиеров.

Тогда вмешался наш дорогой сын во Христе, Филипп, прославленный король Франции. Те же самые речи о преступлениях были сообщены и ему. Он не был жаден. Он не имел никакого намерения требовать или захватывать для себя что-либо у ордена тамплиеров. Он был в огне веры, так хорошо отмеченной среди его предков. Он получил так много информации, как он законно мог. Тогда, чтобы подать нам знак, он послал нам много ценной информации через своих посланников. Имелся честный рыцарь, человек благородной крови и немалой репутации в Ордене, кто свидетельствовал тайно, согласно присяге, в нашем присутствии, что на его приеме рыцарь, посвящавший его, говорил, что он должен отречься от Христа, что он и сделал, в присутствии некоторых других рыцарей Храма, кроме того он плевал на распятье, предложенное ему этим рыцарем. Свидетель также подтвердил, что он слышал, что это была общепринятая манера принятия новых членов: при посвящении человека, получающего звание рыцаря, человек отвергал Иисуса Христа, и, в знак отрицания Христа, плевал на распятье, предложенное ему, и совершал другие незаконные действия вопреки христианской вере, как говорил свидетель, признавшийся непосредственно в нашем присутствии.

Мы были обязаны принять во внимание такие серьезные обвинения. Когда наконец до нас донесся крик с настоятельными обвинениями короля Франции, а также герцогов, баронов, другой знати, духовенства и простых людей королевства Франции, и через агентов и должностных лиц мы услышали печальный рассказ: то, что магистр, прецептор и другие члены Ордена совершали и другие преступления. Это было доказано многими признаниями, аттестациями и показаниями магистра, многих прецептеров и членов Ордена, в присутствии прелатов и инквизиции. Эти показания были сделаны в королевстве Франции с нашего разрешения и показаны нам и нашим коллегам. Кроме того, слухи выросли настолько, что враждебность народа против Ордена и непосредственных членов его не могла игнорироваться без серьезного скандала и при этом подрывала истинную веру. Так как мы, хотя и не достойно, представляем Христа на земле, мы полагали, что должны разрешить этот вопрос. Мы призвали к нам многих из прецепторов, священников, рыцарей и других членов Ордена, тех кто имел репутацию в Ордене. Они давали присягу перед Отцом, Сыном и Святым Духом; мы потребовали, в святом повиновении церкви, вызывая божественное суждение с угрозой вечного проклятия, что они будут говорить только правду. Мы указали им, что теперь они были в безопасном месте, где они могут ничего не бояться, несмотря на признания, которые они сделают. Мы желали, чтобы те признания были совершены без ущерба для них. Таким образом мы опросили семьдесят двух членов Ордена. Мы разбирали их признания с нотариусом и зарегистрировали как подлинные документы, в нашем присутствии и наших коллег. После нескольких дней мы зачитали эти признания в присутствии рыцарей. Каждому была зачитана версия на его родном языке; они стояли рядом с их признаниями, явно и тайно одобряя их, поскольку они были прочитаны и правдивы.

После этого был персональный разговор с Великим магистром и основным прецептором Ордена, мы наказали, чтобы Великий магистр и главный прецептор Оутремера, Нормандии, Аквитании и Пуатье были представлены нам. Однако они были очень больны в то время и не могли ехать на лошади, и мы пришли к ним. Мы желали знать правду в целом о вопросе и засвидетельствованы ли их признания и показания, которые были сделаны в присутствии инквизиции королевства Франции и общественных нотариусов, а также многих других хороших людей. Признания были произведены публично и были истинны. Мы, в полной секретности, проводили осторожное исследование, относительно правды обвинений против них, членов Ордена и против Ордена непосредственно. Если имелось доказательство, оно

должно было быть принесено нам; признания и показания должны были разбираться в письменной форме общественным нотариусом и представляться нам.

Кардиналы пришли, чтобы видеть магистра, визитатора и прецептора лично и объяснили причину их посещения. Поскольку они и некоторые другие члены Ордена были переданы для дознания церкви, пусть они будут свободно и без любого опасения, искренне говорить кардиналам правду, кардиналы наделены нашей апостольской властью, возложенной на них, дабы узнать правду. Магистр, визитатор и прецептор Нормандии, Оутремера, Аквитании и Пуатье, в присутствии трех кардиналов, четырех нотариусов и многих других людей, пользующихся доброй славой, приняли присягу на святом евангелии, что они будут говорить правду, явно и полностью. Они говорили один за другим, в присутствии кардиналов, без любого принуждения или опасения. Они признавали среди других вещей, что они отвергали Христа и плевали на распятье во время приема в орден Храма. Некоторые из них добавляли, что сами они приняли много братьев, используя этот обряд, а именно с отвержением Христа и плеванием на распятье. Имелись некоторые, кто признавал другие ужасные преступления и безнравственные дела. Эти признания и показания гроссмейстера, визитатора и прецептора были приняты как общественный документ четырьмя нотариусами. После нескольких дней признания читались обвиняемым в присутствии кардиналов; каждый рыцарь получил запись на его родном языке. Они упорствовали в своих признаниях и одобрили их, явно и тайно, После этих признаний они просили у кардиналов прощения за вышеупомянутые преступления; подобострастно и искренне, преклонив колени, они сделали свое ходатайство со многими слезами. Так как церковь никогда не отворачивается от жаждущих прощения, кардиналы представили прощение нашей властью в общепринятой форме церкви магистру, визитатору и прецептору в их ерёси.

Из этих признаний мы находим, что магистр, визитатор и прецептор Нормандии, Оутремера, Аквитании и Пуатье часто совершали серьезные нарушения, хотя некоторые из них виновны менее, чем другие. Мы решили, что такие ужасные преступления не должны быть безнаказанны, это оскорбления всемогущему Богу и каждому истинно верующему. Мы созвали на совет наших коллег, чтобы решить вопрос о вышеупомянутых преступлениях и нарушениях. Это было выполнено через местные советы ординариев и других мудрых, заслуживающих доверия людей, отправленных нами для разбирательств в командории Ордена; и через некоторых благоразумных людей, которых мы выбрали лично для рассмотрения дела Ордена в целом. После того, как все исследования были сделаны: и ординариями, и нашими делегатами, и людьми, рассматривающими дело ордена, в каждой части мира, где находился Орден, эта информация очень тщательно читалась и исследовалась, нами и нашими коллегами, кардиналами святой Римской церкви благоразумными, заслуживающими доверия и Богобоязненными людьми. Это имело место в Маласене, в епархии Вайсон.

Позже мы прибыли в Вену, где уже были собраны патриархи, архиепископы, выбранные епископы, освобожденные и не-освобожденные аббаты, другие прелаты церквей, а также поверенные отсутствующих прелатов и глав, которых мы вызвали. На первом совете мы объяснили им причины для созыва совета. После этого кардиналы, все прелаты и поверенные, были собраны на совет в нашем присутствии и обсуждали, как решать вопрос о тамплиерах. Некоторые патриархи, архиепископы, епископы, освобожденные и не освобожденные аббаты, другие прелаты церквей и поверенных из всех частей Христианского мира, были выбраны из всех прелатов и поверенных в совете. Выбор был сделан среди тех, кто был более квалифицированным, осторожным и склонным к консультации в таком важном деле и обсуждения с нами и вышеупомянутыми кардиналами. После мы провели публичные чтения по этому вопросу в присутствии прелатов и поверенных. Эти чтения происходили в течение нескольких дней, в церкви собора. Впоследствии сделанные аттестации и резюме

рассматривались и исследовались, но не в небрежной манере, а с большим вниманием, многими из наших почтенных братьев, патриархом Aquileia, архиепископами и епископами священного совета, которые были специально выбраны и присланы для этой цели и теми, кого совет выбирал очень тщательно и искренне.

Поэтому мы созывали кардиналов, патриархов, архиепископов и епископов, освобожденных и не освобожденных аббатов, а также прелатов и избранных советом, чтобы рассмотреть это дело, и мы спросили их, в ходе секретной консультации в нашем присутствии, что мы должны делать, беря за основу тот факт, что некоторые тамплиеры предоставляли себя для защиты их Ордена. Большая часть кардиналов и почти целый совет были твердо убеждены, что Ордену нужно дать возможность защищаться самостоятельно и что это не может быть осуждено, без нарушения Божьих заветов и несправедливости. Напротив, другие сказали, что членам Ордена нельзя позволить защищать их орден и что мы не должны давать разрешение для такой защиты, поскольку, если бы такая защита позволялась, имелась бы опасность для всего дела, с немалым ущербом для веры и Святой земли. Имелся спор, задержка и откладывание решения и много различных причин были упомянуты. Действительно, хотя законный процесс против Ордена до сих пор не разрешает его каноническое осуждение как еретический, чистое имя Ордена было в значительной мере покрыто ересью. Кроме того, почти неопределенное число его членов, среди них: Великий магистр и главный прецептор, были осуждены в ереси, ошибках и преступлениях по их непосредственным признаниям. Эти признания делают Орден очень подозрительным, и покрытым позором, для святой церкви Бога, ее прелатов, королей и католиков вообще. Кроме того, откладывание урегулирования дела тамплиеров, по которому мы собираемся принять заключительное решение в существующем совете, будет вести, во всей вероятности, к полной потере, разрушению и упадку Ордена тамплиеров.

Имелись поэтому два мнения: некоторые сказали, что решение должно быть немедленно объявлено, осуждая Орден в совершенных преступлениях, а другие возразили, что слушаний против Ордена по справедливости нельзя пропускать. После долгого и зрелого обдумывания мы решили переходить непосредственно к решению проблемы, таким образом скандал будет устранен. Мы приняли во внимание позор, подозрения, сообщения и другую информацию, упомянутую против Ордена, также секретный прием в Орден и расхождение поведения многих из членов ордена от общего поведения и пути жизни и моралей других христиан. Мы особенно отметили, что, когда посвящались новые члены, они клялись не говорить никому, как проходил прием в Орден и никогда не оставлять его; это создает неблагоприятные предположения. Кроме того, мы видим, что вышеупомянутое вызвало серьезный скандал против Ордена, скандал, который невозможно смягчить, пока Орден продолжает существовать. Мы обращаем внимание также на опасность для веры и для души, на многие ужасные преступления членов Ордена и другие причины, и все это привело нас к следующему решению.

Большинство кардиналов и членов совета решило, что лучше, более целесообразно и выгодно для Бога и для сохранения в чистоте христианской веры, а также для помощи Святой земле и по многим другим причинам, запретить Орден тамплиеров. Этот путь был найден наиболее предпочтительным. Мы также знаем, что в других случаях Римская церковь наказывала по гораздо меньшему количеству причин, чем те, что были упомянуты, без ошибки со стороны братьев. Поэтому, с грустью в соответствии с постановлением и верой Христовой, мы с одобрения священного совета запрещаем Орден тамплиеров, его устав, одежды и название, в соответствии с неприкосновенным и бесконечным декретом, мы полностью запрещаем его; любой, кто с этого времени называет себя его именем, или носит его одежды, или ведет себя как тамплиер, несет ответственность. Кроме того, мы конфискуем все имущество и земли Ордена. Мы, перед завершением священного совета, говорим, что делалось это к чести Бога, возвеличиванию христианской веры и

благосостояния Святой Земли. Мы строго запрещаем всем, любому государству, вмешиваться в вопрос ордена тамплиеров. Мы запрещаем любое действие относительно них, которое нанесло бы ущерб нашему решению. Мы устанавливаем декретом, что с этого времени любая подобная попытка не имеет законной силы, сделано ли это сознательно или по невежеству. Однако мы не желаем умалять достоинство любых процессов, сделанных или которые будут сделаны относительно тамплиеров местными епископами и провинциальными советами, в соответствии с тем, что мы предопределили. Да будет так…

После такого заявления милости ждать было неоткуда. Но процесс тянулся еще около года. После этого, сломив сопротивление рыцарей полностью, их заставили признать, что они виновны по следующим пунктам:

«Во-первых, хотя сами тамплиеры и заявляют, что их орден был учрежден с одобрения Святого Престола, они, принимая новых братьев в упомянутый орден, а также некоторое время спустя, заставляли неофитов выполнять нижеследующее.

• А именно: каждый из них во время вступления в орден, или же некоторое время спустя, или же при первой представившейся возможности, отрекался от Иисуса Христа, иногда от Святого распятия, иногда от Бога-Сына, а иногда от Бога-Отца, а иногда от Пресвятой Девы Марии и всех святых, направляемый и наставляемый теми, кто принимал его в орден,

• А также, (что) все братья в ордене делали это.

• А также, что большая часть (их делала это).

• А также, что (они делали это) иногда после приема в орден.

• А также, что приоры говорили неофитам и учили их, что Христос, или иногда Иисус, или же иногда Христос распятый не есть истинный Бог.

• А также, что они говорили вступавшим, что Он лжепророк.

• А также, что Он пострадал и был распят не ради спасения рода человеческого, но за грехи Свои,

• А также, что они говорили, будто ни принимающие, ни принимаемые не имеют надежды получить спасение через Господа нашего, или же (они говорили) нечто подобное тем, кого принимали.

• А также, что они заставляли тех, кого принимали, плевать на Святой крест, или же на его изображение в книге, или же на статую распятого Христа, хотя порой те, кого принимали, плевали рядом (с этим изображением).

• А также, что они порой приказывали, чтобы Святой крест попирали ногами.

• А также, что братья, которых принимали, порой попирали крест ногами.

• А также, что порой принимавшие сами мочились на крест, и попирали его ногами, и заставляли других мочиться на него, а несколько раз они делали это в Страстную пятницу.

• А также, что некоторые из них в этот или же в другой день на Страстной неделе собирались для того, чтобы мочиться на крест и попирать его ногами.

• А также, что они поклонялись некому коту, (который) порой появлялся перед ними во время их собраний.

• А также, что они делали это в поругание Иисуса Христа и истинной веры.

• А также, что они не признавали таинства евхаристии.

• А также, что некоторые из них (не признавали).

• А также, что большинство (не признавали).

• А также, что они не признавали и других Святых таинств.

• А также, что капелланы ордена, через которых освящается тело Христово, не произносят слов канонических молитв во время мессы.

• А также, что некоторые из них (этого не делают).

• А также, что большинство (этого не делает).

• А также, что приоры навязывали это и новичкам.

• А также, что (свидетели) полагали, как это было им сказано, что великий магистр может отпускать им грехи.

• А также, что досмотрщик (может).

•А также, что приоры (могут), из которых многие были мирянами.

• А также, что они делали это de facto.

• А также, что некоторые из них (это делали).

• А также, что великий магистр упомянутого ордена признался в этом в присутствии важных лиц еще до своего ареста.

• А также, что во время приема в упомянутый орден или вскоре после этого неофитов или тех братьев, которые принимали их в орден, целовали в губы, в пупок или же в обнаженный живот, а также в ягодицы или пониже спины.

• А также, что иногда (целовали) в пупок.

• А также, что иногда (целовали) пониже спины.

• А также, что иногда (целовали) в половой член.

• А также, что во время приема они заставляли тех, кого принимали, клясться, что не покинут орден.

• А также, что они сразу же считали неофитов полноправными братьями.

• А также, что они проводили прием в орден тайно.

• А также, что во время приема присутствовали только братья упомянутого ордена.

• А также, что из-за этого ужасные подозрения долгое время витали вокруг упомянутого ордена.

• А также, что так было повсеместно.

• А также, что они говорили братьям, которых принимали в орден, что те могут вступать в греховную связь друг с другом.

• А также, что так они поступают согласно Уставу.

•А также, что так делать полагается и надо подчиняться желанию других братьев.

• А также, что у них это не считается грехом. А также, что они делали это или же многие из них (делали это).

• А также, что некоторые из них (делали это).

• А также, что в каждой провинции у них были свои идолы, а именно головы, и некоторые (из этих голов) имели по три лица, а некоторые одно, а у некоторых внутри был человеческий череп.

• А также, что они поклонялись этим идолам или этому идолу, особенно на общих собраниях братства. А также, что они (их) почитали. А также, что (они почитали их) как Господа. А также, что (они почитали их) как своего Спасителя. А также, что некоторые из них (делали это). А также, что большая часть тех, кто присутствовал на этих собраниях (делали это).

• А также, что они говорили, будто эта голова может спасти их. А также, что (она может) сделать их богатыми. А также, что она дала им все богатство, каким обладает орден. А также, что она заставляет деревья цвести. А также, что (она заставляет) землю приносить плоды. А также, что они окружали или касались тонкой веревкой головы вышеупомянутых идолов, а потом эту веревку носили на себе поверх рубахи или же на голом теле.

- А также, что во время вступления в орден упомянутая веревка или ее кусок вручались каждому из братьев.
- А также, что они делали это из почтения перед идолом. А также, что им велено было носить эти веревки на себе согласно их Уставу и не снимать даже ночью.
- А также, что неофиты обычно принимались в упомянутый орден, как изложено выше.
- А также, что (так делалось) повсеместно. А также, что (так делалось) чаще всего.
- А также, что тех, кто не желал исполнять упомянутое выше во время своего вступления в орден или некоторое время спустя, убивали или сажали в тюрьму.
- А также, что некоторых (убивали или сажали в тюрьму). А также, что большую часть (…)
- А также, что их заставляли клясться, что они никому не расскажут о вышеупомянутом.
- А также, что (это делалось) под угрозой наказания — смертной казни или тюремного заключения.
- А также, что им было запрещено рассказывать, как их принимали в орден.
- А также, что им было запрещено говорить о вышеупомянутом между собой. А также, что, если узнавали, что кто-то (из них) рассказывал (об этих вещах), то его сурово наказывали, вынося смертный приговор или сажая в тюрьму.
- А также, что их заставляли не исповедаться никому, кроме своих же братьев.
- А также, что упомянутые братья, зная о названных нарушениях, не позаботились их исправить.
- А также, что (они) не позаботились сообщить о них Святой церкви.
- А также, что они видели, как совершается грех, но не покидали сообщество упомянутых братьев, хотя могли покинуть его и не соучаствовать в вышеперечисленном.
- А также, что вышеперечисленное творилось повсюду в заморских странах, где в то время пребывал Великий магистр указанного ордена со своим капитулом.
- А также, что иногда упомянутое отречение от Христа происходило в присутствии Великого магистра и капитула упомянутого ордена.
- А также, что вышеупомянутые преступления творились на Кипре.
- А также, что (это происходило) и по эту сторону моря во всех королевствах и странах, где братьев принимали в упомянутый орден.
- А также, что вышеупомянутые греховные обычаи соблюдались в ордене повсеместно и постоянно.
- А также, что (они) соблюдались издавна.
- А также, что (они) являлись старинными.
- А также, что (они) перечислены в Уставе упомянутого ордена.
- А также, что вышеуказанные традиции, обычаи и правила соблюдались орденом повсеместно, как в заморских краях, так и по нашу сторону моря.
- А также, что упомянутое принадлежит Уставу ордена и было включено в него по причине их заблуждений и уже после одобрения Устава Святым Престолом.
- А также, что прием братьев в упомянутый орден повсеместно происходил в основном так, как указано выше.
- А также, что Великий магистр упомянутого ордена заставлял соблюдать вышеперечисленное.
- А также, что генеральный досмотрщик и прочие досмотрщики ордена (делали это).
- А также, что приоры (делали это) и другие руководители упомянутого ордена (делали это).

• А также, что эти люди соблюдали (эти правила) и других учили соблюдать (их). — А также, что все остальные тоже (так поступали).

• А также, что братья не придерживались иного способа приема в упомянутый орден.

• А также, что никто из живущих ныне членов ордена не помнит, чтобы был какой-то иной способ (приема в орден).

• А также, что Великий магистр, досмотрщики, приоры и магистры указанного ордена, имея такую власть, жестоко наказывали (тех), кто не соблюдал или не желал соблюдать указанный способ приема и не делал всего вышеперечисленного, если им об этом доносили.

• А также, что благотворительные пожертвования в упомянутом ордене приносились не так, как должно, а также не соблюдались правила гостеприимства.

• А также, что они в названном выше ордене не считали грехом приобретать собственность, принадлежащую другим, как законными, так и незаконными путями.

• А также, что ими поддерживалось всяческое приумножение доходов и выгод указанного ордена любым способом, как законным, так и незаконным.

• А также, что не считалось грехом в этом случае, пойти на клятвопреступление.

• А также, что они привыкли проводить свои собрания тайно.

• А также, что (они проводились) тайно, поскольку все остальные люди (familia) в доме отсылались на всю ночь, а двери запирались.

• А также, что (они проводились) тайно, ибо собравшиеся запирались в доме или в церкви, а двери укрепляли так, что никто не смог бы, даже если б захотел, присутствовать на этих собраниях или же поблизости и никто не смог бы видеть или слышать, что они там делают и говорят.

• А также, что (они проводились) настолько тайно, что обычно стража выставлялась даже на крыше дома или церкви, где проходило собрание, на тот случай, если кто-нибудь подойдет близко к этому месту.

• А также, что они привыкли соблюдать подобную секретность, и это было также обычным делом во время приема новых братьев.

• А также, что это заблуждение процветало и процветает в ордене с давних пор, поскольку они разделяют и разделяли в прошлом то мнение, что Великий магистр может отпускать грехи братьям ордена, даже если они (в этих грехах) не признались на исповеди, ибо они избегали исповедаться в некоторых грехах от стыда или от страха перед наказанием, в том числе и церковным.

• А также, что Великий магистр уже признался в упомянутых выше нарушениях еще до своего ареста, внезапно и добровольно, в присутствии святых отцов и уважаемых мирян, твердых в своей вере.

• А также, что (при этом) присутствовало большинство приоров ордена.

• А также, что они следовали упомянутым заблуждениям не только по воле Великого магистра, но и по воле других приоров и особенно его досмотрщиков.

• А также, что все приказы и предписания Великого магистра, а тем более его собрания, весь орден обязан был соблюдать и соблюдал.

• А также, что такая власть была дана ему с давних времен.

• А также, что упомянутые мерзостные привычки и заблуждения вошли в обиход так давно, что орден не раз и не два успел полностью обновиться с тех пор, как эти преступные обычаи стали соблюдаться.

• А также, что… все или (по крайней мере) две трети членов ордена, зная о совершаемых ошибках, не позаботились их исправить.

• А также, что они не позаботились о том, чтобы сообщить Святой церкви.

• А также, что они не отказались от соблюдения упомянутых обычаев и от сообщества упомянутых братьев, хотя у них была возможность выйти из ордена и не творить вышеупомянутого.

• А также, что многие братья названного ордена покидали его по причине его неправедности и заблуждений и некоторые переходили в другие ордены, а некоторые вели мирскую жизнь.

• А также, что по причине вышеперечисленного в душах благородных людей возникало сильное недовольство упомянутым орденом, в том числе у королей и иных правителей, а также во всем христианском мире.

• А также, что все упомянутые грехи или некоторые из них были замечены и наблюдались среди братьев упомянутого ордена.

• А также, что об этих грехах ведется много разговоров и существует множество мнений как среди братьев упомянутого ордена, так и вне его.

• А также, что (имеются мнения и ведутся разговоры) о большей части вышесказанного.

• А также, что (…) об отдельных грехах.

• А также, что Великий магистр ордена, генеральный досмотрщик и приоры Кипра, Нормандии и Пуату, как и многие другие руководители и рядовые братья упомянутого ордена, уже признались в том, что изложено выше, как во время судебного расследования, так и вне его, в присутствии назначенных лиц, а также перед представителями различных сословий во множестве мест.

• А также, что некоторые братья упомянутого ордена, рыцари, капелланы и служители в присутствии святейшего папы римского и кардиналов признались в вышеназванных преступлениях или же в большей их части.

• А также, что (они признались) под присягой.

• А также, что они подтвердили вышесказанное в присутствии всей консистории».

22 мая 1312 года Орден был упразднен, а все его имущество отходило короне и другим рыцарям — госпитальерам. Последнюю точку в этой истории должен был поставить показательный суд для народа. Для зачтения приговора Великий магистр и приор Нормандии 18 марта 1314 года были выведены на паперть собора Парижской богоматери. И когда этот приговор был им зачитан, Жак де Молэ прокричал собравшейся ради такого случая толпе: «Все обвинения добыты под пыткой и являются ложью, а Орден и устав его чисты и незапятнанны». Тотчас же пожизненное заключение было заменено сожжением на костре. Кающегося Великого магистра не получилось. И Жак де Молэ, и Жоффруа де Шарнэ были сожжены той же ночью на Еврейском острове в Париже.

Существует легенда, что за сожжением наблюдали все заинтересованные лица. И когда пламя стало пожирать тело Великого магистра, он сказал своим мучителям следующее: «И ты, Филипп, и ты, Климент, и ты, Ногарэ, не доживете до следующего года, будьте вы прокляты». Король, папа и Ногарэ погибли буквально через пару месяцев… А орден?

Орден был уничтожен. Но не весь, и не совсем, и не везде. Часть рыцарей слилась с госпитальерами, с которыми теперь им делить было уже нечего. Часть — на востоке Центральной Европы — с тевтонцами. Часть бежала в Англию, где король не был столь агрессивен, часть — в Шотландию, где король был весьма заинтересован и в знаниях тамплиеров, и в их честной службе. А некоторые филиалы Ордена даже не были расформированы, в частности, в Португалии, где Орден Храма получил новое название — Орден Христа. Но самым, конечно, обидным для французской короны было то, что все богатства тамплиеров уплыли из-под рук. Ничего кроме печатей с голыми людьми неведомой страны добыть так и не удалось. Зато рассказывают, что накануне ареста, чуть ли не за пару часов до него, из Тампля в сторону Ла-Рошели двинулись повозки, а потом из Ла-Рошели в

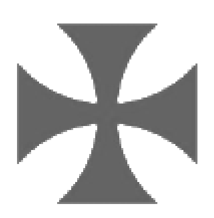
двух разных направлениях вышел флот тамплиеров — одни корабли повернули к югу — в Португалию, другие к северу — в Англию. И больше этих кораблей никто и никогда не видел. По другой версии, в ночь перед арестом из Тампля выехало несколько повозок, груженных сеном, и направилось в сторону городских ворот. Повозки взяли курс на Руан. Там в устье Сены уже стояли наготове корабли, которые вышли в море и то ли повернули на восток, то ли двинулись через Ла-Манш к Англии.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

СТРОИТЕЛИ ХРАМА

Дети Храма Соломонова

И вновь вернемся к далекому прошлому, когда на нашей сцене появился молодой рыцарь Гуго де Пейн. На свой фамильный герб он поместил три черные головы. С чего бы это? Этот самый вопрос задавали и рыцарям на допросах: не хотел ли их первый Великий магистр сказать, что слулсит Антихристу или на худой конец сарацинам? Не могут же черные головы быть ликами святых! Они и не были. Черные головы просто символизировали верность. Своему Ордену тамплиеры остались верными до конца.

С другой стороны, голова — это символ мудрости, той самой, которая через два века станет непонятным Бафометом и приведет кого на костер, кого в вечное заточение, а кого в изгнание. Не были ли эти головы на гербе символом того, что мудрость имеет три лика — иудейский, арабский и христианский? Или мы приписываем Гуго де Пейну слишком современный образ мышления?

Однако почему бы и нет? Ведь тамплиеры искали не только военной славы и мечтали обладать большим богатством, а в конце всего и миром, они искали и знание. В их Темных веках обладание знанием было опасным занятием, которое требовалось скрывать, но то, что

они о нем грезили, ясно исходя даже из тех рисунков на стене, которые оставил сидя в одиночке замка Шинон старый магистр Жак де Молэ. Кроме отчаянной надписи «Молю Господа о прощении!», что можно толковать двояко — либо о прощении за еретические обряды, либо о прощении за предательство идеалов Ордена и самого Ордена нечестивому духовенству, остался и рисунок карбункула — алхимического символа совершенства, который периодически мелькает на многих гербах, эмблемах, крестах и печатях Ордена. Наш вроде бы «безграмотный» магистр молит о даровании Высшего света!

Алхимия и тамплиеры? А чему вы удивляетесь? Алхимия во времена тамплиеров пока еще не попала в черный список инквизиции. Ею интересуются короли, английский Эдуард даже приглашает к себе для помощи в наполнении золотом казны великого мага и ученого испанского рыцаря-монаха Раймонда Луллия. И тот вроде создает вполне успешно золотые полновесные моменты, получившие название «раймундины». Уж не знаем мы сегодня, откуда черпал Луллий золото, и был ли это сугубо алхимический процесс, но парочка оставшихся монет была исследована в нашем с вами времени, и результат анализа был ошеломляющим — по сравнению с тем золотым ломом, который производил английский монетный двор, эго были самые лучшие по качеству монеты Британии. Правда, народ боялся этого полновесного золота и даже считал, что достаточно на «раймундины» со всей истовой верою перекреститься, как они превратятся в осколки глиняной посуды. То есть в народе считали золото Луллия — чертовым.

Наши рыцари были не чужды алхимическому поиску но они связывали такой поиск с возвышением человеческого духа, то есть с тем, что сегодня мы называем самосовершенствованием, а в средние века имело множество гораздо более цветистых наименований. Одно из них — Великое Делание. В алхимии так называется процесс трансмутации низких металлов в высокие, или королевские. Но под этим именем шла и духовная парадигма — трансмутация души, если хотите, все то же самое учение о свете «совершенных», о следовании тропами бога, о прекрасном новом мире и прекрасном новом человеке. Не забывайте, наши рыцари — дети своего времени. Они занимались кровавой работой, но жаждали просветления, и в этом плане они были странные люди, таких сегодня уже не существует. Они в полном смысле были наследниками Соломонова храма, детьми Соломоновыми.

Евреи переняли мудрость у ближайших своих соседей — египтян, те — у шумеров, а тамплиеры — у евреев. Все древнее знание, обставленное массой сложных и непонятных ритуалов, при помощи которых его передавали учителя ученикам, то есть посвященные неофитам, предполагало создание тайной организации, Храма, где оно могло распространяться и сохраняться. Орден, созданный в целом для археологических изысканий и обретения каких-то реликвий, стал постепенно трансформироваться в Орден Соломонова храма, предполагая, очевидно, алхимическое превращение человека в хранителя такого знания. Не все рыцари к такому обращению были готовы. И не все его получали. Но благополучное соединение под одной крышей монахов и воинов пошло им на пользу.

И, конечно, основную часть тамплиерских научных секретов получили те, кому пришлось работать с этими секретами. А можно быть уверенными, что нынешняя масонская символика родилась не на пустом месте, и не через каких-то неведомых бессмертных масонов, которые где-то спали и вдруг вылезли на свет божий в 1717 году (ровно с этого времени официальное масонство ведет свое летосчисление). Считать так — насмехаться над ее величеством историей. Даже если предположить, что масоны ясновидящие и умеют внедряться в ноосферу, получая ответы на все вопросы, то где ж они тогда были в 1600, 1500, 1400-е годы? А если они никакого отношения к бедным рыцарям Христовым не имели, то где они тогда были все предыдущие несколько тысячелетий, с момента разрушения Соломонова храма? Нет, передача знания происходит единственно возможным путем — от человека к человеку, от учителя к ученику. И учитывая, что за символы используют

современные масоны, понятно, что эти символы прошли хорошую средневековую обработку, пока не попали в разные Ложи.

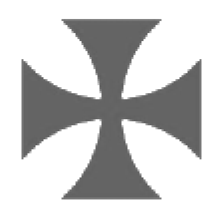
Одними из «обработчиков» камня мудрости были и тамплиеры. Как поняли, так и передали слова из прочитанных ими древних книг. Но свое понимание они воплощали не в книгах, а в практически вечном материале — в камне. Они были все же верующими людьми и очень хотели быть ближе к своему богу. Поэтому они строили храмы. Очень много храмов. Настоящий строительный бум по всей Европе. Как только где-то появляются рыцари тамплиеры, следом появляются их храмы. Орден Храма был Орденом Строителей Храма. Это отмечают все историки. И это странно. Что они так хотели сказать своими летящими к небу строениями? Ведь именно они ввели в Европе то, что называется готическим стилем. Они принесли в храмы арку как символ стабильности и совершенства. Посмотрите, как прекрасны их многочисленные арки, как они прозрачны и легки, и здания с этими стрельчатыми конструкциями сразу отрываются от земли и парят в небесах! Но арка — чисто масонский символ? Да, масонский. Но прежде масонов были тамплиеры. И были строительные гильдии, которые на тамплиеров работали.

Из каких-то древних египетских глубин они почерпнули принцип равновесия — как постройки, так и мира, потому что для средневекового человека Храм — это модель мира. В Египте, например, принцип равновесия выражался через слово ма-ат, что означает одновременно и поперечную балку, и свод, и справедливость, и разумное управление. По принципу ма-ат, мир может быть устойчивым и стабильным только тогда, когда сила уравновешена разумом. Этот принцип является основным и для всех, кто усвоил уроки гностиков: от тамплиеров до современных масонов. Как пишут авторы книги «Ключ Хирама», именно этот принцип лежит в основе мироздания, и для его передачи из поколения в поколение путем разнообразных мистерий и было создано масонство — избранные просветленные, которые передавали тайное знание из поколения в поколение. Причем, чтобы принцип работал, требовались не логические, а магические элементы. Именно эти магические элементы и запечатлены в архитектуре, и поэтому Великий магистр масонов носит имя Великого архитектора. По этой версии, у масонов принцип ма-ат изображается в виде двух колонн храма Соломона, соединенных между собой потолочной балкой. Одна из колонн символизирует земную власть, силу, вторая — небесную власть, разум, а соединение, арка — устойчивость, стабильность. И, как объясняют авторы, все масонские термины, символы и обряды связаны с древнейшим пластом времени и древними текстами. Но если масоны только поминают название Арки в своих ритуалах, то рыцари стремились к гораздо более зримому результату — их каменщики возводили храмы, начиненные арками. В этом плане они все были Мастерами и Архитекторами мира. Хотя бы его моделей, но когда-то — верили они — этот принцип восторжествует. И…

«Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья…»

Любой тамплиер подписался бы под этими словами русского поэта Пушкина обеими руками.

Это доказательство? Нет? Поверьте, существует одно неоспоримое доказательство, что понимали тамплиеры под передачей знания и способом его передачи. Лишенные своего Храма в Иерусалиме, разогнанные папой и королем, изгнанные из Тампля, опороченные, втоптанные в грязь, ставшие страшилкой для темного населения своего времени, они… вернули себе Иерусалимский Храм.

Часовня Росслин

Если нельзя остаться там, куда влечет тебя душа, создай ей новое обиталище. Из камня и любви, да здравствует Бог Святая Любовь. Тамплиеры построили Храм, точную его копию, далеко на севере, в местечке Росслин, принадлежащем графам Сент-Клер. Если Гуго де Пейн заложил основы Ордена Храма в Палестине, то его прямые потомки Сент-Клеры сделали это в Британии.

Часовня Росслина — строение удивительное. Она полностью повторяет Храм Соломона в Иерусалиме, но не то г, который был возведен в первоначальном виде, а тот, который застали во время своего появления в Палестине первые тамплиеры. Даже западная стена часовни выполнена так, будто бы некогда примыкала к другому зданию, точно за нею находилось еще одно помещение. Именно так эта стена выглядела в разрушенном Храме Соломона. (Позже с той стороны достроили крестильню, но к масонам и тамплиерам эта достройка уже отношения не имеет.) В часовне точно такое же количестве колонн, что и в храме Соломона, и расположены они тоже особым образом, образуя в рисунке тройной иудейский крест. Главные колонны имеют различия даже внешне: левая обвита узором, правая — совершенно прямая и аскетичная. Сверху они соединены, образуя ма-ат, как замечают авторы «Ключа Хирама». Под часовней имеется замурованное после завершения строительства помещение. Никто до сих пор не знает, какие оно скрывает тайны. Однако известно, что там были погребены рыцари-тамплиеры, оказавшиеся после процесса в Англии.

Интересно и другое: конечным пунктом назначения одной группы кораблей, вышедшей из Ла-Рошели, было как раз поместье тамплиера Сент-Клера. И известно, что хозяин поместья имел некие ценности (четыре сундука), в которых хранил документы и реликвии Ордена. Скорее всего, это и были главные из тех сокровищ, которые напрасно пытался отыскать король Филипп Красивый. Когда тамплиеры перевозили свои сокровища в только что выстроенный для этого парижский Тампль в 1306 году, эти бесчисленные повозки жадными глазами провожали не только простые горожане и зеваки, король тоже следил, как золото проплывает мимо его рук. Может быть, лицезрение торжественного переноса достояния Ордена в надежно охраняемый Тампль и стало той последней каплей, которая позволила ему решиться на начало травли тамплиеров. Вот только сокровищ он не нашел, хотя тамплиерский Тампль на этот предмет обшаривали долго. Как удалось тамплиерам вывезти ценности Ордена из уже не принадлежавшего им Тампля? Очень несложным путем.

Тайна этого сокрытия ценностей открылась в 1745 году после находки одного интересного документа. Ожидавший смерти Жакде Молэ в письме племяннику предыдущего Великого магистра, Гийома де Боже, написал такие строки: «В могиле твоего дяди, Великого магистра де Боже, нет его останков. В ней находятся тайные архивы Ордена. Вместе с архивами хранятся реликвии: корона иерусалимских царей и четыре золотые фигурки евангелистов, которые украшали гроб Христа в Иерусалиме и не достались мусульманам. Остальные драгоценности находятся внутри двух колонн, против входа в крипту. Капители этих колонн вращаются вокруг своей оси и открывают отверстие тайника». Поэтому после того, как обвиненного в ереси последнего Магистра сожгли на костре, а Тампль навсегда

потерял своих хозяев, молодой граф Гишар де Боже попросил у короля разрешение вывезти из Тампля и захоронить останки своего дяди. Король не усмотрел ничего необычного в пожелании юноши. Действительно, если Тампль больше не принадлежит тамплиерам, то имеет смысл перезахоронить останки. Граф Гишар забрал «останки» своего великого предка. Зато, как только документ был найден, в Тампле началось нечто невообразимое: он был буквально весь простукан и проверен. Да, все сходилось: одна колонна — полая, одна могила — пустая. Но никаких сокровищ не нашли. Было высказано предположение, что сокровища Гишар перевез в принадлежавший семье родовой замок. Проверили и замок, да не просто проверили, а чуть не растащили по камням, но ничего не нашли.

В 70-е годы XIX века, когда тамплиерскую церковь снесли и опять-таки ничего не обнаружили, одному искателю сокровищ пришла мысль, что Боже владели еще и южным замком в Аржини на реке Роне. Замок оказался в отличном состоянии, но, увы, неведомо было, где нужно искать. Особо обращала на себя внимание главная башня, носившая название «Восемь блаженств»: она была вся расписана странными знаками — не то орнаментом, не то тайнописью. Как бы то ни было, тайнопись эту никто так до сих пор и не расшифровал.

Зато в 1885 году странные документы нашел простой сельский кюре Соньер. С этого, собственно говоря, начинается книга «Священная загадка» (в другом переводе «Святая кровь, Священный Грааль») Байджента, Линкольна и Ли. Произошло это во время подновления одной из колонн небольшого храма Марии Магдалины в Ренн-ле-Шато, небольшом местечке в Лангедоке, где некогда был знаменитый Монсегюр. Ренн-ле-Шато расположен километрах в сорока и от другого знаменитого городка — Каркассона. Кюре Соньер, имевший отличные виды на будущее, сам попросил назначения в это «дикое» и нецивилизованное место. Собственно, поводом была старинная семейная легенда. Предки Соньера были рыцарями Храма, одному из них было известно, что после разгрома Ордена некоторые ценности были спрятаны в церкви Ренн-ле-Шато. Молодой Соньер не верил преданию, но он любил эти места, ведь совсем рядом находилась его родина. Жил он спокойной и неприметной жизнью, завел себе прислугу Мари Денарнанд, ходил в гости в соседнюю деревушку

к другому кюре, сблизился с жителями, гулял по окрестностям, которые были буквально насыщены историей — недалеко развалины замка шестого магистра Ордена Бертрана де Бланшфора, под лучами солнца вырисовывается вершина Ле Безу с развалинами древней крепости тамплиеров, за перевалом — испанское местечко Сантьяго де Компостела, считающееся святым…

Но в один летний день судьба неожиданно изменилась: подновляя церковь, Соньер обнаружил, что одна из балок, находившихся под алтарной плитой, пустая. Он осмотрел балку со всех сторон, нашел отверстие и, когда просунул руку, вынул один запечатанный деревянный цилиндр. Всего их оказалось четыре. По виду они были очень старыми и позеленели от плесени. Сломав печать, он вынул из футляра пергамент, на котором нашел совершенно непонятный текст, написанный на латыни. Соньер сообразил, что пергамент содержит зашифрованное послание. Он знал, что в средние века шифры были довольно примитивными, поэтому стал искать зацепку, чтобы понять систему шифра. Присмотревшись, он увидел, что некоторые буквы слегка выступают над строкой, эти буквы он записал на бумаге и получил следующее сообщение: сие сокровище принадлежит королю Дагоберту Второму и Сиону и там погребено. Смысл текста был ему непонятен. Но поскольку речь шла о какой-то чудовищной древности, о временах франков и королях династии Меровингов, он решил сообщить о своей находке в Париж. В тот же день отправился в путешествие и в Париже посетил настоятеля семинарии Сен-Сюльписского аббатства, в которой когда-то учился. Находки очень заинтересовали и настоятеля, и его племянника, специалиста по тайнописи и эзотерике, и в результате текст был расшифрован. Следствием этого стала

покупка деревенским кюре трех репродукций — портрета папы Целестина Пятого работы неизвестного художника XIII века, картины фламандского художника Давида Тенирса «Святой Антоний и святой Иероним в пустыне» и пейзажа Никола Пуссена «Пастухи в Аркадии». С этого времени стиль жизни Соньера резко переменился. У него появились деньги. Много денег.

Следует сказать, что тратил он их с пользой для местных жителей. Через поселок провели современную дорог); улучшили быт крестьян. Соньер отреставрировал церковь, заменив надгробную плиту маркизы де Бланшфор, затем построил виллу с претенциозным названием Бетания, где и поселился вместе со своей служанкой. А на одном из соседних холмов стал возводить что-то вроде замка. Правда, отреставрированная церковь несколько смущала односельчан, потому что на фронтоне над входом он поместил изречение на латыни — «Terribilis est locus ist» — «Место сие ужасно», а чуть ниже — зашифрованную надпись, которая гласила, что рыцари истинной веры — катары, альбигойцы и тамплиеры. Словом, находка разом сместила всю систему ценностей нашего кюре.

Жителям не слишком нравилась проведенная кюре реставрация: в церкви появилась какая-то совершенно некатолическая фигура с омерзительным демоническим лицом, странные картинки на стенах, так не похожие ни на что, виденное ими раньше, и явно не имеющие ничего общего с ортодоксальным католицизмом. Изображения сопровождали цитаты из Талмуда, написанные на иврите. Да, Соньер после находки странных текстов стал усиленно изучать иврит. Но, конечно, больше всего недоумения вызывали постоянные гости кюре — все особы весьма именитые: французский министр, двоюродный брат австро-венгерского императора, титулованные и важные граждане.

Соньер умер в 1917 году, причем вызванный для исповеди священник отказался отпустить ему грехи. Его служанка Мари дожила до конца Второй мировой войны. В 1946 году, когда правительство де Голля провело денежную реформу и для обмена купюр требовалось предъявить доказательства, что состояние нажито честным путем, жители Ренн-ле-Шато видели, как она сжигала толстые пачки денег. Это были деньги, которые еще во времена ее молодости получил за сохранение в тайне своей находки кюре Соньер. Авторы «Священной загадки» считают, что тайна, за которую были заплачены эти деньги, связана с «постыдной тайной ортодоксального католицизма», с тем, что Мария Магдалина была женой Иисуса, а дети Христа дали начало королевскому роду Меровингов. Впрочем, даже если это правда, то внуки и правнуки Иисуса ничего хорошего от своего предка не взяли: вся история Длинноволосых королей связана с предательством и кровопролитием — родоначальником династии Меровингов с тем же успехом мог бы стать и Иуда. Так что эта «святая кровь» и этот «святой Грааль» больше похожи на дурную кровь. Не верите? Прочитайте хроники Фредегара. Все эти события в идеализированной форме нашли отражение в эпосе древних германцев «Кольцо Нибелунга». В неприкрашенном виде они ничуть не симпатичнее, чем кровавые события русских летописей.

С находкой Соньера связаны и разного рода фальшивки, которые только запутывают исследователей. Расшифровка текстов тамплиеров, несмотря на примитивность шифра, часто оказывается гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, потому что это все равно что читать алхимические рецепты. Например, на одном здании, принадлежавшем тамплиерам, помещен текст, который после расшифровки (!) выглядит так:

Построй сие тайное жилище
мерою трижды стократ
против матричной меры в длину-долготу,
пятижды десятикрат в ширину-широту,
трижды в толщину-глубину.
Тою же мерою мерь Круговое Пространство,
коего верхняя часть доступна Свету.

Растянув же его в противную сторону,
отстрой то, что внизу, дважды и трижды.

В упомянутом уже замке Аржини тоже немало странных знаков и надписей, которые не поддаются расшифровке, потому что утерян ключ, способный сделать прозрачным тайный язык тамплиеров. Один из исследователей даже провел в Башне Восьми Блаженств целый год. Вывод его таков: сокровища тамплиеров может найти лишь тамплиер. Хотя существует надпись, якобы дающая указания, где искать:

Тайные Сокровища под крепкой охраной: каждую дверь стережет дракон. Найти помогут Смирение, Бескорыстие, Чистота. Сии три ключа верны для того, кто верно их разумеет. Искусный возьмет Ф. Ф. (короля), но сей на воздусех. Сокровище истинное наверху. Почто блуждаешь, несчастный, выбиваясь из сил? Размысли: великое искусство есть свет.

Другая исследовательница, госпожа де Грация, считает, что «…в Алхимической башне восемь окон, из них одно заложено. Надо бы разобрать эту кладку и посмотреть, куда упадет из окна луч света 24 июня. Этот луч должен сыграть важную роль: может быть, он укажет на камень, где записаны точные указания. Но, надо думать, ключ к загадке доступен лишь одному человеку, причем посвященному в орденские тайны».

Не менее перспективен для кладоискателей и замок Барбезьер, возведенный на развалинах тамплиерского замка. Очевидно, кто-то старательно скопировал тамплиерские знаки на стены нового замка. Известно, что уже после гибели Ордена в Барбезьере стоял воинский отряд (для чего были выстроены гарнизонные казармы), а на старом кладбище сохранились плиты с тамплиерскими знаками. Неплохие шансы у поместья Сен-Мартен-де-Ванс, у дома сенешаля в Ажане, у «золотой» и «серебряной» пещер в департаменте Луара, где некогда для странствующих тамплиеров были в тайных местах установлены сосуды с деньгами — для серебра квадратный, для золота — круглый, у замка Валькроз, стены которого тоже испещрены странными знаками, а в часовне находится хотя и поздняя, но весьма необычная картина XVIII века, изображающая святого Селестина, на которого падает луч света. Надпись на луче гласит: «Сие есть истина».

По преданию, ключ к поискам сокровищ звучит так:

«Под старым замком Вальдекруа (Валькроз) лежат сокровища Ордена тамплиеров. Иди туда, ищи. Истина и святой укажут тебе путь».

Но пока что никаких сокровищ там тоже не нашли. Существует предание, что тайные сокровища тамплиеров оказались на Дубовом острове у берегов Америки. Сколько я знаю, там действительно нашли весьма странный потайной колодец, в котором некогда что-то хранили.

Интересные сведения имеются и о замке Жизор, некогда принадлежавшем тамплиерам. Жизорская версия активно разрабатывалась журналистом Жераром де Садом, он даже выпустил несколько книг, которые тут же были переведены на иностранные языки. Начало расследованию де Сада положило случайное знакомство с человеком по имени Роже Ломуа. В те годы, когда журналист встретился с Роже, это был уже сломленный человек, бродяга. Но прежде, во время Второй мировой войны, он был смотрителем замка. Будучи в душе кладоискателем, Ломуа однажды решил провести раскопки в земляном холме, на котором стоит восьмиугольная башня замка, Он прокопал шахту глубиной в 16 метров — узкую и длинную, и уперся в подземную крипту, эта древняя усыпальница была квадратной, четыре на четыре метра, и — как оказалось, когда Ломуа в нее попал, — пустая. Из крипты он решил вести свой разведочный ход к башне, поэтому он проломил одну из стен и начал копать снова, пока, в конце концов, не наткнулся на другую каменную стенку. Не долго думая, Ломуа проломил и эту стену. То, что предстало его глазам, было почти нереальным: в огромном зале с очень высоким потолком он увидел изваяния, изображавшие Христа и 12 апостолов, 19 тяжелых каменных саркофагов и 30 металлических сундуков, Сундуки были

невероятных размеров. Одному человеку было невозможно ни поднять, ни сдвинуть такой сундук, Ломуа был потрясен, он понял, что сделал находку века. Он тут же отправился в мэрию, где; порассказал, что нашел настоящее сокровище. В мэрии, выслушав Ломуа, находкой не заинтересовались, а самого незадачливого кладоискателя тут же уволили, обвинив в порче исторического памятника. Де Сад, выслушав бродягу, понял, что напал на нечто весьма тайное. Чтобы мэрия не интересовалась найденными в замке ценностями? Он стал вести свое расследование. Де Сад, изучив архивы Жизора, пришел к выводу, что Ломуа случайно наткнулся на сокровища тамплиеров, но, скорее всего, для мэрии это не было большим секретом и они выступали своего рода хранителями тайн, вот почему не было проведено никаких исследований. Конечно, может существовать и другое объяснение: только что завершилась война, чиновникам было не до горе-археолога и его находок. Но почему тогда эта находка вообще была скрыта от ученых? К тому же «раскоп» Ломуа тут же заделали, а потом еще и забетонировали, чтобы никому не пришло в голову снова ломать каменную кладку…

О замке Сент-Клеров в Росслине, который был разрушен войсками Кромвеля, рассказывают, что одно время, до постройки часовни, сокровища хранились там, в башне. И якобы уже во время строительных работ однажды там начался пожар, который охватил огнем всю башню. Слуге Сент-Клера удалось выкинуть в башенное окно тяжелые кованые сундуки и спасти документы Ордена. Сундуков было четыре. После завершения строительства они были помещены в подземелье часовни и там замурованы.

На строительство этой часовни Сент-Клеры наняли большое количество профессиональных каменщиков, которым платили огромные по тем временам деньги. Одновременно из этих рабочих и мастеров была сформирована низшая ступень будущего масонства. Символами этого зачатка франкмасонства стали мастерок и фартук, совсем как у тамплиеров. Впрочем, тамплиеры пользовались и другой масонской символикой: на некоторых зданиях Ордена изображены масштаб (24-дюймовая линейка) и циркуль, угольник, иудейский Т-образный крест. Сохранился средневековый рисунок, изображающий град Небесный — Новый Иерусалим. Этот рисунок принадлежал Ордену. Он весь нашпигован той символикой, которая позже станет называться масонской. Да, если хотите, в большей части это еврейская символика. Точнее, мы привыкли ее связывать с иудаизмом, но евреям она досталась от египтян и вавилонян, а им — от шумеров. А шумерам?

Ведь знание, которым пользовались жители шумерских городов, было слишком совершенным, чтобы родиться из пустоты. Очевидно, оно было принесено теми, кто был до стихийного бедствия, называемого во всех древних текстах потопом. И то, что пытались понять и изучить тамплиеры, явилось на свет многие тысячелетия (если не десятки тысячелетий) тому назад. Конечно, каменщики, которые строили часовню в Росслине, вряд ли догадывались о такой глубине времен, откуда всплыли иудейско-египетские тайны. Но каменщики в средневековой Европе тоже были своего рода тайным союзом, гораздо более тайным, чем другие профессиональные объединения — цеха. Недаром уничтоженный Орден стал налаживать связи именно со строительными союзами. Отлично они друг другу подходили и пользовались как символом веры одной и той же легендой — легендой о мастере Хираме.

По этой легенде, мастер Хирам был приглашен царем Соломоном для строительства нового Храма. Хирам был исключительным мастером, и он должен был построить такой Храм для Ковчега Завета — главной иудейской святыни — какого в мире еще никогда не было. Но трое каменщиков возжелали вызнать секреты мастера, они сговорились сделать это силой. И вот, когда мастер молился в храме, они заняли все ведущие наружу ворота: один встал в южных воротах, другой в восточных и третий в западных. Мастер собрался покинуть храм и направился к южным воротам. Тут ему преградил дорогу рабочий с плотницкой линейкой в руке. Рабочий под страхом смерти потребовал мастера выдать секреты, но тот отказался.

Тогда рабочий изо всех сил ударил его линейкой в правый висок. Мастер пошатнулся и упал на левое колено, но нашел силы подняться и пойти к западным воротам. Там его ждал второй рабочий, вооруженный отвесом. Как только мастер отказался раскрыть ему тайну, рабочий нанес ему страшный удар в левый висок, и мастер упал на правое колено, но снова нашел в себе силы встать. Он пошел к восточным воротам, но и там его поджидал еще один заговорщик, и когда мастер и в третий раз отказался открыть тайну, рабочий нанес сокрушительный удар каменным молотком точно в середину лба. Мастер умер. Опомнившись, рабочие поняли, что они натворили, поэтому они сильно испугались и спрятали тело мастера за городскими воротами, забросав землей. Когда стало ясно, что мастер пропал, пятнадцать ремесленников были выделены на его поиски. Они разбились на три группы по пять человек и методично обшаривали округу. Удача улыбнулась им случайно — один из ремесленников случайно схватился рукой за куст, и куст, к его удивлению, легко выдернулся из земли. Оказалось, что под этим кустом и спрятали убийцы тело мастера в неглубокой могиле. Чтобы не потерять могилу, он воткнул на этом месте ветку акации. А потом тело мастера было перенесено и погребено по всем правилам. Но с тех пор секреты мастерства оказались утраченными.

Легенда о Хираме использовалась тамплиерами в их ритуалах, она же использовалась и используется масонами самых разных направлений. А строительная символика и строительные термины — неотъемлемая часть языка масонов.

Некоторые люди думают, что в часовне Росслин спрятан святой Грааль. Тамплиеры широко распространяли эту легенду о Граале, это одна, кстати, из самых известных таплиерских легенд, но понимали они скорее всего под Граалем не то, что понимаем мы сегодня. Во всяком случае, для них Грааль гораздо в большей степени был не чашей или драгоценным камнем, а духовным преображением, метафорой. Грааль тамплиеров был всего лишь учением скрытого круга, то есть тайное знание, которое становится доступным далеко не сразу, и человек должен пройти все стадии ученичества и более тайного посвящения. Тамплиеры выработали особую структуру открытия Знания — по ступеням. Этой практикой потом успешно воспользовались масоны. Так вот они понемногу поднимали уровень мышления своих учеников, пока те начинали понимать, что «говорящая голова» или «демон с бородой» — Бафомет — всего лишь символическое изображение Аха-моф — еврейской Мудрости.

Почему все время мы говорим о еврейской мудрости? О еврейском наследии? Да просто потому, что Святая земля — это прежде всего еврейская земля. И для других народов в этом ничего обидного нет.

Значит, тамплиеры выжили? Да, но под другими именами. Кто-то вошел в состав других орденов, кто-то отправился через океан в далекие новые земли. Но везде, где они появлялись, появлялись их храмы. Присмотритесь, их храмы с магическими знаками дошли даже до окраин Центральной Европы — Венгрии, Бессарабии, Польши, Прибалтики, а некоторые храмы можно отыскать и в России.

А — золото? А — сокровища?

Заключение: по следам тамплиеров

Почему-то всегда, когда речь заходит о тайнах тамплиеров, люди сразу воспоминают о золоте и бриллиантах. Я не думаю, что стоит так активно заниматься кладоискательством и тешить себя несбыточной мечтой. Везде, где появлялись тамплиеры, росли храмы, замки, комтурии, вообще активно шло строительство. Значит, золото — было? Не спорю — было. Значит, нужно искать? Можно искать, но вряд ли многое отыщется. Просто подумайте: а на какие средства появлялись эти храмы, здания? Не на то ли самое золото и серебро, которое с маниакальным упорством ищут все, кто надеется стать наследником тамплиеров? Если не верите мне, то посмотрите на прекрасные сооружения рыцарей-монахов и просто подсчитайте их стоимость. Вряд ли после этого вас прельстят темные и сырые подземелья. Гораздо интереснее пройти по другим следам.

Когда вы открываете старинные тексты, вы меньше всего думаете о рыцарях Храма. А между тем без их труда эти книги никогда бы не появились на свет. Благодарите рыцарей, что они ввезли в Европу такое количество древних и иноязычных текстов, что церкви в конце концов пришлось смириться и уступить. Так началось Возрождение, а следом за ним пришло Новое время. И пришли революции, которые смели старые феодальные порядки, как, собственно и хотели рыцари. Если они не смогли создать свое государство, свой Эдем, они взорвали всю сгнившую систему правления и освободили народы Европы. Правда, ради этого пролились реки крови. Французская революция 1789 года так вообще прошла под знаком тамплиеров. Так прошлое, уничтоженное и растоптанное, возвращается, чтобы судить плохое настоящее. Максимилиан Волошин был в этом убежден: «Революция началась взятием Бастилии, потому что Бастилия была тюрьмой Якова Молэ (имеется в виду Жак де Молэ. — *Авт.).* Авиньон был центром революционных зверств, потому что он принадлежал папе и там хранился пепел Великого магистра. Все статуи королей были низвергнуты для того, чтобы уничтожить статую Генриха IV, стоявшую на месте казни Якова Молэ, и на этом месте тамплиеры должны были воздвигнуть Колосса, попирающего ногами короны и тиары», цитирует он книгу Кадэ де Гассискура «Гробница Якова Молэ». Впрочем, в этой революции участвовали все масонские движения. Когда, как пишет Волошин, в 1778 году в масоны был посвящен Вольтер, он с удивлением обнаружил среди этого секретного сообщества Бальи, Дантона, Тара, Бриссо, Камилля Демулена, Шамфора, Петиона, Кондорсэ и Дом Герля. А на могиле Жака де Молэ клялись отомстить за его смерть наследникам короля Филиппа Красивого масоны королевской крови — теперь уже из рода Бурбонов. Странно это осознавать, но Великим магистром не существующего для церкви, но существующего для революции Ордена Храма был Филипп Орлеанский, который принял имя Эгалитэ вместо своего, венценосного — Филипп Равенство, так можно перевести его новое имя на русский

язык. Это было чистое имя, на котором не лежало греха французских королей, убивших Последнего Великого Тамплиера. Филипп Эгалитэ понимал, что кровь Жака де Молэ будет лежать проклятием до скончания веков на любом французском правящем королевском доме. Как принц он не имел права быть Великим магистром, как гражданин Эгалитэ — мог. Опираясь на французские источники, Волошин приводит интересные детали разразившегося народного возмущения: «В тех местах, где на стенах церквей и зданий тамплиеры вырубили свои тайные знаки и символы, страшные «знаки Рыб», во время Революции разразились кровавые безумства с неудержимою силой. Во время сентябрьских убийств какой-то таинственный старик громадного роста, с длинной бородой, появлялся везде, где убивали священников. «Вот вам за альбигойцев! — восклицал он. — Вот вам за тамплиеров! Вот за Варфоломеевскую ночь! За севеннских осужденных!» Он рубил направо и налево и весь был покрыт кровью с головы до ног. Борода его слиплась от крови, и он громко клялся, что он вымоет ее кровью. Это был тот самый человек, который предложил де Сомбрейль выпить стакан крови «за народ». После казни Людовика XVI этот самый вечный жид крови и мести поднялся на эшафот, погрузил обе руки в королевскую кровь и окропил народ, восклицая: «Народ французский! Я крещу тебя во имя Якова и Свободы!»».

Настало ли счастливое время? Нет!

Но с той поры мы все живем, окропленные кровью, пройдя не через Огненное, а через Кровавое крещение.

И, может быть, снова должны появиться рыцари, которые захотят построить Храм?

И каковы они будут — рыцари Апокалипсиса?

С огненным мечом и в белом плаще?

Или в рваном бурнусе и с АКМ за спиной?

И каков будет их Храм?

И захотим ли мы в тот эдемский сад, который нам могут предложить?

Литература

(опубликованные источники и электронный архив автора)

Аддисон Ч. Дж. История рыцарей-тамилиеров, церкви Темпла и Темпла, написанная Чарльзом Дж. Аддисоном, эсквайром из Внутреннего Темпла/Пер. с англ. Бергер Е. Е, — М.: Алетейа, 2004.

Амбелен Р. Драмы и секреты истории.

Амбелен Р. Тайный внутренний круг тамплиеров.

Арест С. Рыцари Храма: вечный сюжет для романа.

Байджент М., *Лей Р., Линкольн Г.* Священная загадка, Санкт-Петербург, 1993.

Барбер М. Процесс тамплиеров/ Пер. с англ. Тогоевой И. А. — М.: Алетейа; Энигма, 1998.

Большая советская энциклопедия. М. 1930, 1970.

Бреннон А. Ереси в Средние века: «Есть две Церкви». Перевод Credentes.

Бреннон А. Катары: бедняки Христовы или апостолы Сатаны? Перевод Credentes.

Бреннон А. Катары как слуги дьявола: обвинения оппонентов. Перевод Credentes.

Бренной А. Катары: Христианская церковь на костре. Перевод Credentes.

Бреннон А. Монсегюр. Перевод Credentes.

Брюпель-Лобригион Ж., и *Дюамель-Амадо К.* Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII вв. М.,2001, перевод Е. Морозовой.

Брокгауз и *Ефрон*. Энциклопедический словарь. СПб, 1880.

Буллы по делу Тамплиеров.

Бушми. Н. Каббала, ереси и тайные общества. СПб.,1914.

Венкеллер Т. Церковь Божья. Перевод Credentes.

Военные ордена. Изначальные (оригинальные) правила Тамплиеров. Переведено миссис Джудит Аптон-Вард.

Вермуш Г. Аферы с фальшивыми деньгами. Из истории подделки денежных знаков: Пер. с нем. — М.: Междунар. отношения, 1990.

Волошин М. Пророки и мстители. «Перевал», 1906, ноябрь, № 2.

Гекершорн Ч. Тайные общества всех веков и всех стран. — М.: «РАН», 1993.

Готье Ланглуа Белибаст, несовершенный катар. Перевод Credentes.

Григулевич И. Инквизиция: www.legacy-777.narod.ru

Данэм Б. Герои и еретики. М., 1984.

Доюирард Ж. История инквизиции средних веков. Т. 2.

Дювернуа Ж. Религия катаров. Перевод Credentes.

Доманин А. Крестовые походы. Под сенью креста. М., Центрполиграф, 2005..

Дрюон М. Железный король. — в кн.: Дрюон М. Железный король. Узница ШатоТайара. Пер. с франц. М., 1981.

Заборов М. Папство и крестовые походы. М., 1960.

История ордена Храма [Электронный ресурс] / Бойчук Богдан — http://www.tempIiers.info.

История Средних веков. Хрестоматия. Сост. Степанова В.Е., Шевеленко А.Я., М., «Просвещение», 1988, т.1.

История Средних веков (сост. М. М. Стасюлевич), т. 3, СПб.-М., 2001.

Клари Робер де. Завоевание Константинополя. М. Наука. 1986.

Куглер Б. «История крестовых походов», «Феникс», 1995, Ростов-на-Дону.

Латинский устав ордена Храма [Электронный ресурс] / Интернет-проект «История ордена Храма»

Ли Г. История инквизиции в Средние века. СПб, 1999.

Лебедев А. Тайны инквизиции. М., 1912.

Лионский ритуал катаров. Перевод Credentes.

Люшер А. Французское общество времен Филиппа Августа. Евразия; СПб; 1999.

Лозинский С. История папства. М., 1961.

Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции.

Скотт В. Айвенго.

Майе Жак де. Тайный поход тамплиеров, статья в сборнике «Тайны тысячелетий».

Материалы с сайта http://www.kriptoistoria.com в переводе Credentes.

Мелвиль М. История ордена тамплиеров/ Пер. с фр. к.и.н. Цыбулько Г. Ф. — СПб: Евразия, 2003.

Мишо Г. История крестовых походов. — М.: Алетейа. 2003.

Мудрость древних и тайные общества. — Смоленск: «Русич», 1995.

Ольденбург З. «Костер Монсегюра».

Осокин Н. История альбигойцев и их. времени/ Научная редакция и примечания Р. Светлова. М.: 000 Фирма «Издательство АСТ», 2000.

Парнов Е. Трон Люцифера. Критические очерки магии. и оккультизма.

Печников Б. «Рыцари церкви»: кто они? Очерки об истории и современной деятельности католических орденов.

Репе Н. Прочтение катарами Евангелия от св. Иоанна. Перевод Credentes.

Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство/ Пер. с фр. Карачинского А. Ю. — СПб.: Евразия, 2002.

Рокеберт М. Религия катаров. Перевод Credentes.

Рокеберт М. Религия катаров и ее мифы. Перевод Credentes.

Руа. История рыцарства. С.-Петербург, 1858.

Стампас О. Великий магистр. Исторические хроники рыцарей Ордена Храма Соломонова.

Стампас О. Древо Жизора. Исторические хроники рыцарей Ордена Храма Соломонова.

Стампас О. Проклятие. Исторические хроники рыцарей Ордена Храма Соломонова.

Стампас О. Рыцарь Христа. Исторические хроники рыцарей Ордена Храма Соломонова.

Стампас О. Семь свитков из Рас Альхага, или Энциклопедия заговоров. Исторические хроники рыцарей Ордена Храма Соломонова.

Сугикова И. Из истории рыцарства Южной Франции (тамплиерство и альбигойство).

Тирский Г., История. Глава «Учреждение ордена рыцарей Храма» [Электронный ресурс] / Интернет-проект «История ордена Храма».

Финдель. История франк-масонства, т. I

Фо Г. Дело тамплиеров/ Пер. с фр. Чудиновой Е. В. — СПб.: Евразия, 2004.

Французский Устав Ордена Рыцарей Тамплиеров (Upton-Ward, J.M. 1972, The Rule of Templars. Published by The Boydell Press, Woodbridge, Suffolk, UK. /Пер. с англ. Румянцев Петр (Йошкар-Ола), Котенева Валерия (Самара).

Херберт З. «Варвар в саду».

Шарпантье Л. Тайны тамплиеров/ Пер. с фр. Е. Мурашкинцевой.-М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.

Шарру Р. Сокровища мира — зарытые, замурованные, затонувшие. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.

Штоль Г. Пещера у Мертвого моря. Сокр. пер. с нем. М. А.Туловой. Отв. ред. И. Д. Амусин. М., 1965.

Шустер Г. История тайных союзов, «REFL-book Ваклер», 1996 год.

Эко У. Имя Розы. — СПб: Симпозиум, 2002.

Эко У. Маятник Фуко. — СПб: Симпозиум, 2002.
